

Российская Академия Наук
Институт философии

Igor D. Dzhokhadze

**ROBERT BRANDOM'S
ANALYTICAL PRAGMATISM**

Москва
2015

Российская Академия Наук
Институт философии

И.Д. Джохадзе

**АНАЛИТИЧЕСКИЙ ПРАГМАТИЗМ
РОБЕРТА БРЭНДОМА**

Москва
2015

УДК 14
ББК 87.3
Д 42

В авторской редакции

Рецензенты

доктор филос. наук *В.А. Ладов*
доктор филос. наук *Л.Б. Макеева*
кандидат филос. наук *Г.С. Рогонян*

Д 42 **Джохадзе, И.Д.** Аналитический прагматизм Роберта Брэндома [Текст] / И.Д. Джохадзе ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2015. – 132 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 99–125. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0282-9.

Книга посвящена исследованию философского творчества известного американского мыслителя, представителя питтсбургской школы неогегельянства Р. Брэндома. В центре внимания автора – прагматистский подход Брэндома к решению эпистемологических проблем и его «анафорическая теория истины», представляющая разновидность дефляционизма. Раскрывается содержание основных понятий аналитического прагматизма Брэндома: «дискурсивное обязательство», «нормативные статусы», «семантический холизм», «инференциализм». Прилагается перевод статьи Брэндома «Рассуждение и репрезентация» и полная библиография его сочинений с 1976 по 2014 г.

ISBN 978-5-9540-0282-9

© Джохадзе И.Д., 2015

© Институт философии РАН, 2015

Содержание

Брэндом как систематический философ.....	7
Йель – Принстон – Питтсбург	8
Между «знанием как» и «знанием что».....	9
Фаллибилизм онтологический и эпистемологический	11
Лингвистический поворот.....	14
«Игра в обмен доводами».....	15
Аргумент от регресса интерпретаций.....	17
Интенциональность как «прагматически опосредованное семантическое отношение».....	20
Семантический приоритет пропозиционального	21
Холизм.....	23
Нормативные статусы.....	28
Счет в дискурсивной игре	32
Неправомочные обязательства.....	34
Anerkennung.....	35
Понимание и «объективное обязательство».....	38
Отношения инференциальные и референциальные.....	40
Брэндом – лингвистический идеалист?	41
Объективность и «репрезентациональное измерение дискурса»	45
Видеть – значит понимать	48
Истинность убеждений и перспектива интерпретатора.....	51
Критика «индивидуализма» Макдауэла.....	54
Анафора, дейксис, коммуникация	55
Дефляционизм Брэндома.....	57
Модусы интерпретации: de dicto/de re	59
Историческая и рациональная реконструкция	63
«Объективная правильность» и возможность коллективного заблуждения	66
Является ли взаимное понимание целью коммуникации?.....	70
«Загадка» языка и его логическая структура.....	74
MU-анализ	77
Полемика с Рорти.....	79
«Герметический автор»	84
Приложения	
<i>Роберт Брэндом. Рассуждение и репрезентация</i>	86
Список трудов Р.Брэндома с 1976 по 2014 г.	99
Избранная библиография работ о Р.Брэндоме (на англ. яз.)	105
Указатель имен	126
Summary.....	131

Брэндом как систематический философ

В последнее время все больше профессиональных философов в США, не довольствуясь тем, чем давно и успешно занимаются философы-аналитики – решением частных концептуальных проблем, разбором гипотез и аргументов, – предпринимают попытки создания масштабных философских теорий. Есть основания утверждать, что аналитическая философия вступила в новый, «систематический»¹, период своего развития. Профессор Питтсбургского университета Роберт Брэндом, рассмотрению взглядов которого посвящена настоящая книга, принадлежит к числу авторов, работающих в жанре именно такого философского «системосозидания».

Главная книга Брэндома «Прояснение» (Making It Explicit, 1994) – одно из самых обсуждаемых и критикуемых в США и Европе философских произведений последних десятилетий. Идеи, в ней представленные, легли в основу развернутой Брэндомом в 2000-е гг. концепции «нормативного прагматизма» – довольно амбициозного проекта, сравнимого по масштабу с дескриптивной метафизикой П.Стросона, теорией сознания Д.Деннета или биологическим натурализмом Дж.Сёрла. Кроме того, перу Брэндома принадлежит несколько десятков статей по истории европейской

¹ См.: *Васильев В.* Есть ли будущее у систематической философии? // *Филос. журн.* 2009. № 2 (3). С. 6.

и американской философии – феноменологии Гегеля, семиотике Пирса, логическому и лингвистическому анализу Фреге, Витгенштейна и Остина. Ставя своей задачей «раскрыть историческую преемственность в развитии западноевропейской философии Нового времени и англо-американской аналитической традиции», Брэндом в этих работах пытается взглянуть на классиков (Лейбница, Канта, Гегеля, Хайдеггера) и современников (Хабермаса, Деннета, Рорти) «через семантические очки»².

Йель – Принстон – Питтсбург Роберт Бойс Брэндом родился в 1950 г. в Нью-Йорке в семье инженера. Изучал математику и философию в Йельском университете (с 1969-го по 1972-й), затем в Принстоне, где ему преподавали, в числе прочих, Дэвид Льюис, Кларк Глаймур и Сол Крипке. Большое влияние на Брэндома оказал историк идей и культуролог Брюс Куклик, в особенности его лекции по американскому прагматизму. Куклик был человеком, который, по признанию Брэндома, привил ему интерес к истории философии и внушил мысль о том, что «ни один уважающий себя исследователь не осмелится даже заикнуться о Гегеле, не проштудировав от корки до корки все его сочинения, а еще лучше – все, что было прочитано или могло быть прочитано самим Гегелем»³. В 1977 г. Брэндом защитил докторскую диссертацию (на тему «Практика и объект») и почти сразу получил кафедру в Питтсбургском университете, где работает по настоящее время.

Философские взгляды автора «**Making It Explicit**» формировались под влиянием двух очень разных мыслителей: Ричарда Рорти, который был его научным руководителем, и Дэвида Льюиса, ценившего Брэндома за остроту ума и впечатляющие успехи в области логики, формальной семантики и лингвистики, однако не одобрявшего его «странного увлечения прагматизмом»⁴. Как и Рорти, Брэндом считал, что профессиональная философия в США, основы которой закладывались в 30–40-е гг. прошлого века «великими

² *Brandom R. Between Saying and Doing: Towards an Analytic Pragmatism. Oxford, 2008. P. 232.*

³ *Brandom R. Inferential Man (An interview) // Symplokē. 2014. Vol. 21. № 1–2. P. 388.*

⁴ *Ibid. P. 389.*

эмигрантами» из Австрии и Германии, должна развиваться в направлении, заданном аналитическими прагматистами (У.Куайном, У.Селларсом, М.Уайтом и др.), – к «новому синтезу»⁵ логико-лингвистического анализа и прагматизма⁶. Такая переориентация философии, по мнению Брэндома, способствовала бы расширению проблемного поля исследований, сближению и взаимному обогащению конкурирующих направлений и школ англо-американской аналитической и континентальной традиций.

Между «знанием как» и «знанием что»

В центре внимания Брэндома-прагматиста – проблема соотношения практического и теоретического, прагматики и семантики, «знания как» и «знания что». Свой *нормативно-прагматистский* подход к решению этой проблемы американский мыслитель связывает с наследием Канта и Гегеля и противопоставляет картезианскому репрезентационизму – «зрительской» теории знания (*spectator theory of knowledge*)⁷, согласно которой целью человеческого мышления и научного поиска является «репрезентация» (отражение) независимой от сознания и предшествующей исследованию объективной реальности⁸. «Для Декарта разумность, – говорит Брэндом, – сводится к наличности представлений – состояний сознания, сущность которых в репрезентации чего-либо. Эта наличность мыслится как свойство определенного рода, которым отмечены данные состояния. В противовес модели Декарта – *дескриптивной* концепции интенциональности – Кант выдвинул свою нормативную, или *прескриптивную*, модель объяснения. Здесь во главу угла ставится не наличие или отсутствие некоего *свойства* (property), но *правильность* или *оправданность* (propriety)... подлежащего концептуальной артикуляции действия

⁵ *Brandom R.* Between Saying and Doing. P. 30.

⁶ «С самого начала я искал способ, который позволил бы, образно говоря, заключить рортианскую мысль в льюисовскую форму» (*Brandom R.* Inferential Man. P. 381).

⁷ Выражение Дж.Дьюи (см.: *Dewey J.* The Quest for Certainty: A Study of the Relation of Knowledge and Action. L., 1929. P. 393).

⁸ Уже в первой из опубликованных работ Брэндома (Truth and Assertibility // *Journal of Philosophy.* 1976. Vol. 73. № 6. P. 137–149) проводится это различие: *репрезентационизм – социально-нормативный прагматизм.*

(акта)»⁹. Такая методологическая установка, поясняет Брэндом, предполагает «рассмотрение теоретического и практического сознания (*consciousness*), когнитивной и конативной активности, в специфически нормативных терминах»¹⁰. Человеческий разум, по Канту, не «открывает» законы природы, а «производит» их, *вкладывает* в природу; реальность несет на себе отпечаток нашей разумности и проективности. Позитивистская догма утверждает, что исследование начинается с наблюдений, из которых затем *выводятся* научные истины и теории. Прагматическая стратегия Канта опровергает эту старую догму и дает лучшее, более адекватное и надежное (в сравнении с репрезентационизмом Декарта или британских эмпириков) представление о познании-как-рациональной-деятельности – ровно по тем же причинам, по которым «овладение мастерством проектирования и чертежа дает лучшее представление о строительстве, нежели описание кирпичей или бревен»¹¹. В действительности, говорит Брэндом, *что* человек видит и постигает (содержание его представлений), зависит от того, *как* он смотрит на мир (нормативной практики, модуса *operandi*). **За каждым «знанием что» стоит определенное «знание как»**¹². По мнению Брэндома, значение Гегеля и его европейских последователей состоит в предпринятой ими *натурализации* Канта: концептуальные нормы, регулятивы и принципы стали интерпретироваться как социально-практические установления, институции¹³. Показав, что человеческое сознание (разумное для-себя-бытие) является продуктом исторического развития, Гегель, по выражению Брэндома, «спустил Канта с трансцендентальных небес на землю».

⁹ *Brandom R. Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Cambridge, 1994. P. 9. Сп.: Williams M. Neo-Cartesian and Neo-Pragmatists // Philosophical Studies. 2004. Vol. 117. № 1-2. P. 107–113.*

¹⁰ *Brandom R. Making It Explicit. P. 10.*

¹¹ *Brandom R. Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism. Cambridge, 2000. P. 32.*

¹² См.: *Brandom R. Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary. Cambridge, 2011. P. 47–48.*

¹³ См.: *Brandom R. Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality. Cambridge, 2002. P. 31; Idem. Some Pragmatist Themes in Hegel's Idealism: Negotiation and Administration in Hegel's Account of the Structure and Content of Conceptual Norms // European Journal of Philosophy. 1999. Vol. 7. № 2. P. 169.*

Самопознание принимает форму исторического познания, реконструкции прошлого (Eginnerung): какие мы *суть*, зависит лишь от того, какими мы *сделали* и определили себя – иначе, какой «словарь само-описания» мы используем¹⁴. Одной из задач философии, утверждает Брэндом, является создание, введение в оборот и развитие лингвистических средств – словарей и метафор, которые позволяли бы индивидам и культурным сообществам лучше себя понимать и описывать. Конечно, это не исключительная прерогатива философов. Люди искусства, поэты, художники заняты ровно тем же. Отличие философии в том только, что «творческой» стороной дела ее миссия не ограничивается. Она существенно шире, полагает Брэндом: исследовать *самый процесс* производства и «потребления» словарей, его имманентную логику, исторические условия и закономерности. Язык философии является инструментом нашего «дискурсивного самосознания»¹⁵.

**Фаллибилизм
онтологический
и эпистемологический**

Гегелевская натурализация Канта получила свое продолжение в трудах классиков прагматизма. Краеугольная идея У.Джеймса и Дж.Дьюи заключалась в том, что процессы эволюции (рода) и познавательной деятельности (субъекта) структурно идентичны: в обоих случаях речь идет о *приспособлении*, адаптации организмов к среде – селективном отборе одних элементов и «выбраковке» других. Ч.Пирс даже распространил эту дарвиновскую эволюционно-натуралистическую модель объяснения на всю *неорганическую* природу. «Те самые регулярности, которые принимались учеными старшего поколения, привычными считать парадигмой науки скорее физи-

¹⁴ Ср.: «Гегель повествует об истории как о развитии свободы, как о постепенном пробуждении той идеи, что люди предоставлены самим себе, поскольку для Бога не существует ничего, кроме его развития через мир, – кроме истории человеческого приключения» (*Rorty R. Achieving Our Country: Leftist Thought in Twentieth-Century America. Cambridge; L., 1998. P. 21*). Переосмысление философии истории Гегеля в духе лингвистического идеализма подвело Рорти и Брэндом к *антигегельянскому*, по существу, заключению-тезису об *исторической случайности* культурных эпох и «словарей». См. об этом: *Джео-хадзе И. Неопрагматизм Ричарда Рорти. М., 2001. С. 74–78*.

¹⁵ См.: *Brandom R. Reason in Philosophy: Animating Ideas. Cambridge, 2009. P. 149–150*.

ку Ньютона, нежели биологию Дарвина, за вечные, неизменные, универсальные и неустрашимые законы природы, рассматриваются Пирсом как своего рода “габитусы” Вселенной, которые... представляют собой результат селективно-адапционного динамического процесса развития природного мира»¹⁶.

Такому, по определению Брэндома, «онтологическому фаллибилизму» (представлению прагматистов об изначальной случайности/эмерджентности и изменчивости законов-«привычек» природы) соответствует фаллибилизм эпистемологический (представление о принципиальной гипотетичности и погрешимости всякого знания). Отличие радикального эмпиризма Джеймса-Шиллера-Дьюи от старых материалистических и сенсуалистских доктрин заключается в том, что «опыт» у них не статичен, а динамичен; это поток, а не состояние. Смысл, вкладываемый прагматистами в это понятие, близок скорее к гегелевскому *Erfahrung*, чем к картезианскому *Erlebnis*¹⁷. «Действительным результатом нашего опыта, говорят американские прагматисты, является не обладание знанием, какими-то его фрагментами или частями (items), а практическое понимание, усвоение и закрепление жизненных навыков, требуемых для адаптации и взаимодействия со средой. Это скорее знание как, а не знание что»¹⁸, – знание как «род деятельности»¹⁹.

¹⁶ *Brandom R. Perspectives on Pragmatism. P. 6. Ср.: Fisch M.H. Was There a Metaphysical Club in Cambridge? // Studies in the Philosophy of Charles Sanders Peirce / Ed. by E.C.Moore, R.S.Robin. Amherst, 1964. P. 11* («...всякая непрерывность, утверждал Пирс, представляет собой следствие привыкания»). О «привычках природы» у Джеймса см.: *James W. Pragmatism: A New Name for Some Old Ways of Thinking. N.Y., 1907. P. 265.*

¹⁷ Говоря о «картезианском Erlebnis», Брэндом, по всей видимости, имеет в виду *cogitatio*, опыт как деятельность сознания: «Под *cogitatio* я разумею все то, что происходит в нас таким образом, что мы воспринимаем его непосредственно сами собою; и поэтому не только понимать, желать, воображать, но также и чувствовать означает здесь то же самое, что мыслить» (*Декарт Р. Избр. произведений. М., 1950. С. 240.*)

¹⁸ *Brandom R. Perspectives on Pragmatism. P. 7.*

¹⁹ *Brandom R. Why Philosophy Paints its Blue on Grey: Irony and the Pragmatist Enlightenment // Pragmatism, Nation, and Race / Ed. by Ch.Katzer, E.Medieta. Bloomington, 2009. P. 24. См. также: Brandom R. Hegelian Pragmatism and Social Emancipation (An interview) // Constellations. 2003. Vol. 10. № 4. P. 554.* (Каждый из трех классиков прагматизма, отмечает Брэндом, испытал, в той или иной степени, влияние немецких идеалистов – Канта, Фихте, Гегеля. «Разум есть целесообразное действие», – утверждал Гегель в «Феноменологии

Для развития философии в США прагматизм с его принципом «learning by doing» стал таким же важным событием, как Просвещение с его лозунгом «scientia est potentia» – для культуры Европы, полагает Брэндом. Подобно тому как религиозно-идеологические противоречия, распри и войны послужили катализатором «первой» просвещенческой революции, война Севера с Югом подготовила почву для «второго» – американского – Просвещения. Гражданская война в США воочию продемонстрировала всю пагубность и контрпродуктивность идеологии конфронтации, этико-философского ригоризма и догматизма – «манихейской» стратегии, основанной на противопоставлении светлых сил добра и прогресса темным силам зла и реакции. Первое Просвещение совершило «коперниканский переворот» в сфере морали и общественных отношений, сделав решающий шаг в направлении к секуляризации этики, научив европейского человека «пользоваться собственным умом без руководства со стороны кого-то другого»²⁰. Аналогичный «переворот», только уже в *теоретической*, а не *практической* области совершило новое, прагматистское Просвещение. Наши идеи, убеждения, «истины», так же как моральные постулаты и «заповеди», являются нашими изобретениями, говорят прагматисты. Мы в ответе за свои убеждения (или отсутствие их), как мы в ответе за свои действия (или бездействие). Понятие *объективной реальности*, которой должно «соответствовать» наше знание, оказывается столь же проблематичным (в онтологии и гносеологии), как представление о *божественной воле*, которая довлеет над человеком и определяет его нравственные поступки (в практической этике). Просвещение американского прагматизма, таким образом, продолжает в *теоретическом* плане, *in cogitando*, дело, начатое Просвещением европейским *in praxi*²¹.

духа». «Вслед за ним американские прагматисты, отвергнув старые спекулятивные оппозиции вроде картезианского противопоставления субъекта объекту или дихотомии “описание–предписание”, предложили сфокусироваться на исследовании живого динамического процесса развития человека как социобиологического существа, испытывающего воздействие среды и оказывающего ответное на нее воздействие».)

²⁰ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 6. М., 1966. С. 27.

²¹ См.: *Brandom R. Perspectives on Pragmatism*. P. 43–46; *Idem. Introduction // Rorty and His Critics / Ed. by R.Brandon. Oxford, 2000. P. XI–XII*. Ср.: *Putnam H. The Three Enlightenments // After Cognitivism: A Reassessment of Cognitive Science and Philosophy / Ed. by K.Leidlmair. L.–N.Y., 2009. P. 23–35*.

Лингвистический поворот Переломным этапом в развитии англо-американской философии XX века Брэндом считает «лингвистический поворот» 50–60-х гг.²², создавший основу для «прагматизации» логического и семантического анализа – синтеза аналитической философии и прагматизма. Если философы-аналитики «старой закалки» ограничивались исследованием формализованных, искусственных языков наук (математики, логики, физики), то прагматисты-витгенштейнианцы сделали объектом изучения естественные языки, рассматриваемые *антропологически*, с точки зрения культурной и социобиологической эволюции. Их интерес сфокусировался не на *значении*, а на *употреблении*, на прагматике (дискурсивных практиках), а не семантике (референции)²³. Что первично, а что производно? – заостряет вопрос Брэндом. Семантика (теория значения) определяет прагматику (теорию употребления), или наоборот – прагматика определяет семантику? Аналитическая традиция начинается с семантики, с вычленения базовых семантических элементов (интерпретантов) и анализа их отношений, *употребление же языковых выражений отходит на второй план*. Лингвистический прагматизм движется в противоположном направлении: от употребления – к значению выражений, от прояснения «как» – к пониманию «что». С этой версией прагматизма Брэндом связывает будущее англоязычной аналитической философии²⁴.

²² См.: The Linguistic Turn. Recent Essays in Philosophical Method / Ed. by R.Rorty. N.Y., 1967.

²³ См. об этом: *Медведев В.* Философия языка: Очерки истории. СПб., 2012. С. 187–192. Заслугой лингвистической философии последней трети XX века, пишет Медведев, было «преодоление односторонне-логического подхода к языку»: «Язык перестает сопоставляться с действительностью абстрактно, вне процессов общения, когда язык и действительность ставятся в соответствие друг другу как два изоморфных множества – множество имен и множество предметов. Фокус внимания смещается... от семантики к прагматике», «от языка как системы... к людям, которые им пользуются, к конкретным ситуациям общения» (*Медведев В.* Указ. соч. С. 187–188, 225). Ср.: *Apel K.-O.* Intentions, Conventions and Reference to Things: Dimensions of Understanding Meaning in Hermeneutics and Analytic Philosophy of Language // *Meaning and Understanding* / Ed. by H.Parret, J.Bouveresse. Berlin; N.Y., 1981. P. 82–83.

²⁴ См.: *Brandom R.* Between Saying and Doing. P. 3–9. О «лингвистическом повороте» см. также: *Brandom R.* Some Hegelian Ideas of Note for Contemporary Analytic Philosophy // *Hegel Bulletin*. 2014. Vol. 35. № 1. P. 2–3. Ср.: *Fodor J.*

«Игра в обмен доводами» Исследование языка (анализ значения через употребление), согласно рекомендациям Брэндома, должно начинаться с рассмотрения «нормативных социально-лингвистических практик», с поиска ответа на вопрос, какие различные виды содержания (семантического) эти нормативные практики придают состояниям, речевым актам и действиям, выражающим их. Отличительным признаком человека как разумного существа является *дискурсивность* – практическая способность к рационально-логической аргументации и взаимодействию с подобными себе разумными существами на лингвистическом уровне. «Квинтэссенцию» дискурсивной рациональности составляет деятельность, которую Брэндом называет «игрой в обмен доводами» (*the game of giving and asking for reasons*)²⁵. Играть в обмен доводами – значит что-то *высказывать*, утверждать или отрицать. Корректность хода (пропозициональная содержательность дискурсивного акта) состоит в том, что высказывание субъекта, которое он как бы «ставит на карту», может рассматриваться как довод, *выдвигаемый в обоснование* какого-то положения, с одной стороны, и *требующий*, с другой стороны, обоснования для себя. Невозможно судить о разумности человека, если он не участвует в этой игре, не «ангажирован» в дискурсивную интеракцию, в социально-языковую коммуникативную практику. «Человеческая деятельность, чтобы называться “языковой”, должна включать в себя действия, имеющие практическое значение утверждений-высказываний о существующих фактах – высказываний, являющихся

Hume Variations. Oxford, 2003. P. 14–26; *Williams M.* Context, Meaning, and Truth // *Philosophical Studies*. 2004. Vol. 117. № 1–2. P. 107–129; *Wanderer J.* Robert Brandom. Durham, 2008. P. 103.

²⁵ Брэндом приписывает это выражение У.Селларсу, хотя ни в одном из текстов последнего (во всяком случае, опубликованных) оно не встречается. Схожее «*the game of giving reasons*» использует Дж.Макдауэл (см., например: *McDowell J.* *The Engaged Intellect*. Cambridge, 2009. P. 280–282). Выражение «*space of reasons*» – «пространство смыслов» – употребляют как Селларс, так и его питтсбургские последователи (см.: *Sellars W.* *Science, Perception and Reality*. L., 1963. P. 168–169; *McDowell J.* *Knowledge and the Internal // Philosophy and Phenomenological Research*. 1995. Vol. 55. № 4. P. 877–893; *Brandom R.* *Knowledge and the Social Articulation of the Space of Reasons // Philosophy and Phenomenological Research*. 1995. Vol. 55. № 4. P. 895–908). См. также: *In the Space of Reasons: Selected Essays of Wilfrid Sellars / Ed. by R.Brandon, K.Scharp.* Cambridge, 2007.

декларативными предложениями и выражающих пропозициональное содержание... Пропозиционально содержательные языковые высказывания отличаются тем, что они могут служить как посылками, так и заключениями в выводах (*inferences*). Практика, которая не отвечает этому требованию, т. е. не включает утверждений-высказываний в указанном смысле, может считаться *голосовой*, но никоим образом не *вербальной* практикой»²⁶.

Задачу «прагматико-семантического анализа»²⁷ Брэндом видит, главным образом, в прояснении зависимости содержания лингвистических выражений и интенциональных состояний от *употребления* первых и *функциональной роли* вторых²⁸. Гегель, которого Брэндом числит «семантическим прагматистом»²⁹, по своему раскрывает эту зависимость в «Феноменологии духа» и «Энциклопедии философских наук». Содержание любого понятия, показывает Гегель, не есть нечто раз и навсегда установленное, фиксированное и неизменное. Понятия *приобретают* определенное содержание в процессе их применения, и каждое новое применение доопределяет понятие, нагружая его новым значением³⁰. «Выражения означают то, что они означают, поскольку употребляются так, как употребляются; точно так же интенциональные состояния и отношения имеют какое-то содержание лишь постольку, поскольку играют определенную роль в экономике поведения тех, кто полагается их субъектом. Содержание, следовательно, необходимо рассматривать и описывать в терминах инференциальной уместности-обоснованности (*propriety of inference*), которая, в свою очередь, зависит от степени соответствия действий интенциональных субъектов нормам, установленным практикой. Исследо-

²⁶ *Brandom R.* Reply to Charles Taylor's "Language Not Mysterious?" // *Reading Brandom* / Ed. by B. Weiss, J. Wanderer. L.–N.Y., 2010. P. 301–302. Ср.: *Brandom R.* Reasoning and Representing // *Philosophy in Mind* / Ed. by M. Michael, J. O'Leary-Hawthorne. Dordrecht, 1994. P. 159 («То, что может служить основанием для решения или действия разумного существа, и то, что может быть признанно истинным, ... имеет пропозициональное содержание. Оно выражается декларативами»).

²⁷ *Brandom R.* Perspectives on Pragmatism. P. 158.

²⁸ См.: *Brandom R.* Articulating Reasons. P. 4.

²⁹ См.: *Brandom R.* Tales of the Mighty Dead. P. 215.

³⁰ См.: *Brandom R.* Some Pragmatist Themes in Hegel's Idealism // *European Journal of Philosophy*. 1999. Vol. 7. № 2. P. 167–168.

вание, таким образом, должно начинаться с рассмотрения того, что люди *делают*, и завершаться фиксацией того, что они хотят сказать, *выразить* (mean); *практика* подлежит исследованию в первую очередь, *содержание* выражений и состояний – во вторую»³¹.

Аргумент от регресса интерпретаций

Формулируя свое философское кредо, Брэндом в разных контекстах и ситуациях использует разные «измы»: «семантический прагматизм»³², «инференциализм»³³, «нормативный феноменализм»³⁴ и т. д. Одно из наиболее общих определений – «прагматический рационализм»³⁵. *Рациональность*, не устает повторять американский философ, вкупе с навыком лингвистической интеракции, выделяет человеческий род из животного царства: наши ментальные состояния, интенции и поступки имеют, как правило, рациональные основания (reasons), которые могут быть поняты и транслированы, приняты или оспорены, взяты на вооружение или отвергнуты. Содержание их поддается «*инференциальной артикуляции*»³⁶ (подробнее об этом ниже). В то время как чувствующим существом (sentient being) движет природный инстинкт, человек как существо думающее (sapient) *подчиняется* голосу разума. «В отличие от естественного закона, правило, предписывающее нам определенное поведение, *само по себе* ни к чему не обязывает и не принуждает. Наше действие в соответствии с правилом всегда опосредовано нашим *пониманием* правила и *отношением* к установленному им разумному требованию»³⁷ (незнание или неверное толкование правил оказывается причиной «недолжного» поведения, животные же заблуждаться не могут). Это понимание-отношение может быть и невыраженным, имплицитным. Вслед за Витгенштейном и Селларсом, Брэндом решительно отвергает «регулистскую» догму, согласно которой не существует различия между практической нормой (правилом

³¹ *Brandom R. Making It Explicit. P. 134.*

³² *Brandom R. Perspectives on Pragmatism. P. 24.*

³³ *Brandom R. Reason in Philosophy. P. 8.*

³⁴ *Brandom R. Making It Explicit. P. 627.*

³⁵ *Brandom R. Between Saying and Doing. P. 43.*

³⁶ *Brandom R. Articulating Reasons. P. 5.*

³⁷ *Brandom R. Making It Explicit. P. 31.*

поведения или рассуждения) и эксплицитным регулятивом. Как показал Витгенштейн, всякое правило-предписание *применяется* (если вообще применяется) только в какой-то определенной жизненной ситуации или контексте, следовательно, применение правила – поскольку оно, в зависимости от ситуации, может быть правильным или неправильным – нуждается, *согласно регулистской модели*, в дополнительном правиле-предписании. Это неизбежно ведет к регрессу интерпретаций («интерпретацией» – Deutung – Витгенштейн называет правило применения правила). «...Любая интерпретация, – говорит он, – повисает в воздухе вместе с интерпретируемым; она не в состоянии служить опорой ему. Не интерпретации как таковые определяют значение»³⁸. Существует такое «понимание правила», поясняет Витгенштейн, которое, не будучи интерпретацией, «обнаруживается в том, что мы называем “следованием правилу” и “действием вопреки” правилу в реальных случаях его применения»³⁹. Без этого «понимания» (eine Auffassung einer Regel) трудно было бы говорить о «правильном» или «неправильном» действии – применении правила. Имплицитное «как» здесь предшествует эксплицитному «что»⁴⁰ (подобно тому как овладение языком де-факто предшествует усвоению его грамматических норм и синтаксических правил⁴¹). Аргумент от регресса интерпретаций важен для Брэндома как решающий довод *против* нормативного регулизма *в пользу* «праг-

³⁸ Витгенштейн Л. Философские исследования // Витгенштейн Л. Филос. работы. Ч. 1. М., 1994. С. 162.

³⁹ Там же. С. 163.

⁴⁰ Против такого «удвоения» нормативности возражает Дж.Макдауэл в своем комментарии к предложенной Брэндомом интерпретации антирегулизма Витгенштейна (McDowell J. The Engaged Intellect. P. 96–103). См. также: Hattiangadi A. Making It Implicit: Brandom on Rule-Following // Philosophy and Phenomenological Research. 2003. Vol. 66. № 2. P. 419–431.

⁴¹ Об этом см.: Sellars W. Science, Perception, and Reality. P. 321–358. Селларс рассуждает так: предположим, владение языком *L* состоит изначально в умении пользоваться его лексико-синтаксическим арсеналом в соответствии с некоторыми заранее установленными и четко «прописанными» – *эксплицитными* – правилами. Тогда правила применения этих последних должны формулироваться в другом языке со своими правилами, т. е. должен существовать какой-то метаязык *ML*, правила применения правил которого, в свою очередь, «прописывались» бы в языке *MML*, и т. д.

матистской концепции нормативности»⁴². Критическая позиция Брэндома совпадает с «антиинтеллектуализмом» Гилберта Райла, у которого американский философ заимствует ключевое для нормативного прагматизма, ставшее уже *locus communis*, различие двух названных типов знания («как» и «что»). Главное возражение Райла против «интеллектуалистской легенды»⁴³ заключается в указании на то обстоятельство, что понимание правила само является «операцией», выполнение которой может *быть* правильным, т. е. ситуативно корректным, или *не быть* таковым. «Если для каждого разумного действия строго необходимо, чтобы прежде была совершена, и притом разумно, некоторая теоретическая операция, то оказывается логически невозможным разорвать этот заколдованный круг»⁴⁴. По мнению Райла, любая успешная практика – в терминологии Брэндома, *knowing how* – «предваряет описывающую ее теорию»⁴⁵ – *knowing that*⁴⁶.

⁴² *Brandom R. Making It Explicit. P. 22.* См. также: *Brandom R. A Hegelian Model of Legal Concept Determination: The Normative Fine Structure of the Judges' Chain Novel // Pragmatism, Law, and Language / Ed. by G. Hubbs, D. Lind. N. Y.–L., 2014. P. 21–22.* Подробнее об этом: *Maher Ch. The Pittsburgh School of Philosophy: Sellars, McDowell, Brandom. N. Y., 2012. P. 42–59; Redding P. Analytic Philosophy and the Return of Hegelian Thought. Cambridge, 2007. P. 69–73.*

⁴³ Философы-рационалисты, которым эта «легенда» обязана своим существованием, «склонны приравнивать “знание как” к “знанию что”, настаивая на том, что действие, совершенное разумно, включает в себя соблюдение правил или применение критериев. Из чего следует, что операция, признаваемая разумной, должна предваряться осознанием этих правил или критериев... Предлагается делать сначала теоретический, а затем практический ход» (*Ryle G. The Concept of Mind. N. Y., 1949. P. 29.*)

⁴⁴ *Ibid. P. 30.*

⁴⁵ *Ibid.* В комментариях к Райлу Брэндом приводит следующий фрагмент из «Философских исследований» Витгенштейна: «Сравни знание и речевое выражение: какова высота Монблана – как применяется слово “игра” – как звучит кларнет. Удивляясь, что можно знать нечто и быть не в состоянии это выразить, вероятно, думают о первом случае. И уж, конечно, не о таком случае, как третий» (*Витгенштейн Л. Философские исследования. С. 116.*) О нормативном прагматизме Витгенштейна в интерпретации Брэндома см.: *Brandom R. Perspectives on Pragmatism. P. 69–70.*

⁴⁶ Хотя Кант и внес свою лепту в утверждение регулистской концепции нормативности, он вполне сознавал опасность регресса интерпретаций, отмечает Брэндом. В «Критике чистого разума» *способность суждения (Urteilkraft)* определяется как «умение *подводить* под правила, т. е. различать, подчинено ли нечто данному правилу... или нет» (*Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 217.*)

Интенциональность как «прагматически опосредованное семантическое отношение»

С дихотомией прагматики и семантики, *употребления и значения*, связан целый клубок философских проблем, одной из которых является проблема интенциональности и репрезентации. Брэндом определяет интенциональность как «прагматически опосредованное семантическое отношение»⁴⁷. Этот момент *опосредования* упускают из виду критики прагматизма – репрезентационисты. Они сводят познание к описанию (дескриптивному опыту) и рефлексии по поводу описания. Иначе думают прагматисты: познавая реальность, мы *не просто описываем* ее, но еще и по-своему *изменяем*, в каком-то смысле заново создаем. Брэндом иллюстрирует это примером из классического исследования Элизабет Энском «Интенция» (1957). Представим себе, говорит он, человека, совершающего покупки в соответствии с заранее составленным списком. Другой наблюдает за ним со стороны и записывает предметы, отобранные покупателем. При выходе из магазина у обоих окажутся списки, полностью идентичные, однако имеющие разные функции. Цель покупателя – произвести определенные действия, направленные на изменение мира, сделать так, чтобы *реалии* соответствовали некоторому *представлению* (списку); цель наблюдателя – описать реальность как она есть, не внося никаких дополнений и изменений, т. е. привести слова в согласие с миром. Если покупатель допускает ошибку, он ее исправляет, видоизменяя «плохой», не отвечающий списку мир. Если ошибается наблюдатель, он вносит поправки в список. Джон Сёрл использует этот пример в качестве иллюстрации базового разграничения иллокутивных актов «по направлению приспособления между словами и миром»: *репрезентативов*, целью которых является установление соответствия слов миру, и *перформативов*, имеющих целью соответствие мира словам. Брэндом же говорит о необходимости снятия этого различия – дихотомии *практи-*

Способность суждения (различения правильных и неправильных применений правила) *предшествует* всякому научению и является, по мысли Канта, «отличительной чертой так называемого природного ума (Mutterwitz)» (там же, с. 218) – тема, получившая развитие в «прагматизме» Гегеля (см.: *Brandom R. Making It Explicit. P. 657*).

⁴⁷ *Brandom R. Between Saying and Doing. P. 196.*

ческого (когда реалии отвечают интенциям, «приводятся в соответствие» с намерениями и представлениями) и *теоретического* (когда представления отвечают реальности), дуализма интенций и репрезентаций, намерения и содержания, прагматики и семантики. Познавательный опыт, как мыслят его прагматисты, цикличен: первоначальное наблюдение (изучение ситуации) сменяется размышлением и действием, целью которого является исправление ситуации или устранение какого-либо препятствия, затем следует новое наблюдение (рассмотрение полученного результата) – и новое, обусловленное изменением ситуации, действие: «перцепция – инференция – акция – перцепция»⁴⁸. Таким образом, «все наши убеждения/верования (beliefs) имеют практические последствия, а наши интенции – теоретические ограничения»⁴⁹.

Семантический приоритет пропозиционального

Исходное положение инференциализма Брэндома – тезис о «семантическом приоритете пропозиционального».

Фундаментальным речевым актом, без которого невозможно развертывание специфически дискурсивной практики, является, по мнению американского философа, *ассертив*, т. е. утвердительное высказывание. *Семантически* утверждения суть пропозиции; *синтаксически* элементы языка, с помощью которых мы выражаем пропозициональное содержание, – декларативы. Все речевые акты, служащие трансляции лингвистической информации, рассматриваются Брэндомом как производные от утверждений-ассертивов. Например, акт вопрошания не имеет дискурсивного смысла, если не предполагает ответа, который дается не иначе как в *утвердительной* форме. Точно так же обстоит с директивами, экспрессивами, обещаниями и другими речевыми актами, «паразитирующими» на утверждениях (предписание или обещание выполнить какое-то действие производны от номинации данного действия, экспрессивы – от описания психологических состояний и т. д.)⁵⁰. Вне состава суждений единичные термины не имеют ни-

⁴⁸ *Brandom R.* Making It Explicit. P. 332.

⁴⁹ *Brandom R.* Perspectives on Pragmatism. P. 47.

⁵⁰ См.: *Brandom R.* Making It Explicit. P. 172–173; *Idem.* Between Saying and Doing. P. 117; *Idem.* Perspectives on Pragmatism. P. 30; *Idem.* Interview // *Epistemologia.* 1999. Vol. 22. P. 145.

какого *пропозиционального* содержания и не могут «участвовать» в дискурсивной игре. Это хорошо понимал уже Кант, определявший рассудок как «способность суждения» и отводивший понятиям роль «предикатов»⁵¹; на этом настаивали и Витгенштейн с Фреге (первый доказывал, что лингвистические «ходы» совершаются с помощью предложений, а не отдельных лексем, второй же указывал на принципиальную несводимость содержания предложений к значению слов: «необходимо всегда учитывать полное предложение»⁵², в составе которого слово только и приобретает значение)⁵³. Пропозиционально содержательные высказывания – утверждения – подлежат инференциальной артикуляции: они образуют класс речевых актов, функционирующих как заключения или послышки в выводах. То есть «понятие *утверждения* (asserting) и понятие *вывода* (infer-

⁵¹ «Возможно лишь одно применение... понятий рассудком: посредством них он судит. <...> Понятия относятся как предикаты возможных суждений к какому-нибудь представлению... о предмете» (*Кант И.* Соч.: в 6 т. Т. 3. С. 166–167). «С точки зрения Канта, – поясняет Брэндом, – рассмотрение содержания любых семантически значимых единиц должно начинаться с анализа предложений (суждений); нечто в составе суждения может иметь содержание лишь постольку, поскольку является его частью и, следовательно, вносит свой вклад в его полное содержание... Эта линия аргументации была продолжена Фреге... и Витгенштейном» (*Brandom R.* Reasoning and Representing // *Philosophy in Mind*. P. 161).

⁵² *Frege G.* The Foundations of Arithmetic. N.Y., 1953. P. 71 (§ 60). Ср.: «Поскольку значение предложений зависит от их структуры, а значение каждого элемента структуры следует понимать не иначе, как абстракцию, полученную из всей совокупности предложений, в которых этот элемент присутствует, мы можем задать значение любого предложения (или слова), лишь задав значение каждого предложения (или слова) в языке. Фреге утверждал, что только в контексте предложения слово имеет значение; развивая его мысль, мы могли бы сказать, что предложение (и, следовательно, слово) имеет значение только в контексте всего языка» (*Davidson D.* Inquiries into Truth and Interpretation. N.Y., 1984. P. 22). См. также: *Picardi E.* Was Frege a Proto-Inferentialist? // *Facets of Concepts* / Ed. by J.J.Acero, P.Leonardi. Padova, 2005. P. 35–49.

⁵³ См.: *Brandom R.* Making It Explicit. P. 79–82; *Idem.* Reason in Philosophy. P. 33–34; *Idem.* Articulating Reasons. P. 125–126. «Семантическому приоритету пропозиционального» (суждения → термины) соответствует «онтологический приоритет фактуального» (факты → объекты): «изначально мир представляет собой скопление *фактов*, а не *объектов*» (*Brandom R.* Facts, Norms, and Normative Facts: A Reply to Habermas // *European Journal of Philosophy*. 2000. Vol. 8. № 3. P. 357). Помимо Канта, Фреге и Витгенштейна, к «инференциалистам» Брэндом относит также Спинозу, Лейбница, Гегеля, Хайдеггера и Селларса (см.: *Brandom R.* Tales of the Mighty Dead. P. 33–89).

ging) существенно связаны»⁵⁴. Согласно теории Брэндома, дискурсивная компетенция пользователя языка заключается, прежде всего, в обладании «навыком инференциальной артикуляции». Разумное употребление слов, в отличие от механического или рефлекторного воспроизводства их (как это бывает, когда попугай повторяет услышанные слова и фразы), требует *понимания смысла*, т. е. места и роли высказываний в сети инференциальных связей. Выражение «это красное» несовместимо с выражением «это зеленое»; «красное» означает «имеет цвет», следовательно, предшествует выводу «покрашено» и т. д.⁵⁵. Дискурсивная практика «узаконивает» использование выражения или отдельного слова в каком-то определенном – *правильном* – смысле. «Знаки и звуки *сами по себе* ничего не значат, они семантически бессодержательны. Звукосочетание “кошка” могло бы использоваться для выражения содержания, передаваемого звукосочетанием “лошадь”, или могло бы никак не использоваться, т. е. не выражать ничего. Только включенность знаков и звуков в дискурсивную практику позволяет нам выражать с их помощью пропозиции, концептуальные или интенциональные содержания, высказывать мысли... Это же позволяет нам говорить о правильном и неправильном употреблении слов»⁵⁶.

Холизм Результатом принятия нормативно-практической установки оказывается «семантический холизм»⁵⁷: овладение любыми понятиями и осмысленное использование

⁵⁴ *Brandom R. Between Saying and Doing. P. 111.*

⁵⁵ «Этот навык – практическое умение, “знание как” – позволяет носителю языка свободно оперировать дискурсивным инструментарием... Обладать им – значит понимать, что является предпосылкой чего, какие фактические состояния или события предполагаются утверждением, а какие им исключаются, и т. д. Высказываясь о чем-то, *знающий* совершает ход в дискурсивной игре в обмен доводами, причем так, что этот ход всегда каким-то образом связан с другими, предшествующими или последующими, ходами. Неразумное существо, “умоющее” правильно реагировать на стимульные воздействия, или исправно функционирующее механическое устройство лишены понимания фактов, ведь они не владеют инференциальной артикуляцией, благодаря которой раскрываются концептуальные содержания» (*Brandom R. Reasoning and Representing // Philosophy in Mind. P. 162–163*). См. также: *Brandom R. Inference, Expression, and Induction // Philosophical Studies. 1988. Vol. 54. № 2. P. 259–260.*

⁵⁶ *Brandom R. Making It Explicit. P. 146.*

⁵⁷ См.: *Brandom R. Articulating Reasons. P. 15–16.*

их, постулирует Брэндом, возможно лишь в связи с овладением/пользованием другими понятиями, т. е. пониманием того, употребление каких понятий с необходимостью вытекало бы из употребления первых понятий (либо, напротив, исключалось бы ими), с одной стороны, и какие понятия предполагали бы (исключали бы) это употребление – с другой⁵⁸. Согласно репрезентационизму, имеется некоторое, пусть ограниченное, количество «эпизодов, состояний и выражений», значение которых может быть схвачено напрямую, безотносительно к другим состояниям или выражениям и вне установленного контекста. Брэндом отвергает такой семантический атоизм. «Понимание холистично – следовательно, холистично значение»⁵⁹.

Автор «Making It Explicit» продолжает линию *антирепрезентационистов* Рорти и Селларса, критиков «мифа о данном». Согласно этому мифу, эпистемологическим фундаментом знания, включая научное, являются первичные «данные» ощущений, якобы приобретаемые субъектом без какого-либо предварительного обучения, лишь в процессе непосредственного чувственного контакта с внешним миром. Миф о данном, по Селларсу, базируется на допущении знания («внутренних эпизодов»⁶⁰), имеющего невы выводной характер. Различного рода сенсуалистские и феноменалистские доктрины принимают тезис о невы выводном знании за не требующую доказательств аксиому. В этих теориях, говорит Селларс, утверждается, что чувственная данность, например, красного треугольника является предельным основанием анализа. Однако, возражают холисты, без предварительного формулирования понятий, без освоения языка («включенности в дискурс») невозможно даже установить, что определенный объект есть «красный» и

⁵⁸ См.: *Brandom R. Making It Explicit*. P. 89–91.

⁵⁹ *Brandom R. Perspectives on Pragmatism*. P. 204. Ср.: *Sellars W. Empiricism and the Philosophy of Mind*. Cambridge, 1997. P. 44–45 (комментарии Брэндома: p. 147, 154). См. также: *Brandom R. Global Anti-Representationalism? // Expressivism, Pragmatism and Representationalism / Ed. by H. Price et al. Cambridge, 2013. P. 96–97; Idem. Inferential Man // Symplokē. 2014. Vol. 21. № 1–2. P. 386–387; Idem. Some Hegelian Ideas of Note for Contemporary Analytic Philosophy // Hegel Bulletin. 2014. Vol. 35. № 1. P. 1–4; Maher Ch. The Pittsburgh School of Philosophy: Sellars, McDowell, Brandom*. P. 14–16.

⁶⁰ *Sellars W. Science, Perception and Reality*. P. 140.

«треугольник»⁶¹. Следовательно, заключает Селларс, ни в одном измерении непосредственно данное не может быть признано исходным моментом исследования, моментом, имеющим неоспоримую достоверность и обязательность. Позитивистскому мифу о данном питтсбургские холисты противопоставляют учение о том, что ощущения и восприятия становятся «данными», только будучи интерпретированы в некоторой языковой системе, обучение которой является прямой и необходимой предпосылкой всякого осмысленного наблюдения; все, что человек ощущает или воспринимает, определено дискурсивно-рациональным инструментарием, которым он пользуется⁶².

Ключевым в эпистемологии Брэндома является понятие *вывода* (инференции), а не истины. «С точки зрения *истины*, понимание предложения, т. е. наделение его пропозициональным содержанием, состоит в определении условий истинности соответствующего высказывания: в знании того, какими должны быть реалии, чтобы данное предложение было истинным. Здесь *понимание* объясняется в терминах определенного вида *знания*»⁶³. Однако, задается вопросом Брэндом, какова природа этого знания? Надо ли полагать, что оно представляет собой вариант обоснованного истинного мнения (*justified true belief*)? Возьмем высказывание «снег

⁶¹ Ibid. См. у Рорти критику мифа о «непосредственно данном»: *Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature*. Princeton, 1979. P. 104–106. Холистская установка Селларса–Рорти противоположна атомистической в том смысле, что она исключает, в формулировке последнего, «идею о существовании некоторых самостоятельных лингвистических сущностей (linguistic entities), вырванных (наподобие “простых имен” в “Логико-философском трактате” Витгенштейна) из взаимосвязи с другими сущностями», т. е. таких имен, которые не являются, как полагают холисты, «просто узелками в определенной сети отношений» (*Rorty R. Wittgenstein, Heidegger, and the Reification of Language // Rorty R. Essays on Heidegger and Others*. Cambridge, 1991. P. 58–59).

⁶² Ср.: «Восприятие размера, цвета и тому подобных свойств объектов, обнаруживаемых в эксперименте, ... изменяется под влиянием предшествующего опыта и обучения испытуемого... Предпосылкой самого восприятия является некоторый стереотип, напоминающий парадигму. То, что человек видит, зависит от того, на что он смотрит, и от того, что его научил видеть предварительный визуально-концептуальный опыт. При отсутствии такого навыка может быть, говоря словами Уильяма Джемса, только “форменная мешанина”» (*Кун Т. Структура научных революций*. М., 1977. С. 153).

⁶³ *Brandom R. Reason in Philosophy*. P. 168.

бел». Оно будет истинным тогда и только тогда, когда снег бел. Но если именно к *этой* мнению сводится мое знание об условиях истинности высказывания «снег бел», каким образом дается мне понимание *его* содержания? «Мы попали в ловушку, которая не позволяет нам ничего объяснить: ни действительного содержания высказывания, ни того, в чем состоит его понимание. С точки зрения *инференциализма*, понимание пропозиционального содержания состоит в рассмотрении инференциальной функции или роли высказывания в определенном контексте (в понимании того, что вытекает из данного утверждения или суждения и что может служить его подтверждением или опровержением). Конечно, “знание” это совершенно иного рода, нежели знание истинностных условий. Оно является разновидностью знания *как*, а не *что*, – практическим знанием-навыком, заключающимся в умении различать правильные и неправильные инференции (в которых фигурирует наше высказывание либо в качестве посылки, либо в качестве заключения), а не знанием *того, что* условия истинности высказывания такие-то и такие-то»⁶⁴.

⁶⁴ *Brandom R. Reason in Philosophy. P. 169.* Против инференциализма Брэндома и его интерпретации Канта выдвигалось множество возражений. Майкл Кремер, в частности, указывает на то обстоятельство, что в историко-философских разделах «Making It Explicit» и ряде других работ, посвященных немецкому идеализму, Брэндом «опускает как несущественные» рассуждения Канта о чувственном созерцании (*intuition*) и его роли в познавательной деятельности. Американский философ цитирует Канта: «Возможно лишь одно применение... понятий рассудком: посредством них он судит». Далее, однако, Кант замечает: «Так как только созерцания направлены на предмет непосредственно, то понятие относится не к предмету непосредственно, а к какому-то другому представлению о нем (все равно, созерцание оно или само уже понятие)» (*Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. С. 166–167*). Кант выделяет две «душевные способности»: *восприимчивость к впечатлениям* и *спонтанность понятий* – способность получать представления и способность «познавать через эти представления предмет». Благодаря первой предмет нам «дается», благодаря второй – «мыслится в отношении к представлению». «Ни одну из этих способностей нельзя предпочесть другой. Без чувственности ни один предмет не был бы нам дан, а без рассудка ни один нельзя было бы мыслить. Мысли без содержания пусты, созерцания без понятий слепы. Поэтому в одинаковой мере необходимо свои понятия делать чувственными (т. е. присоединять к ним в созерцании предмет), а свои созерцания постигать рассудком (т. е. подводить их под понятия)»

Итак, ассертивные предложения – и только они – выражают пропозициональное содержание, полагает Брэндом. Все прочие речевые акты (императивы, вокативы, перформативы) интересуют нормативного прагматиста лишь в незначительной степени. Такой редуцированный подход, по мнению критиков Брэндома⁶⁵, обедняет его лингвистическую теорию и дает искаженное представление о дискурсивности. Особенностью ассертивов (декларативных высказываний) является их «безличность», непривязанность к какому-то определенному субъекту, говорящему, или аудитории, слушающим. Содержание предложения-утверждения, его истинность или ложность, никак не определяется тем, *кто* высказывает данное утверждение или *кому* оно адресовано. Декларативы *субъект-объектно нейтральны*. Этим они отличаются, в частности, от императивов, которые представляют собой высказывания-обращения кого-то к кому-то. Императивы и просьбы привязаны к адресату и не поддаются корректному переводу из формы второго лица («Займите место в первом ряду», «Позвоните вечером») в форму третьего лица («*N* должен занять место в первом ряду», «*S* просят позвонить вечером»). Такого рода иллюкутивные акты играют важную конститутивную роль в дискурсивных практиках.

(Там же. С. 155). Кант, таким образом, утверждает, что чувственность (восприимчивость к впечатлениям) и рассудочность (спонтанность понятий) являются независимыми, но связанными между собой «способностями». Только соединение их дает знание, притом ни чувственность, ни рассудочность не сводимы одна к другой. На современном философском жаргоне кантовскую мысль можно выразить так: *репрезентация и инференция*, наименование (введение понятий) и рассуждение (составление предложений) являются независимыми, но связанными моментами дискурсивной практики. Инференциализм Брэндома представляет собой вариант односторонне рационалистического (метаэмпирического) решения дилеммы чувственное/рассудочное: справедливо подчеркивая, что репрезентации без инференций слепы, он забывает, что инференции без репрезентаций пусты (*Kremer M. Representation or Inference: Must We Choose? Should We? // Reading Brandom. P. 241*).

⁶⁵ См., например: *Lance M., Kukla R. Perception, Language, and the First Person // Reading Brandom. P. 115–128; Belnap N. Declaratives Are Not Enough // Philosophical Studies. 1990. Vol. 59. № 1. P. 1–30; Habermas J. From Kant to Hegel: On Robert Brandom's Pragmatic Philosophy of Language // European Journal of Philosophy. 2000. Vol. 8. № 3. P. 322–355.*

Однако Брэндом их не рассматривает: они «выпадают» из его объяснительной схемы⁶⁶ (так же как перформативы, вокативы и вопросительные высказывания⁶⁷).

Нормативные статусы Вообще, американский философ всячески избегает психологизма: понятиям «ментальное состояние», «верование» или «сомнение» в его словаре не находится места. Он предпочитает говорить о *нормативных деонтических статусах*. «Социальная практика – это игра, участники которой выступают носителями различных деонтических статусов – *обязательств* (commitments) и *правомочий* (entitlements)... “Игроки”, в соответствии с правилами игры, совершают “ходы”, которые имеют практическое значение. Оно выражается в изменении статусов»⁶⁸. Совершая некоторое действие или высказывая суждение, человек принимает на себя определенное обязательство (ручается в достоверности утверждения или оправданности поступка). Если эта претензия обоснованна, действие субъекта может считаться социально приемлемым, или *правомочным* (к априори неправомочным Брэндом относит, в частности,

⁶⁶ См.: *Kukla R., Lance M. ‘Yo!’ and ‘Lo!’: The Pragmatic Topography of the Space of Reasons*. Cambridge, 2009. P. 60–62. Даже предложения наблюдения, отмечают авторы книги, далеки от субъектной нейтральности: эмпирический опыт – всегда и с необходимостью *чей-то* опыт. Наиболее адекватно его содержание (first-person experiential encounters with the world) позволяют выразить «рекогнитивы» (recognitives) – речевые акты *признания* или *узнавания* чего-то (включающие, как правило, восклицательные частицы междометного и местоименного происхождения: «Надо же!», «Да!», «Ого!» и т. п.), которые Брэндом обходит вниманием (Op. cit. P. 63–65).

⁶⁷ Подробнее см.: *Belnap N. Declaratives Are Not Enough // Philosophical Studies*. 1990. Vol. 59. № 1. P. 1–5. Как показывает Н.Белнап, в разговорном языке немало слов и их сочетаний, которые приобретают лексическое значение исключительно в интеррогативных контекстах – к примеру, местоимение «*что*» (англ. *what*) в вопросительных предложениях типа «Что является пропозицией?» или «Чем занимается геновая инженерия?». «Слова имеют значение только как составляющие полного предложения (фрегевский принцип контекстуальности). Однако нельзя утверждать, что местоимение “что” и другие подобные словоформы “обретаются” нами в декларативном контексте – только в нем. Чтобы понять их значение, необходимо прежде всего рассмотреть, как они функционируют в составе интеррогативных высказываний» (Op. cit. P. 3).

⁶⁸ *Brandom R. Making It Explicit*. P. 166.

речевые акты, содержащие перформативное противоречие⁶⁹). Нормативные статусы «обретаются» индивидами двояким способом: *признаются* (субъектом действия), принимаются на себя – либо *приписываются* (кому-то другому), налагаются на кого-то. Принятие (*undertaking*) и приписывание (*attributing*) обязательств – суть «фундаментальные деонтические установки (*deontic attitudes*)»⁷⁰. Вне дискурсивных контекстов и практик, по ту сторону социального, никакой нормативности, разумеется, быть не может: статусы «создаются, а не находятся». «Действие, которое вы производите, расписываясь под договором, само по себе ничего не значит: вы водите пером по бумаге и оставляете на ней чернильные знаки. Ваша подпись имеет значение постольку, поскольку рассматривается кем-то другим как обязывающее вас к каким-то дальнейшим действиям, – в силу того что вам, как ответственному лицу, *приписывается* определенное обязательство. С правомочиями ситуация такова же, как с обязательствами. Какой-нибудь разрешающий документ, вроде пропуска или входного билета, предоставляет вам право на определенное действие. Вне установленных правил, однако, ваш пропуск или билет – пустая бумажка»⁷¹. Результатом каждого осмысленного высказывания или действия является изменение нормативного статуса субъекта высказывания/действия, причем решающее значение, как особо подчеркивает Брэндом, имеет *приписывание* (наложение) обязательства, а не *принятие* обязательства индивидом. Как следует это понимать? В каком смысле приписывание обязательств важнее принятия их? Разъяснить это Брэндому помогает пример из истории. В XVIII веке в Великобритании широко применялась практика вербовки солдат

⁶⁹ Перформативная антиномия (или противоречие) – несовместимость пропозиционального содержания высказывания с фактом его совершения. Перформативно антиномичными являются, например, такие высказывания от первого лица, как «Я молчу» или «Я сплю»: само их произнесение свидетельствует об истинности обратного. Когда человек заявляет, что он сомневается в своем существовании, он также допускает перформативное противоречие. См.: *Апель К.-О.* Трансформация философии. М., 2001. С. 302–303; *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативные действия. СПб., 2000. С. 126–128; *Руднев В.* Винни Пух и философия обыденного языка. М., 1999. С. 50–51.

⁷⁰ *Brandom R.* Making It Explicit. P. 508.

⁷¹ *Ibid.* P. 161. Ср.: *Brandom R.* Modality, Normativity, and Intentionality // *Philosophy and Phenomenological Research.* 2001. Vol. 63. № 3. P. 607 (нормативные статусы, говорит Брэндом, «есть продукты социальных взаимодействий»).

в королевскую армию из социальных низов – городской черни и пауперов, бродячего люда, посетителей пабов и кабаков. Рекрутеры, используя всевозможные ухищрения, вручали или незаметно подсовывали будущим новобранцам серебряную монету достоинством в шиллинг, после чего сообщалось о якобы заключенном контракте (монета служила авансом первого жалования). Такая процедура считалась вполне законной, и обладатели «королевского шиллинга» не могли уклониться от исполнения «взятых на себя» обязательств⁷². С принятием шиллинга «нормативный деонтический статус» субъекта радикально менялся, происходило же это исключительно в результате *приписывания* ему обязательства, т. е. изменения отношения к человеку со стороны тех, кто его наблюдал или взаимодействовал с ним. «Для понимания нормативной природы чьего-либо действия или высказывания как принятия обязательства (**an undertaking of commitment**) достаточно, следовательно, рассмотреть, в чем состоит отношение к данному индивиду как лицу, которому что-то вменяют в обязанность»⁷³.

Приписывание кому-либо каких-либо интенциональных состояний (в терминологии Брэндома, обязательств – «*докастических*», т. е. убеждений, или «*практических*», т. е. диспозиций⁷⁴) имеет строго нормативный смысл. Если мы видим человека, идущего под дождем, и считаем, что самый простой и надежный способ не вымокнуть для пешехода – воспользоваться зонтом, то мы

⁷² См.: *Henderson R. Taking the King's Shilling: Recruitment for the British Army.* URL: <http://www.warof1812.ca/recruit.htm>. Один из героев романа Д.Г.Лоуренса «Сыновья и любовники» оказывается в ситуации, разбираемой Брэндомом. «Дорогая мамочка, – пишет он жалобное письмо из казармы, – умоляю, вызови меня отсюда. Сам не знаю, почему я сваял такого дурака. Вместо того чтобы ехать на службу, я пошел вчера с Джеком Бредоном и – в толк не возьму, как такое случилось – записался в солдаты... Болван я несчастный, поражен королевским шиллингом. Но если ты приедешь, мама, может быть, они отпустят меня с тобой. Не хочу я служить в армии!» (*Lawrence D.H. Sons and Lovers. L., 1913. P. 182*).

⁷³ *Brandom R. Making It Explicit.* P. 162–163. Ср.: «Что значит *принять обязательство*, по логике Брэндома? Это значит совершить определенное действие, позволяющее кому-то со стороны *приписать* данное обязательство действующему лицу – согласно некоторым принятым правилам» (*Pippin R. Brandom's Hegel // European Journal of Philosophy.* 2005. Vol. 13. № 3. P. 395).

⁷⁴ См.: *Brandom R. Replies // Philosophy and Phenomenological Research.* 1997. Vol. 57. № 1. P. 194.

естественно заключаем, что у этого человека есть рациональное основание именно так поступить: следовательно, он *должен* раскрыть зонт (хотя сказать, что кто-то «*должен* что-то сделать», не значит сказать, что он это «*сделает*»). В отличие от *дескриптивных* высказываний, описывающих факты или предметы, мы имеем дело здесь со специфически *прескриптивным* высказыванием – утверждением долженствования. Если я банковский служащий и иду на работу, мое решение надеть костюм с галстуком вместо джинсов и майки (практическое обязательство, которое я принимаю и которое эксплицировано в высказывании от первого лица «Я **надену** костюм с галстуком») является не чем иным, как интернализацией внешнего (от третьего лица) предписания: «Он *должен* надеть костюм с галстуком [если он банковский служащий]». Интенция «сделаю» (модальность *shall*) производна от прескрипции «должен» (модальности *should*)⁷⁵.

Соответственно различению двух деонтических статусов, Брэндом выделяет две разновидности выводных отношений: инференции обязательств («коммитивные» выводы), к которым относятся все дедуктивные аксиомы и умозаключения типа «Филадельфия восточнее Питтсбурга, следовательно, Питтсбург западнее Филадельфии», и инференции дозволений («пермиссивные» выводы), к которым относятся все индукции типа «Спичка сухая и целая, следовательно, она загорится при чирканье о коробок», оставляющие возможность принятия или непринятия заключения (если фосфорное покрытие на коробке стерлось, спичка не заго-

⁷⁵ См.: *Brandom R. Articulating Reasons. P. 94–95. Ср.: Habermas J. From Kant to Hegel: On Robert Brandom's Pragmatic Philosophy of Language. P. 328–329.* Хабермас возражает против «редукционизма» Брэндома – сведения рационального (концептуальной нормативности) к социальному. «Разумеется, – пишет он, – дискурсивно-аргументативные практики легко поддаются интерпретации в терминах прав и обязанностей. Участник коммуникации, который что-то утверждает или отрицает, обязан привести рациональные аргументы или свидетельства в подтверждение своих слов, в то время как оппонент вправе не соглашаться. Коммуникативные принципы и регулятивы, общие для всех, накладывают равные ограничения на собеседников... Однако рациональная аргументация иначе воздействует на человеческое сознание и поведение, чем социальные нормы. Если последние *ограничивают* (извне) и существенным образом сковывают волю агентов, то нормы рациональности – концептуальные нормы в широком смысле – *направляют* наше мышление и разумную волю».

рится, – утверждение, что это произойдет, будет необоснованным). Помимо названных инференций (коммитивных и пермиссивных), между двумя утверждениями могут существовать отношения *несовместимости*. Пропозициональные содержания несовместимы тогда, когда одно дискурсивное обязательство исключает правочность другого⁷⁶.

Интраперсональными инференциями, впрочем, дело не ограничивается. Пропозициональная содержательность во всей семантической полноте раскрывается только на уровне *интерперсональной* коммуникации, считает Брэндом. Признание истинности чьего-либо утверждения «легитимирует» использование его другими – участниками разговора, коммуникантами – в качестве основания для последующих утверждений. Коммуникативно успешны лишь те дискурсивные акты, что допускают *интерперсональную* инференцию. *Обоснованными* (warranted), по мнению Брэндома, должны считаться обязательства-утверждения (assertional commitments), которые подлежат такому воспроизводству (reassertion)⁷⁷ и могут использоваться как посылки в выводах⁷⁸.

Счет в дискурсивной игре Дискурсивно-коммуникативная практика сравнивается Брэндом со спортивной игрой: действия состязающихся, их решения и «ходы» ведут к изменению счета. Разница в том, что каждый участник «игры в обмен доводами» *считает по-своему* – это такая игра, где нет одного общего счета⁷⁹. Дискурсивные обязательства, приписываемые игроком А игроку В, могут не совпадать с обязательствами, приписываемыми игроку В игроком С, а дискурсивные обязательства, приписываемые игроком В игроку D, могут не совпадать с обязательствами, при-

⁷⁶ См.: *Brandom R. Making It Explicit*. P. 168–169; *Idem. Articulating Reasons*. P. 43–44; *Idem. Between Saying and Doing*. P. 119–120; *Idem. Responses // Pragmatics and Cognition*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 237–238.

⁷⁷ *Brandom R. Varieties of Understanding // Reason and Rationality in Natural Science / Ed. by N.Rescher. Lanham, 1985. P. 35.*

⁷⁸ См.: *Brandom R. Making It Explicit*. P. 169–170.

⁷⁹ Ср.: *Lewis D. Scorekeeping in a Language Game // Journal of Philosophical Logic*. 1979. Vol. 8. P. 339–359 (в особенности, с 342 по 346 стр.); *Lance M. Some Reflections on the Sport of Language // Nous*. 1998. Vol. 32 (Language, Mind and Ontology). P. 219–240.

писываемыми игроку D игроком E, и т. д.⁸⁰. Целью коммуникации является устранение этого несоответствия. Когда дискурсивные обязательства, принимаемые и приписываемые друг другу субъектами лингвистического взаимодействия, *совпадают* (когда, следовательно, преодолены все разногласия относительно содержания понятий и утверждений, логически прояснены и артикулированы их инференциальные связи и т. д.), достигается некое «*интерпретативное равновесие*», которое Брэндом определяет как состояние полного «социального само-сознания»⁸¹ (лингвистический эквивалент гегелевского «*allgemeine Selbstbewußtsein*»⁸² как «утверждающего знания себя самого в другой самости»⁸³). Свобода высказываний, интерпретации и оценки, разумеется, ограничена *правилами игры*, едиными для всех участников коммуникации. Принимая на себя дискурсивное обязательство, т. е. совершая свой «ход», участник вместе с тем принимает и все выводимые из него (consequential) обязательства⁸⁴. «Каждый ход ставит его перед необходимостью совершения каких-то последующих ходов»⁸⁵. Например, утверждая: «Скатерть на столе красного цвета», я с необходимостью признаю: «Ткань, из которой изготовлена скатерть, окрашена [в красное]» (кроме того, дискурсивное обязательство, которое я принимаю, должно исключать, как несовместимое с ним, утверждение «Скатерть зеленого [синего, белого, желтого...] цвета»). Правила игры в обмен доводами таковы, что в ней не может быть «холостных», не влекущих инференциальных последствий ходов (*амплиативное требование*)⁸⁶. Понимание содержания высказываний и значения терминов, употребляемых коммуникантами, требует *пред-*понимания этих выводных отношений, связывающих одно дискурсивное обяза-

⁸⁰ *Brandom R. Making It Explicit. P. 185.*

⁸¹ *Ibid. P. 643. См. также: Wanderer J. Robert Brandom. P. 79–81.*

⁸² «Всеобщее самосознание» – нем.

⁸³ *Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М., 1977. С. 247.*

⁸⁴ См.: *Brandom R. From Empiricism to Expressivism. Cambridge, 2014. P. 169–171.*

⁸⁵ *Brandom R. Articulating Reasons. P. 192.*

⁸⁶ «Амплиативными» (или синтетическими) Ч.Пирс называл выводы рассуждений, которые, в отличие от выводов аналитических, *расширяют* наше знание о предмете (англ. «amplify» – усиливать, распространять, расширять). См.: *Brandom R. Reason in Philosophy. P. 52.*

тельство с другим⁸⁷. Мы не сможем понять собеседника, если не будем знать ответ на «практический» вопрос, как его аргументы и соображения, высказываемые в разговоре, влияют на соотношение принимаемых нами и приписываемых друг другу обязательств, если мы не следим за *счетом в игре*⁸⁸.

Неправомочные обязательства Итак, игроки подчиняются общим правилам, которые не подлежат изменению.

Играя в шахматы или в какую-нибудь другую игру, занимаясь научным исследованием или философской работой, мы вольны совершать любые разрешенные правилами ходы любыми фигурами или употреблять любые специальные термины, но мы не вправе самостоятельно, по своему произвольному разумению, определять, каким должно быть *значение* этих действий (перемещения фигур на доске или использования терминов в рассуждении), т. е. каковы инференциальные следствия наших самостоятельных решений-ходов. К примеру, я могу утверждать, что монета, которую я держу на ладони, не серебряная, а медная. Коль скоро я на этом настаиваю, я должен признать, что монета расплавится при температуре 1084°C. В противном случае (если выводное предположение о температуре плавления окажется ложным, не соответствующим действительности) истинность моего утверждения о монете, изготовленной из меди, а не серебра, может быть поставлена под сомнение моим собеседником, достаточно осведомленным в предмете. Утверждая нечто, высказывая суждение или совершая поступок, я, следовательно, не просто ру-

⁸⁷ «До изобретения спортивной игры, – комментирует Брэндона Джеффри Стаут, – не могло быть и правил, прописанных для игроков, а значит – и нормативных статусов, обусловленных соблюдением или нарушением этих правил... Однако зависимость статусов (играющего по правилам или их нарушающего) от определенной социальной практики не отменяет того, что *утверждения* о нарушении (соблюдении) правил могут быть истинными или ложными. Для всякого, знакомого со спортивной игрой, утверждения, что кто-то играет “по правилам” или “не по правилам”, имеют истинностную ценность. Вопрос об истинности или ложности таких утверждений он рассматривает как вопрос объективный, который может быть разрешен путем обращения к свидетельским показаниям, к просмотру видеозаписей и т. д.» (*Stout J. Democracy and Tradition. Princeton, 2004. P. 272*).

⁸⁸ См.: *Brandom R. Articulating Reasons. P. 165–166.*

чаюсь в предполагаемой истинности своих слов и оправданности поступков, но и *запрашиваю признание* со стороны тех, кого сам не могу не считать компетентным в данном вопросе (химики знают, что температура плавления меди 1084°C, а серебра – 960°C). Признанием с их стороны будет определенная (положительная) оценка моих слов и поступков – *приписывание* мне соответствующих (вполне обоснованных и правомочных, с их точки зрения) обязательств⁸⁹. Утверждение, выражающее неправомочное обязательство, т. е. такое обязательство, легитимность которого не признается собеседниками или интерпретаторами (scorekeepers), «инференциально ничтожно»⁹⁰ и не имеет практической силы. Высказываясь без оснований, субъект нарушает установленные правила дискурсивной игры, злоупотребляя доверием собеседников. Действия подобного рода аналогичны невыполнению обещания, считаются неприемлемыми и осуждаются. Чаще всего их результатом оказывается частичная или полная утрата доверия к субъекту высказывания (как в притче о мальчике, кричавшем «волки! волки!»)⁹¹ – *не-признание* человека, *Mißachtung*⁹².

Anerkennung Гегелевская тема «борьбы за признание» нашла оригинальное продолжение в лингвистическом прагматизме Брэндома. Признание – *Anerkennung* – мыслится Брэндомом как нормативное отношение, связывающее одного члена языкового сообщества с другим. Признавая кого-то, мы рассматриваем (и принимаем) его как субъекта определенного интенционального состояния (state), носителя знания или практического умения, – а кроме того, признаем в нем «интерпретатора», *приписывающего*, в свою очередь, некоторые аналогичные компетенции кому-то другому или другим. Статус члена сообщества создается и подтверждается этим взаимным (*gegenseitig*) признанием индивидов⁹³. Момент взаимности исключительно важен. Ходатайство о признании стату-

⁸⁹ См.: *Brandom R. Reason in Philosophy. P. 72–73.*

⁹⁰ *Brandom R. Making It Explicit. P. 179.*

⁹¹ См.: *Ibid. P. 180.*

⁹² «Пренебрежение», «игнорирование», «презрение» – *нем.*

⁹³ См.: *Brandom R. Making It Explicit. P. 67; Idem. Tales of the Mighty Dead. P. 54; Idem. Some Hegelian Ideas of Note for Contemporary Analytic Philosophy // Hegel Bulletin. 2014. Vol. 35. № 1. P. 8–10.*

са (членства в сообществе), с точки зрения субъекта *ходатайствующего* – того, кто ищет признания, – оправданно и осмысленно лишь при условии, если данный субъект *сам* признает статус других – адресатов запроса – в качестве тех, чье признание обеспечивает статус члена сообщества. Я могу считать себя хорошим философом или шахматным игроком только в случае, если меня признают в этом качестве те, кого я, со своей стороны, признаю хорошими игроками или философами. То есть признание должно быть обоюдным и равным (таковым не является, по логике Брэндома, «одностороннее и неравное»⁹⁴, только «формальное»⁹⁵ признание господина рабом у Гегеля: один индивид, а именно господин, признан другим индивидом, рабом, который волею господина лишен человеческого достоинства и оставлен непризнанным)⁹⁶.

Люди ищут признания и борются за него во всех сферах жизни – в политике так же как в спорте, в науке так же как в бизнесе. По мнению Брэндома, диалектика «двойного признания» лучше всего раскрывается в юридико-правовой и судебной практике (ведь статусы, принимаемые и приписываемые субъектами лингвистического взаимодействия, как подчеркивает американский философ, носят деонтический, *нормативный* характер). Англосаксонская правовая традиция в этом отношении наиболее показательна. Всякое решение, принимаемое профессиональным судьей в США, Великобритании или Австралии, может рассматриваться или не рассматриваться его коллегами-судьями как прецедентное, т. е. приниматься или не приниматься за образец, *opus exemplaris*. Нормативный статус судьи,

⁹⁴ Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб., 2006. С. 104.

⁹⁵ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. С. 246.

⁹⁶ См.: *Brandom R.* Reason in Philosophy. P. 70–71; *Idem.* Tales of the Mighty Dead. P. 216–218; *Idem.* The Structure of Desire and Recognition: Self-Consciousness and Self-Constitution // Philosophy and Social Criticism. 2007. Vol. 33. № 1. P. 136–138; *Idem.* Georg Hegel's "Phenomenology of Spirit" // Topoi. 2008. Vol. 27. 161–162. Ср.: *Кожев А.* Гегель, Маркс и христианство // Вопросы философии. 2010. № 10. С. 136 («...нельзя быть удовлетворенным, не будучи "признанным" тем, кого мы сами "признаем"»); *Рикёр П.* Путь признания / Пер. с фр. И.Блауберг, И.Вдовиной. М., 2010. С. 24 («...просьба о признании выражает ожидание, которое может быть удовлетворено лишь в форме взаимного признания»). См. также: *Михайлов И.* «Борьба за признание». Идея признания в социально-критической теории А.Хоннега // Западная философия конца XX – начала XXI в. Идеи. Проблемы. Тенденции / Отв. ред. И.Блауберг. М., 2012. С. 66–106.

его право интерпретатора и оценщика, признается – *имплицитно* – предшествующими судьями (теми, чьи решения подлежат рассмотрению и признанию или непризнанию в качестве прецедентных этим судьей как «преемником»), а также – *эмплицитно* – позднейшими судьями (теми, кто будет в дальнейшем, полагаясь на авторитет судьи как предшественника, рассматривать и оценивать его судебство как прецедентное). Будущее относится к настоящему так же, как настоящее к прошлому. Следовательно, всякий судья выступает одновременно и оценщиком и оцениваемым, и интерпретатором и интерпретируемым, и субъектом признания и объектом такового⁹⁷. Это весьма специфическая форма признания-*Anerkennung* – признания, которое производит и подтверждает принадлежность субъекта высказывания/действия к сообществу особого рода, а именно *историческому сообществу, традиции*⁹⁸. «Казалось бы, положение судей асимметрично. Последнее слово всегда остается за действующим судьей: он может проигнорировать или отвергнуть как иррелевантное любое предшествующее решение... Требование согласовывать принимаемые решения с вердиктами судей-предшественников, рассматриваемыми как прецедентные, оказывается тогда чисто *формальным*, ни к чему не обязывающим»⁹⁹. Однако это ложное впечатление, убежден Брэндом. «Верность судей традиции обеспечивается теми, кто должен прийти им на смену. Всякий судебский вердикт считается прецедентным, а стало быть, нормативно значимым, только в том случае и тогда, когда признается преемниками. Если последние, целиком полагаясь на свое видение традиции, сочтут данный вердикт необоснованным, мнение их коллеги-предшественника, вынесшего сомнительное решение, не будет иметь никакой юридической силы. Признанием своей безусловной значимости и легитимности для настоящего прошлое обязано будущему»¹⁰⁰. В этой

⁹⁷ См.: *Brandom R. Tales of the Mighty Dead*. P. 230–233.

⁹⁸ См.: *Brandom R. Reason in Philosophy*. P. 103, а также: *Wanderer J. Robert Brandom*. P. 204–206.

⁹⁹ *Brandom R. Tales of the Mighty Dead*. P. 232.

¹⁰⁰ *Ibid.* P. 233. См. также: *Brandom R. Some Pragmatist Themes in Hegel's Idealism // European Journal of Philosophy*. 1999. Vol. 7. № 2. P. 179–182; *Idem. A Hegelian Model of Legal Concept Determination: The Normative Fine Structure of the Judges' Chain Novel // Pragmatism, Law, and Language*. P. 32–33.

трехчастной (гегелевской) модели исторического развития и преемства будущему отводится роль *ultimum arbiter*: оно «блюдет место» традиции и нормативной практики, выступает посредником-примирителем прошлого с настоящим.

Понимание и «объективное обязательство» Признание, впрочем, не главная цель, к которой стремится «игрок в обмен доводами»

(он же интерпретатор) у Брэндома. Сильнее «воли к признанию» желание *правильно понять вещи*, обрести истину. Брэндом не рортианец, истина для него – не «пустое понятие»¹⁰¹, а «солидарность» – плохая замена «объективности»¹⁰². «Наше концептуальное знание»¹⁰³ отличает то, что оно включает в себя *объективное обязательство*¹⁰⁴, – говорит Брэндом. «Вера в возможность прогресса мысли – более полного и глубокого понимания объективных реалий, о которых мы размышляем, – вытекает из самой логики игры в обмен доводами-обоснованиями»¹⁰⁵. По мнению Брэндома, в односторонне предвзятой и эвристически контрпродуктивной критике, которой логические позитивисты подвергли классиков прагматизма, содержится все же верная мысль о несводимости истины к «гарантированной утверждаемости» или оправданности (*justifiability*) наших идей, концептов и убеждений. В основе этой критики лежит представление о различии между тем, что мы думаем, во что верим или чего добиваемся, и реальной действительностью, которая сопротивляется нашим попыткам ее «приручить»¹⁰⁶. Джеймс определял истину как работоспособность или полезность идеи. Но при оценке любой, даже самой успешной теории, отвечающей такому простому («стереотипно прагматическому», по выражению Брэндома) критерию, может быть спрошено: «*истинно*

¹⁰¹ См.: *Rorty R. Consequences of Pragmatism*. Minneapolis, 1982. P. XXV–XXVI.

¹⁰² См.: *Rorty R. Solidarity or Objectivity?* // *Post-Analytic Philosophy* / Ed. by J. Rajchman, C. West. N.Y., 1985. P. 3–19.

¹⁰³ Букв.: «знание наших понятий» (*our understanding of our concepts*).

¹⁰⁴ *Brandom R. Making It Explicit*. P. 53.

¹⁰⁵ *Brandom R. Replies* // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1997. Vol. 57. № 1. P. 201.

¹⁰⁶ См.: *Brandom R. Truth and Assertibility* // *Journal of Philosophy*. 1976. Vol. 73. № 6. P. 146.

или ложно?»¹⁰⁷. «Мы не вправе приписывать кому-либо каких-либо убеждений, т. е. рассматривать его как субъекта пропозиционально содержательного интенционального состояния (говорить “он убежден, что *p*”), если этот кто-то не принимает в расчет *объективного репрезентационального измерения* содержания данного состояния, если он не сознает, что *просто* иметь убеждение – не то же самое, что иметь *правильное* (correct) убеждение»¹⁰⁸.

В современной англоязычной философии, отмечает Брэндом, все еще распространено картезианское представление о мышлении как внутреннем ментальном процессе, а об убеждениях/верованиях – как некоторых эпизодах или состояниях внутри сознания. *Выражение* (expression) убеждения отождествляется с *сообщением* (report) о соответствующем ментальном состоянии. *Имплицитно* мое убеждение в том, что Кант жил в Кенигсберге, может быть выражено с помощью утвердительного высказывания: «Кант жил в Кенигсберге», а *эксплицитно* – с помощью описательного: «Я убежден, что Кант жил в Кенигсберге». «Если бы такое описательное выска-

¹⁰⁷ См.: *Brandom R. Pragmatism, Phenomenalism, and Truth Talk // Midwest Studies in Philosophy*. 1988. Vol. 12. P. 76. Эти рассуждения Брэндома об «объективности дискурса», истинностной достоверности и «правильности» (correctness) убеждений изобличают в авторе «Making It Explicit», как выразился Т.Рокмор, «латентного картезианца». По мнению Рокмора, нео-аналитический прагматизм (в лице Брэндома, Дэвидсона, Решера и др.) – движение «более консервативное», менее революционное, чем прагматизм Пирса, Дьюи и их последователей, отвергнувших *метафизико-реалистическую* эпистемологию (с ее поиском достоверности и объективности) в пользу *эмпирического реализма* (см.: *Rockmore T. On Classical and Neo-Analytic Forms of Pragmatism // Metaphilosophy*. 2005. Vol. 36. № 3. P. 269–270). О «метафизическом реализме» Брэндома см. подробнее: *Rockmore T. Hegel, Idealism, and Analytic Philosophy*. New Haven, 2005. P. 130–132; о «контрреволюционных» попытках Брэндома-метафизика «возродить репрезентационализм на новом, прагматистском, фундаменте» см.: *Price H. Naturalism without Mirrors*. N.Y., 2011. P. 308–309; *Idem. Will There Be Blood? Brandom, Hume, and the Genealogy of Modals // Philosophical Topics*. 2008. Vol. 36. № 2. P. 87–97.

¹⁰⁸ *Brandom R. Making It Explicit*. P. 152. Ср.: *Davidson D. Inquiries into Truth and Interpretation*. P. 170 («нельзя иметь убеждения, не допуская возможности заблуждения, а это требует понимания различия между истиной и ошибкой – убеждением истинным и убеждением ложным»). Дэвидсон далее отмечает, что «понятия объективной истины и ошибки с необходимостью раскрываются лишь в контексте интерпретации» (*Ibid.* P. 169), т. е. *лингвистической социальной практики*, уточняет Брэндом (*Making It Explicit*. P. 231–232).

зывание о том, что я думаю, *действительно* являлось сообщением о моем внутреннем состоянии, я бы мог описать свое состояние так же, как описал бы его мой приятель Джон, а именно как состояние *моей* убежденности в чем-то – безотносительно того, истинно данное убеждение или ложно (т. е. я высказался бы о себе и своем внутреннем ментальном состоянии, а не о Канте и его месте проживания). Однако такая возможность закрыта для меня. Сообщая о своей убежденности в том, что Кант жил в Кенигсберге, я *именно* говорю, что Кант жил в Кенигсберге. Я не могу утверждать, что в чем-либо убежден, не ручаясь в достоверности того, о чем я говорю как о содержании своего убеждения, и это будет касаться происходящего в независимой от меня реальности, а не *внутри* моего сознания»¹⁰⁹. Иными словами, когда мы говорим, что имеем какое-то убеждение, мы даем понять, что считаем истинным то, в чем мы убеждены. Мы описываем реальность, а не свое ментальное состояние¹¹⁰.

Отношения инференциальные и референциальные

Брэндом-инференциалист различает два уровня нормативности. «Можно выделить, с одной стороны, нормативные отношения, связывающие интенциональные состояния между собой. Так, приверженность какой-то идее, которую мы считаем истинной, обязывает нас принять и идею, производную от нее... С другой стороны, интенциональные состояния могут быть связаны нормативными отношениями с состояниями неинтенциональными (*states of affairs that are not intentional*). Существует определенное нормативное *соответствие* (*normative accord*) между убеждением (верованием) и положением дел, которое должно иметь место, чтобы убеждение было истинным, между желанием и положением дел, его удовлетворяющим, между ожиданием и положением дел, оправдывающим ожидание, между приказанием и действиями, ведущими к его исполнению. Нормативные отношения первого типа можно назвать (в широком смысле) *инференциальными*, отношения второго типа – *референ-*

¹⁰⁹ *Brandom R. Expressing and Attributing Beliefs // Philosophy and Phenomenological Research. 1994. Vol. 54. № 4. P. 906.*

¹¹⁰ См.: *Ibid. P. 911* («...я не просто информирую, что *убежден* в чем-то, но сообщаю, что *убежден в чем-то*»).

циальными... Моя стратегия заключается в рассмотрении, в первую очередь, нормативности инференциальной, а во вторую – нормативности референциальной: второй в терминах первой»¹¹¹.

Брэндом – лингвистический идеалист? Критики Брэндома полагают, что эта попытка соединить референцию с инференцией (фактически, *заменить* референциальные отношения инференциальными¹¹²) обречена на провал. По мнению Дж.Макдауэла, радикальный инференциализм Селларса – Брэндома «отрывает» субъекта познания от реальности («опыта») ¹¹³. «Как ни старайтесь, вывести понятие истины из понятия инференции вам не удастся», – убеждены Дж.Фодор и Э.Лепор: «*истинно*» предидирует отношение между словом и миром (a word–world relation), а не отношение между словом и словом¹¹⁴. «*Лингвистический идеализм*», по оценке Ю.Хабермаса¹¹⁵, Д.Хильдебранда¹¹⁶ и других авторов¹¹⁷, – самое точное из возможных определений философской позиции Брэндома.

¹¹¹ *Brandom R. Making It Explicit. P. 656.*

¹¹² «Перевернуть семантику с ног на голову», как выразился один автор (*Crowell S. Phenomenological Immanence, Normativity, and Semantic Externalism // Synthese. 2008. Vol. 160. № 3. P. 338.*

¹¹³ См.: *McDowell J. Knowledge and the Internal Revisited // Philosophy and Phenomenological Research. 2002. Vol. 64. № 1. P. 99–100; Idem. Motivating Inferentialism: Comments on “Making It Explicit” (Ch. 2) // Pragmatics and Cognition. 2005. Vol. 13. № 1. P. 121–140.* Инференциалистский словарь, возражает Брэндом, – словарь, с помощью которого мы описываем репрезентационные отношения, – позволяет «лучше понять, что мы *делаем*, когда думаем или говорим о том, что *является предметом* нашего размышления или сообщения (what we are *doing* when we think and talk about what we are thinking and talking *about*)» (*Brandom R. Responses // Pragmatics and Cognition. 2005. Vol. 13. № 1. P. 236.* «Даже если один словарь *несводим* к другому, *объяснение* – выражение содержания одного словаря посредством другого – возможно и допустимо» (*Ibid.*). См. также: *Kremer M. Representation or Inference: Must We Choose? Should We? // Reading Brandom. P. 227–246.*

¹¹⁴ *Fodor J., Lepore E. Brandom’s Burdens: Compositionality and Inferentialism // Philosophy and Phenomenological Research. 2001. Vol. 63. № 2. C. 480.*

¹¹⁵ *Habermas J. From Kant to Hegel: On Robert Brandom’s Pragmatic Philosophy of Language. P. 342.*

¹¹⁶ *Hildebrand D. Experience or Language? Choosing Pragmatism’s Central Motive. URL: <http://www.nordprag.org/papers/epc1/Hildebrand.pdf>.*

¹¹⁷ См. об этом: *Clausen A. How Can Conceptual Content Be Social and Normative, and at the Same Time, Be Objective? Frankfurt a/Main, 2004. P. 217–223.*

Но Брэндом не считает себя идеалистом. «Мои рассуждения о “словарях” и лингвистических практиках как будто подводят к мысли о том, что все, что у нас есть, – это слова и различные использования слов. Если *реальность* не принимается нами в расчет, то, спрашивается, на каком основании мы говорим о *значении*?»¹¹⁸. Семантический прагматист ответил бы так: «Участие в лингвистической практике – реализация наших дискурсивных возможностей – состоит в употреблении слов и выражений, которые *что-то* обозначают, т. е. говорят о вещах, существующих в мире. Самим этим действием... устанавливается отношение (семантическое) между словом и миром»¹¹⁹. Американский философ, однако, дает чрезвычайно широкое толкование дискурсивности (близкое к толкованию опыта прагматистами Джеймсом и Дьюи¹²⁰). Дискурсивные практики, как они мыслятся Брэндомом, включают в себя и владение речью, и коммуникативную интеракцию, и многое из того, что составляет актуальное содержание человеческой жизни: привычки и нормы, традиции и регламенты, образцы поведения, даже орудия и предметы материального мира. Практики сами, в определенном смысле, «материальны» (corporeal)¹²¹. «Нельзя противопоставлять дискурсивную практику *внешней* реальности, как противопоставляют слова вещам, – пишет Брэндом. – Объекты, факты влияют на наши слова и поступки – принимаемые или приписываемые инференциальные, доксистические и практические обяза-

¹¹⁸ *Brandom R. Between Saying and Doing*. P. 177.

¹¹⁹ *Ibid.* Лингвистическим идеалистом, вопреки распространенному мнению, не был и Рорти, полагает Брэндом. Его так называемый «антирепрезентационизм», в сущности, сводится к тривиальному различению экстра- и интралингвистических элементов опыта – *каузальных* и *нормативных* зависимостей. «Основанием верования, – говорит Рорти, – может служить лишь другое верование». Этим он хочет сказать, что всякое знание (обоснованное) является выводным, а инференциальные отношения возможны внутри и *только внутри* языка, между различными элементами словаря, точнее, различными его приложениями (different applications of a vocabulary). Внелингвистическая реальность накладывает на пользователей языка исключительно *каузальные*, а не нормативные ограничения. Репрезентационизм же стирает это принципиальное для Рорти различие между каузальными и нормативными отношениями, смешивая «внешнее» (каузацию) с «внутренним» (обоснованием). Однако, поскольку Рорти не отрицал внеязыковой каузальности в принципе, его нельзя считать дискурсивным идеалистом (см.: *Brandom R. Perspectives on Pragmatism*. P. 122–124, 132).

¹²⁰ См., например: *Dewey J. Experience and Nature*. L., 1929. P. 8–9.

¹²¹ *Brandom R. Making It Explicit*. P. 332.

тельства – не *извне* дискурсивных практик, а *изнутри* них»¹²²; «ничего “вне” дискурсивно-практического не существует»¹²³. Такое понимание дискурсивности отнюдь не ведет к лингвистическому идеализму и «потере мира», считает Брэндом¹²⁴. Отвергается лишь представление о вещах как до- или вне-концептуальной реальности – мифология «данного». Аналитический прагматист и *гегельянец* Брэндом, по замечанию Хабермаса, рисует нам мир логически упорядоченным, «в-себе концептуально структурированным»¹²⁵. «В самом деле, по ту сторону концептуального, в определенном смысле, нет никакой реальности, – соглашается с интерпретацией Хабермаса Брэндом. – Изначально мир представляет собой скопление фактов, а не объектов»¹²⁶... Под “фактом” и “фактуальным” я понимаю содержание истинных ут-

¹²² *Brandom R. Making It Explicit. P. 332.*

¹²³ *Ibid. P. 686.*

¹²⁴ В *широком* смысле, дискурсивная практика далеко не исчерпывается внутрилингвистическими «ходами», она включает в себя также: 1) чувственные восприятия (language-entry moves, в терминологии Селларса); 2) невербальные действия (language-exit moves). Высказывания-ассертивы суть лингвистические реакции на внелингвистические события (восприятия); невербальные действия – внелингвистические реакции на лингвистические события (высказывания, языковые ходы). Содержание всякого утверждения зависит, во-первых, от содержания других утверждений (внутрилингвистическая зависимость), а во-вторых, от связанных с ним чувственных восприятий и действий (внелингвистическая зависимость). См.: *Brandom R. Responses // Pragmatics and Cognition. 2005. Vol. 13. № 1. P. 230; Maher Ch. The Pittsburgh School of Philosophy: Sellars, McDowell, Brandom. P. 29.*

¹²⁵ *Habermas J. From Kant to Hegel: On Robert Brandom's Pragmatic Philosophy of Language. P. 340.*

¹²⁶ Ср.: «Мир – целокупность фактов, а не предметов. <...> Происходящее, факт, – существование со-бытий. Со-бытие – связь объектов (предметов, вещей). <...> Знак-предложение составляет так, что его элементы, слова, соотносятся друг с другом определенным образом. Знак-предложение – факт. <...> Выражать смысл способны лишь факты, класс имен этого не может. <...> Только предложение имеет смысл; имя обретает значение лишь в контексте предложения» (*Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. I / Пер. с нем. М.Козловой, Ю.Асеева. М., 1994. С. 5, 11, 13*). По мнению Д.Нешера, Брэндом, опираясь на идеи «двух Витгенштейнов» – как раннего, так и позднего, – пытается соединить метафизический реализм «Трактата» с феноменализмом «Философских исследований» (см.: *Nesher D. On Truth and the Representation of Reality: A Collection of Inquiries from a Pragmatist Point of View. Lanham, 2002. P. 343–351*).

верждений¹²⁷ – не то, что *утверждается*, а то, что *утверждаемо* (могло бы, иными словами, утверждаться). Факты связаны между собой инференциальными отношениями (один факт с материальной необходимостью предполагает другой, исключает третий и т. д.), поэтому содержание утверждений (*claimable contents*) *концептуально* артикулируется... Когда-то, до возникновения дискурсивных практик, никто не пользовался словарем понятий (*concepts*), но факты (включая тот факт, что в до-дискурсивное время не было тех, кто пользовался понятиями) существовали всегда. Каузально факты, равно как и понятия, не зависят от человека и его умственной активности... Однако дискурсивная компетенция – умение рассуждать, т. е. формулировать и выражать мысли, а также выводить одно содержание из другого – является строго необходимым условием *понимания* фактов и значения слов»¹²⁸. Инференциальной артикуляции, как разъясняет Брэндом, подлежат *сами факты*, «отношения между вещами», в терминологии УДжеймса¹²⁹, а не ментальные состояния или представления о реальности. Если известно, что монета изготовлена из меди, а не какого-то другого металла, она расплавится при температуре 1084°C (это – объективный факт). Если Черри кошка или собака, она не амеба (тоже факт). «Инференциализм... подтверждает истину концептуального реализма, его вывод о том, что объективная реальность сама по себе концептуально артикулирована»¹³⁰.

¹²⁷ Ср. с «минимальным эмпиризмом» Дж.Макдауэла (the minimal empiricist conception of the world): «мир – это вся сумма фактов, где понятие факта глубинным образом связано с понятием пропозиции, отвечающей критерию истинности» (*McGinn M. McDowell // 12 Modern Philosophers / Ed. by C. Belshaw, G. Kemp. Chichester, 2009. P. 222*). Подробнее см.: *McDowell J. Mind and World. Cambridge, 1996. P. XI–XIII*.

¹²⁸ *Brandom R. Facts, Norms, and Normative Facts: A Reply to Habermas. P. 357*. Ср.: «Антиэссенциализм не отрицает того, что звезды или деревья существовали и в догоминидные времена, когда не было никаких высказываний о звездах или деревьях. Однако признание данного факта – факта предшествующего существования – не делает более осмысленным вопрос о том, каковы суть деревья и звезды вне их связи с другими предметами, отдельно от наших высказываний о них» (*Rorty R. Philosophy and Social Hope. N.Y., 1999. P. 58*). См. также: *McDowell J. Having the World in View: Essays on Kant, Hegel, and Sellars. Cambridge, 2009. P. 142–144* (в особенности р. 144, n. 18).

¹²⁹ *James W. The Meaning of Truth. N.Y., 1909. P. XIII*.

¹³⁰ *Brandom R. Hegelian Pragmatism and Social Emancipation (An interview) // Constellations. 2003. Vol. 10. № 4. P. 558*. Ср.: «Существует столько же фактов, сколько истинных утверждений... Факты относятся к утверждениям так же,

Объективность и «репрезентациональное измерение дискурса»

Несовпадение двух «содержаний знания» – того, что *утверждается*, и того, что *утверждаемо*¹³¹, – обусловлено различием эпистемологических установок: *принятия* и *приписывания* обязательств и выводов. В первом случае мы говорим о *пропозициональном* содержании мыслей/интенций/высказываний (*что* думается и *что* говорится?), во втором имеем в виду *репрезентациональное* содержание (*о чем* думается или говорится?): *what is said or thought and what is said or thought about?*¹³² Второй вопрос более сложный. Он требует рассмотрения и оценки пропозиционального содержания чьих-то высказываний и мыслей с двух или нескольких перспектив: с перспективы субъекта высказывания (носителя убеждения) и с перспективы тех, кто взаимодействует с ним, приписывая соответствующие убеждения, интенции и высказывания. Ответ на вопрос «о чем?», следовательно, ищется и находится лишь в процессе коммуникации и дискурсивной игры (когда одно утверждение «сталкивается» с другими, интерпретируется различными способами, подтверждается или опровергается)¹³³. «Репрезентациональное измерение дискурса отражает тот факт, что концептуальное содержание подлежит не только инференциальной, но и *социальной* артикуляции. Игра в обмен доводами является по своему существу социальной практикой»¹³⁴.

как объекты – к понятиям: имеет место зависимость тех и других от определенного языка или набора языков, которыми мы располагаем» (*Brandom R. Metaphilosophical Reflections on the Idea of Metaphysics // Harvard Review of Philosophy. 2009. Vol. 16. P. 51*). О «концептуальном реализме» Брэндома см.: *Clausen A. How Can Conceptual Content Be Social and Normative, and at the Same Time, Be Objective? P. 228–230*.

¹³¹ Ср. с «*ing/ed*-дистинкцией» Селларса («*experiencing/experienced*»): *Sellars W. Empiricism and the Philosophy of Mind. P. 53–54, 149*. Подробно об этом: *Brandom R. Perspectives on Pragmatism. P. 125–128*.

¹³² См.: *Brandom R. Reasoning and Representing // Philosophy in Mind. P. 160*.

¹³³ См.: *Brandom R. Articulating Reasons. P. 158–159; Idem. Inferentialism and Some of Its Challenges // Reading Brandom. P. 168–169; Idem. Replies // Philosophy and Phenomenological Research. 1997. Vol. 57. № 1. P. 198–199; Idem. Reason in Philosophy. P. 42*.

¹³⁴ *Brandom R. Articulating Reasons. P. 163*. Ср.: *Brandom R. Reasoning and Representing // Philosophy in Mind. P. 160* («Социальная артикуляция... показывает, как значение утверждений, терминов и лексем меняется при переходе

Как справедливо подметили немецкие комментаторы Брэндома, способ рассуждения, при помощи которого семантический прагматист пытается объяснить, каким образом референция «извлекается» из инференции, представляет собой, фактически, разновидность трансцендентальной аргументации: чтобы мы могли *говорить* о предметах, их свойствах и отношениях (так, как мы это делаем), *должен* существовать объективный мир (каким мы его знаем)¹³⁵. *Необходимо*, чтобы словам соответствовали объекты, а истинным утверждениям – факты; этого *требует* дискурсивная

от одной перспективы к другой: от перспективы носителя убеждения, лица говорящего или пишущего, к перспективе интерпретатора – второго субъекта, *приписывающего* данное убеждение, интенцию или высказывание первому субъекту, интерпретируемому»). Брэндом развивает идеи Дж.Сёрла, который, как известно, различал *пропозициональное содержание* (*what is said*) и *предметную референцию* или «объективность» высказываний (*what is said about*). Вы можете утверждать или верить, что король Франции мудр или глуп, даже если человека, о котором вы говорите, в реальности не существует (Франция уже не монархия). Высказывание «король Франции мудр» (или «глуп») будет тогда иметь пропозициональное содержание, не имея объекта. В терминологии Сёрла, такие высказывания *высказываются* о чем-то или репрезентируют что-то в специфически «интенциональном», а не в «экстенциональном» смысле (Searle J. *Intentionality: An Essay in the Philosophy of Mind*. Cambridge, 1983. P. 16–17). Брэндом же говорит о двух типах репрезентации: *действительной*, или «успешной», репрезентации (когда единичные термины соответствуют реальным объектам, а истинные высказывания – фактическим «положениям дел») и репрезентации *подразумеваемой* (*putting*), когда высказывания и термины лишь «претендуют» на соответствие. «Нельзя подразумевать как претензию или намек на репрезентацию подменять успешной репрезентацией, полагая вторую необходимым условием содержательности. Однако, избегая смешения двух смыслов “репрезентирования”, не следует и слишком их разводить. В конце концов, претензия на репрезентацию осмысленна лишь как претензия на *успешную* или *правильную* репрезентацию» (Brandom R. *Making It Explicit*. P. 71–72). Введение понятия «подразумеваемого» (претензии на репрезентацию) является, как поясняет Брэндом, «одним из способов передачи того, что может быть понято как содержание интенционального состояния, отношения или действия» (Ibid. P. 73). Репрезентационизм картезианского типа принимает в расчет лишь успешность репрезентации, в этом его ограниченность, считает Брэндом. Подробнее см.: Brandom R. *Kantian Lessons about Mind, Meaning, and Rationality* // *Modern Schoolman*. 2007. Vol. 84. P. 109–117.

¹³⁵ Об инференциализме Брэндома как «трансцендентальной» разновидности прагматизма см.: Pihlström S. *Brandom on Pragmatism* // *Cognitio*. 2007. Vol. 8. № 2. P. 279–280. См. также: Pihlström S. *Naturalizing the Transcendental: A Pragmatic View*. N.Y., 2003.

практика. «Рассуждая о чем-то, делая выводы, выделяя и устраняя противоречия, мы естественным образом представляем себе, что наши слова и то, *о чем* они суть (объекты реальности), связаны репрезентационально»¹³⁶. Но трансцендентальная аргументация, возражают Брэндоу его оппоненты-реалисты, не позволяет эпистемологическому субъекту «прорваться» к реальности; она отражает лишь то, как устроено человеческое сознание. Без ответа остается главный вопрос: как мышление и язык, по выражению Х.Патнэма, «пристегиваются» к миру?¹³⁷ Не проясняет вопроса и «социальная артикуляция». «Ответственность друг перед другом в дискурсе не является самостоятельным основанием, на котором можно было бы построить производное описание того, как речь и мысль направлены на реальность. Это не значит... что мы должны просто изменить порядок на обратный. Ответственность перед миром и ответственность друг перед другом должны рассматриваться во взаимосвязи»¹³⁸.

Надо сказать, что понятие «объективности» у Брэндома лишено какого-либо содержательного наполнения, оно *формально* и выполняет в его теоретических построениях только служебную роль. Сам философ признает это. «Различие, которое мы проводим между тем, что *считается* правильным, и тем, что действительно – *объективно* – правильно, является общим для всех дискурсивных перспектив, – пишет Брэндом. – Общим не является понимание того, *в чем* состоит это различие. Оно, следовательно, носит не содержательный, а структурный характер»¹³⁹. Мы знаем, что наши идеи, суждения и оценки часто расходятся с фактами; знание этого («is-seems distinction», в терминологии Рорти) составляет часть нашей лингвистической компетенции, как бы «встроено» в наш словарь¹⁴⁰. «Указанная дистинкция, – комментирует Рорти, – приложима к любому без исключения дискурсу или теории – к физике элементарных частиц точно так же, как к учению Птоле-

¹³⁶ *Brandom R. Between Saying and Doing. P. 187.*

¹³⁷ См.: *Pohl M., Rosenhagen R., Weber A.M. Realist and Idealist Interpretations of Brandom's Account of Objectivity // Robert Brandom: Analytic Pragmatist / Ed. by B.Prien, D.P.Schweikard. Frankfurt a/Main, 2008. P. 92–95.*

¹³⁸ *McDowell J. Responses // Reading McDowell: On Mind and World / Ed. by N.Smith. L., 2002. P. 275.*

¹³⁹ *Brandom R. Making It Explicit. P. 600.*

¹⁴⁰ См.: *Ibid. P. 594–595.*

мея о кристаллических сферах. Убеждение в том, что количество птолемеевых сфер равняется пятидесяти трем, так же может быть предметом коллективного заблуждения, как и убеждение в том, что нейтроны не имеют электрического заряда. С Брэндомом не по пути философам, озабоченным проблемой “объективной реальности” – объективной в том смысле, в каком можно было бы утверждать, что нейтроны [объективно] реальны, а кристаллические сферы – нет»¹⁴¹. По Рорти, всякая языковая игра, или социально-дискурсивная практика, как выразился бы Брэндом, включает «*is-seems* дистинкцию», но «мы не можем выйти за рамки практик, чтобы “объективно” сравнить их между собой и оценить на предмет соответствия реальности *как она есть*»¹⁴².

Видеть – значит понимать Согласно теории Брэндома, существуют три способа подтверждения правомочности утверждений: 1) *выводное (inferential) обоснование*, когда в подтверждение правомочности дискурсивного обязательства приводятся некоторые рациональные аргументы; 2) *переводное (deferential) обоснование*, когда говорящий ссылается на свидетельство или мнение другого лица, предположительно знающего; 3) *непосредственное*, «по умолчанию» (**by default**) подтверждение, когда правомочность дискурсивного обязательства обеспечивается данными наблюдения, надежность которых достаточно высока и которые облекаются в форму неинференциальных утверждений. В первых двух случаях мы сталкиваемся с проблемой регресса обоснований: утверждения, которые мы делаем в расчете обосновать правомочность своей позиции, сами нуждаются в обосновании, т. е. в других утверждениях, и т. д.; что же каса-

¹⁴¹ Rorty R. What Do You Do When They Call You a ‘Relativist’? // Philosophy and Phenomenological Research. 1997. Vol. 57. № 1. P. 174.

¹⁴² Ibid. P. 175. Гегель, которого Брэндом рассматривает как одного из предшественников прагматизма (и делает это закономерно, по мнению Рорти), полагал, что «философия если и в состоянии трансцендировать социальные практики эпохи, которой сама принадлежит, чтобы определить, насколько эти практики хороши и разумны, то не иначе как апеллируя к каким-то другим – реальным или воображаемым, будущим или прошлым – практикам» (Rorty R. Philosophy as Cultural Politics. Cambridge, 2007. P. 23). Не существует, по Брэндому, таких норм, которые не были бы *социальными* нормами, т. е. «не имели бы отношения к определенной социальной практике» (ibid.).

ется апелляции к чьим-то свидетельствам, то обоснованность этих последних (компетенция субъекта предположительно знающего) может быть, в свою очередь, поставлена под вопрос. Проблема регресса обоснований вроде бы снимается подтверждениями «по умолчанию»¹⁴³. Однако Брэндом показывается, что непосредственные данные наблюдения не могут быть *поняты* неинференциально, вне рассмотрения их связи с другими содержаниями знания (сопутствующими убеждениями, предположениями и верованиями). Все дескриптивные утверждения «приобретают *концептуальную* содержательность – а следовательно, и когнитивную значимость – только благодаря отношениям вывода»¹⁴⁴. Чтобы *видеть* предмет, различать его форму и цвет (квадратное или круглое? зеленое или красное?), мы должны уже *знать*, какими бывают цвета и формы предметов, – располагать соответствующими понятиями («круглого» и «квадратного», «красного» и «зеленого»)»¹⁴⁵. Поэтому «все, что оказывается в поле нашего зрения, инференциально (и концептуально) артикулировано»¹⁴⁶. Физики в ходе экспериментальных исследований наблюдают, в прямом и буквальном смысле, поведение мю-мезонов в особом устройстве – пузырьковой камере; результаты их наблюдений носят неинференциальный характер: они «видят» частицы так же, как мы видим красное или зеленое. Однако неинференциальные данные «прямых» наблюдений имеют инференциальное объяснение и опосредованы известным рядом условий: физики *научаются* видеть мезоны, наблюдая де-факто инверсию пара (и пользуясь специальной аппаратурой)¹⁴⁷. *Эмпирическая* содержательность акта высказывания обеспечивается неинференциальной привязкой высказывания к наблюдаемым и описываемым реалиям, а *концептуальная* содержательность – инференциальной артикуляцией¹⁴⁸ («conceptual contents are inferential

¹⁴³ См.: McDowell J. Mind and World. P. 67.

¹⁴⁴ Brandom R. Between Saying and Doing. P. 95.

¹⁴⁵ См.: Brandom R. A Study Guide // Sellars W. Empiricism and the Philosophy of Mind. P. 167–168.

¹⁴⁶ Brandom R. Reply to Mark Lance and Rebecca Kukla's "Perception, Language, and the First Person" // Reading Brandom. P. 319.

¹⁴⁷ См.: Brandom R. Making It Explicit. P. 222–224. Ср.: Brandom R. A Study Guide. P. 165–166; *Idem*. Non-inferential Knowledge, Perceptual Experience, and Secondary Qualities // Reading McDowell: On Mind and World. P. 96–97.

¹⁴⁸ См.: Brandom R. Making It Explicit. P. 235.

roles»¹⁴⁹). Убеждения (beliefs), не артикулированные инференциально, никакой дискурсивной ценности не представляют: «языковых игр, которые состояли бы исключительно из неинференциальных высказываний-сообщений, просто не существует»¹⁵⁰.

На целом ряде примеров, взятых из повседневной лингвистической практики, Брэндом доказывает, что референция (репрезентационное «of», «семантическая направленность на объекты») множеством нитей связана с инференцией. Приведем одно из таких рассуждений. «Высказывания “А – собака” и “В – лисица” не являются высказываниями несовместимыми, в отличие от высказываний “А – собака” и “А – лисица”. Стало быть, рассматривать высказывание о собаке и высказывание о лисице как [материально] несовместимые¹⁵¹ – значит рассматривать их как соответствующие (имеющие референцию к) некоторому объекту – *одному и тому же* объекту. То же касается инференциальных следствий (отношений вывода). Из утверждения “А – собака” не выводится “В – млекопитающее”, в то время как “А – млекопитающее” является инференциальным следствием первого утверждения. Таким образом, рассматривать два утверждения как высказывания, связанные отношением вывода – значит рассматривать их как соответствующие (имеющие референцию к) *одному и тому же* объекту»¹⁵². Любое высказывание или суждение, нарушающее хотя бы одно из указан-

¹⁴⁹ *Brandom R. Hegelian Pragmatism and Social Emancipation (An interview) // Constellations. 2003. Vol. 10. № 4. P. 557.*

¹⁵⁰ *Brandom R. A Study Guide. P. 153. См. также: Brandom R. Varieties of Understanding // Reason and Rationality in Natural Science / Ed. by N. Rescher. Lanham, 1985. P. 33–34; Idem. Inference, Expression, and Induction // Philosophical Studies. 1988. Vol. 54. № 2. P. 260–261; Idem. Reason, Expression, and the Philosophical Enterprise // What Is Philosophy? / Ed. by C.P. Ragland, S. Heidt. New Haven, 2001. P. 83–84.*

¹⁵¹ Брэндом отличает *материальные* выводы-отношения от *формально-логических*. Простые выводы типа $a \rightarrow b$ (например: «лакмусовая бумага краснеет \rightarrow жидкость является кислотой») обычно рассматриваются как энтимемы, в которых опущена посылка-кондиционал (a1): «если жидкость окрашивает бумагу в красное, она является кислотой». Такой подход, требующий артикуляции всех посылок, отвергается Брэндом как «формалистский» (см.: *Brandom R. Making It Explicit. P. 97–105*).

¹⁵² *Brandom R. Reason in Philosophy. P. 43–44. См. также: Brandom R. Kantian Lessons about Mind, Meaning, and Rationality // Modern Schoolman. 2007. Vol. 84. P. 122–123.*

ных дискурсивных ограничений, будет необоснованным – следовательно, неправомочным. Выражением же знания может считаться лишь правомочное, т. е. обоснованное (justified) утверждение.

Истинность убеждений и перспектива интерпретатора

Как известно, в современной аналитической философии *знание* чаще всего

определяется как *обоснованное истинное убеждение* (justified true belief, сокр.: JTB). Согласно этому определению, *X* знает что *A*, если и только если в совокупности выполняются следующие три условия: (1) *X* считает, что *A*; (2) *A* является истинным; (3) убеждение *X* в том, что имеет место *A*, обосновано. Условие (3) исключает из сферы знания все убеждения, которые оказываются истинными случайно, в силу так называемого «эпистемического везения» (догадки, фантазии, откровения и т. д.). Знание должно быть не просто истинным, но обоснованным, подкрепленным аргументацией. Возможны, с другой стороны, ситуации, когда мы имеем в достаточной степени обоснованные, но ложные убеждения (это случается, например, с научными объяснениями и гипотезами). Не отвечающее условию (2) «оправданное полагание», как иногда переводят термин justified belief, не является, с точки зрения аналитического эпистемолога, знанием.

У Брэндома-прагматиста своя, весьма необычная, интерпретация JTB-схемы. В основе ее – понятие дискурсивного обязательства, *принимаемого* (кем-то) и *приписываемого* (кому-то). Признавая субъекта высказывания знающим, мы, во-первых, числим его носителем *убеждения* (приписываем ему обязательство), во-вторых, соглашаемся с *обоснованностью* данного убеждения (правомочностью обязательства), и в-третьих, признаем убеждение *истинным* (принимаем это обязательство сами)¹⁵³. Таким образом, условием истинности чьего-либо мнения или суждения для каждого из участников разговора (игры в обмен доводами) оказывается, по Брэндому, совпадение мнения субъекта высказывания с *мнением собеседника* – партнера по разговору, интерпретатора и оценщика. «Статусом знания обладают для меня лишь те убеждения [других людей], которые

¹⁵³ См.: *Brandom R. Making It Explicit. P. 202; Idem. Articulating Reasons. P. 118–119, 168; Idem. Perspectives on Pragmatism. P. 129; Idem. Insights and Blindspots of Reliabilism // Monist. 1998. Vol. 81. № 3. P. 388–389.*

я сам разделяю»¹⁵⁴. «Вполне обоснованным, но не *истинным*, будет для нас убеждение человека, правомочного утверждать то, что он утверждает в соответствии с правилами дискурсивной игры (когда содержание его утверждения согласуется с другими, предшествующими и в равной степени обоснованными, утверждениями), – обоснованным, но не истинным в силу нашего нежелания разделить данное убеждение и принять его инференциальные следствия. Различие между обоснованностью и истинностью является различием перспективы – между чьими-то дискурсивными обязательствами, правомочность которых мы признаем, но сами не разделяем, и нашими собственными обязательствами. К примеру, я должен считать обоснованным, но не истинным ваше высказывание о том, что перед вами находится какая-то вещь, если я знаю, что вы смотрите в зеркало и принимаете за реальную вещь ее отражение»¹⁵⁵. Различие между истинностью и обоснованностью схватывается лишь в контексте интерпретации и оценки, когда чье-то дискурсивное обязательство ставится под вопрос – интерпретируется и оценивается со стороны. «Социальная перспектива»¹⁵⁶ интерпретатора (scorekeeper) играет определяющую роль в прояснении истины – в решении, является ли чье-то мнение истинным или нет¹⁵⁷. С субъекта высказывания – «первого лица» – снимается, фактически, всякая эпистеми-

¹⁵⁴ *Brandom R. Reason in Philosophy. P. 158.*

¹⁵⁵ *Brandom R. Asserting // Noûs. 1983. Vol. 17. № 4. P. 645–646. Ср.: McDowell J. Knowledge and the Internal Revisited // Philosophy and Phenomenological Research. 2002. Vol. 64. № 1. P. 99–100. (Пример с зеркалом некорректен, считает Макдауэл: в подавляющем большинстве случаев наблюдателю не требуется никаких *внешних* (со стороны другого лица, *external*) подтверждений, что он видит именно то, что видит. «...Само представление, которое мы имеем, говорит о присутствии вещи, обнаруживающей себя в представлении» (Op. cit. P. 99). Семантический «экстернализм» Брэндома неприемлем для Макдауэла.)*

¹⁵⁶ *Brandom R. Reasoning and Representing // Philosophy in Mind. P. 167.*

¹⁵⁷ См.: *Brandom R. Reply to Bob Hale and Crispin Wright's "Assertibilist Truth and Objective Content: Still Inexplicit?" // Reading Brandom. P. 360–361. «Итак, статус позиции "р", факт правомочности или неправомочности чьего-то высказывания, [согласно Брэндому] всецело зависит от интерпретатора – его оценки содержания высказывания, признания или непризнания его истины... ответа "да" или "нет", – резюмирует Хабермас. – Решающее значение имеет то, каким речевой акт *представляется* интерпретатору» (Habermas J. From Kant to Hegel: On Robert Brandom's Pragmatic Philosophy of Language. P. 325). Этот феноменалистский подход Брэндома, по мнению Хабермаса, расходитя с его же антирелятивистскими аргументами, с постулированием «объектив-*

ческая ответственность за содержание утверждения/отрицания: истинность обоснованного убеждения (правомочного дискурсивного обязательства) всегда устанавливается сторонним интерпретатором, собеседником или реципиентом («вторым лицом»). Брэндом, таким образом, принимает, по определению Макдауэла, «экстерналистскую» установку¹⁵⁸. Даже сообщения о наблюдаемых фактах (*observational reports*), как и само наблюдение, «низводятся Брэндомом до слепой реакции на воздействия, природа которых наблюдателю не известна»¹⁵⁹. Однако сообщение, возражает Макдауэл, не может рассматриваться как сообщение *о чем-то* (как эмпирически содержательное), если то, о чем сообщается – истинное содержание сообщения – остается за рамками понимания говорящего, недоступно ему. Кроме того, всякий интерпретатор, как участник игры в обмен доводами, де-факто является и *субъектом высказывания* (Брэндом признает это¹⁶⁰): дискурсивные обязательства, которые он принимает, убеждения, на основании которых интерпретатор выносит суждения относительно истинности чьих-то высказываний, т. е. *приписывает* обязательства кому-то другому, сами, в свою очередь, подлежат чьей-то интерпретации и оценке. Стало быть, мы и здесь имеем дело с регрессом интерпретаций (вернее, атрибуций). Приходится констатировать, что «феноменализм» Брэндома не снимает этой проблемы¹⁶¹. Действительно, согласно ЖТВ-схеме, *убеждение X, что A*, должно быть, во-первых, *обоснованным*, и во-вторых, *истинным*. Брэндом, однако, подменяет условие 2 (*A* является истинным) условием 2' (*Y* считает, что *A* является истинным) – отсюда ре-

ного репрезентационального измерения» дискурса. Американский философ словно балансирует между двумя альтернативными прагматическими стратегиями: реализмом Патнэма и антиреализмом Порти (Ibid. P. 331–332).

¹⁵⁸ McDowell J. Reply to Gibson, Byrne, and Brandom // *Philosophical Issues*. 1996. Vol. 7 (Perception). P. 293. Теория Брэндома, уточняет Макдауэл в другом месте, предполагает «интериоризацию» обоснования и «экстериоризацию» истины (см.: McDowell J. *The Engaged Intellect*. P. 284–285).

¹⁵⁹ Ibid. P. 294.

¹⁶⁰ См.: Brandom R. *Global Anti-Representationalism?* // *Expressivism, Pragmatism and Representationalism*. P. 104.

¹⁶¹ См.: Laurier D. *Pragmatics, Pittsburgh Style* // *Pragmatics and Cognition*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 155; Loeffler R. *Normative Phenomenalism* // *European Journal of Philosophy*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 59; Lauer D. *Genuine Normativity, Expressive Bootstrapping, and Normative Phenomenalism* // *Ethics and Politics*. 2009. Vol. 11. № 1. P. 341–342.

гресс интерпретаций: кто подтвердит, что обоснованное убеждение Y (интерпретатора) в том, что обоснованное убеждение X истинно, само является истинным? Интерпретатор Z ?¹⁶²

Критика «индивидуализма» Макдауэла Как бы то ни было, Брэндом настаивает на нередуцируемости дискурсивной рациональности

к *индивидуальному*, лингвистическому и когнитивному, опыту. The game of giving and asking for reasons – игра коллективная: доводы, reasons, *запрашиваются* (у кого-то кем-то) и *предъявляются* (кем-то кому-то). Это игра, в которую практически невозможно играть в одиночку. Ошибкой Макдауэла и критиков нормативного прагматизма Брэндом считает непризнание данного факта, нежелание «разводить» перспективы субъекта высказывания и интерпретатора. «Для Макдауэла представляет интерес лишь сознание отдельно взятого индивида, которое как-то взаимодействует с реальностью, а не отношение одного индивидуального сознания к другому сознанию, их взаимодействие и содружество»¹⁶³. Такой «индивидуализм», нивелирующий различие перспектив дискурсивных агентов, по мнению Брэндома, дает ложное представление о лингвистической практике, которая носит *интер-субъективный, социальный* характер¹⁶⁴.

¹⁶² См.: Lafont C. Is Objectivity Perspectival? // Habermas and Pragmatism / Ed. by M.Aboulaifa, M.Bookman, C.Kemp. L., 2002. P. 196–201. Ср. с комментарием М.Барбера: Barber M. The Intentional Spectrum and Intersubjectivity: Phenomenology and the Pittsburgh Neo-Hegelians. Athens, 2011. P. 106–107. (Семантический прагматист, рассуждает Барбер, не станет отрицать, что интерпретация, как специфически нормативная и рациональная деятельность, сама открыта для критики – ответной интерпретации. Брэндом как раз и подчеркивает, что предпосылкой *всякой* интерпретации является различие объективного факта (истинного положения дел) и субъективного представления или мнения (принимаемого за истину). Памятуя об этом, интерпретатор должен быть готов к тому, что его *собственное* суждение – в терминологии Брэндома, дискурсивное обязательство, которое он принимает, – кем-то в определенный момент и при определенных условиях может быть признано ложным.)

¹⁶³ Brandom R. Perception and Rational Constraint: McDowell's "Mind and World" // Philosophical Issues. 1996. Vol. 7 (Perception). P. 256.

¹⁶⁴ См.: Brandom R. Knowledge and the Social Articulation of the Space of Reasons // Philosophy and Phenomenological Research. 1995. Vol. 55. № 4. P. 902–904. Возражения Макдауэла см.: McDowell J. Knowledge and the Internal Revisited // Philosophy and Phenomenological Research. 2002. Vol. 64. № 1. P. 105.

Анафора, дейксис, коммуникация

Рассуждая в этом ключе, Брэндом показывает, как монологический дискурс паразитирует на диалогическом: репрезентациональная содержательность («объективная истинность») утверждений оказывается у него продуктом intersubъективного взаимодействия, рассмотрения и оценки высказываний с различных позиций; истина как бы выкристаллизовывается в процессе коммуникации¹⁶⁵. При этом связующей единицей высказываний участников разговора или рядоположенных текстов выступает *анафора*¹⁶⁶, фиксирующая те устойчивые аспекты содержания, которые не изменяются при переходе от одного высказывания или текста к другому. Выражение «Это истинно» рассматривается Брэндом как *местопредложение* (*prosentence*), которое относится к определяющему его содержанию анафорическому antecedенту – например, высказыванию «Снег бел» – так же как *местоимение* (*pronoun*) «он» относится к определяющему его содержанию анафорическому antecedенту – например, имени «Тарский». Выражение «истинно» (*true*) служит оператором местопредложений, выражения «относится» (*refers*) или «указывает» (*denotes*) – операторами местоимений¹⁶⁷.

¹⁶⁵ См.: *Brandom R. Making It Explicit*. P. 497.

¹⁶⁶ Под «анафорой» (греч. *anapherein* – «приводить назад, возвращать») в лингвистике и логике понимается замена повторного упоминания какого-либо элемента высказывания другим выражением, как правило, указательным или возвратным местоимением («он», «этот», «такой» и т. п.). Основным признаком анафоры считается отсылочная номинация – анафорическое выражение осуществляет референцию не прямым образом, а через отсылку к референту другого выражения, называемого его antecedентом.

¹⁶⁷ См.: *Brandom R. Making It Explicit*. P. 283; *Idem. From Truth to Semantics: A Path through “Making It Explicit” // Philosophical Issues*. 1997. Vol. 8. P. 143–146; *Idem. Reference Explained Away // Journal of Philosophy*. 1984. Vol. 81. № 9. P. 469–492; *Idem. Reason in Philosophy*. P. 162–165; *Idem. Expressive vs. Explanatory Deflationism about Truth // What Is Truth? / Ed. by R.Schantz*. N.Y., 2002. P. 103–110. Брэндом берет за основу *просентенциальную теорию истины* Д.Гровер, Дж.Кампа и Н.Белнапа, представляющую собой разновидность семантического дефляционизма. Согласно этой теории, предложения, содержащие предикат «истинно», функционируют в языке подобно местоимениям (*pronouns*), заменяющим имена. Например, кто-то говорит: «Брэндом – яркий мыслитель». Другой человек замечает: «Да, это так». Второе высказывание является простым выражением согласия с тем, что было сказано ранее, и эквивалентно утверждению: «То, что он говорит, истинно». Следовательно,

Подобно тому как высказывание любого рода, вне выводных отношений с другими высказываниями, не представляет собой семантически значимой лингвистической единицы, *дейксис* (непосредственное указание на предмет) не является значимой единицей вне анафорической связи с другими терминами, употребляемыми в речи. То есть существует концептуальная зависимость дейктических механизмов от анафорических¹⁶⁸. Благодаря анафорической связи такие единичные термины и высказывания, как демонстративы, включаются в инференциальные отношения и приобретают концептуальное содержание, выполняя роль анафорических антецедентов. Без анафоры дейксис «стирался» бы в речи, не оставляя следа¹⁶⁹. В качестве примера американский философ приводит следующее высказывание (вернее, ряд высказываний, связанных анафорически): «Там что-то мелькнуло. Наверное, *это* животное. Может быть, заяц, а может, *это* какой-то другой зверек». Содержание, которое говорящий пытается выразить, используя демонстративы и индексикалы («там», «это»), не может быть передано «в чистом виде» собеседнику, т. к. привязано к событию (что-то где-то мелькнуло) и сопряженному с ним мгновенному впечатлению. Само событие уже не повторится, однако оно становится предметом обсуждения; такую возможность обеспечивает анафора. «Дейктические высказывания повисали бы в воздухе, не играя никакой лингвистической роли и не имея концептуального веса, не будь они связаны анафорическими цепочками с другими (зависимыми от них) выражениями... Сходным образом индексикалы, такие как “здесь” и “сейчас”, употребляются и сохраняют свою дискурсивную функцию единственно в силу того, что содержание, которое с помощью них выражается,

было бы ошибкой, полагают разработчики просентенциальной теории, рассматривать подобные утверждения с точки зрения субъектно-предикатной структуры и принимать «истинно» за предикат, выражающий какое-то реальное свойство. «Истинно» – семантически пустое понятие, само по себе ничего не обозначающее (в отличие от таких понятий как «снег», «трава» или «человек»); оно приобретает значение благодаря присоединению к какому-то другому понятию или выражению. См.: Grover D., Camp J., Belnap N. A Prosentential Theory of Truth // Philosophical Studies. 1975. Vol. 27. P. 73–125.

¹⁶⁸ См.: Brandom R. Making It Explicit. P. 465–466.

¹⁶⁹ См.: Brandom R. Replies to Commentators // Philosophical Issues. 1997. Vol. 8 (Truth). P. 212.

воспроизводится всякий раз в повествовании или беседе при помощи лексем, анафорически зависимых от индексикалов, – “тогда”, “в том месте”, “в то время” и т. п.»¹⁷⁰.

Анафора, кроме всего прочего, играет немаловажную роль в коммуникации. Рассмотрим ситуацию, когда к разговору двух собеседников (*A*, *B*) присоединяется третье лицо (*C*), которое подхватывает нить разговора, не имея, однако, ясного представления о его предмете. *A* говорит: «...резко вывернул руль, выехал на встречную полосу и врезался в самосвал». «Невероятно! – комментирует *B*. – О чем *этот парень* думал?». *A*: «Понятия не имею. К счастью, никто не пострадал». *B*: «Что *ему* за *это* будет?». «Ничего страшного, – вступает в разговор третий собеседник. – *Его* лишат прав на несколько месяцев». *C* не знает, о ком идет речь, был ли рассказчик свидетелем происшествия, знаком ли с водителем, совершившим аварию, и т. д. Это и не важно. Анафора позволяет ему участвовать в разговоре так, как если бы он располагал всеми необходимыми сведениями. Говоря «он», *C* имеет в виду того же самого человека, что и рассказчик *A* и его собеседник *B*. «Эта наша способность думать и говорить при отсутствии знания того, о чем мы фактически говорим и думаем (without knowing what we are talking and thinking about), является существенно важным аспектом межличностной дискурсивной коммуникации»¹⁷¹.

Дефляционизм Брэндома

Не возражая против того, чтобы его называли, с легкой руки М.Даммита¹⁷², «семантическим дефляционистом»¹⁷³, Брэндом, однако, подчеркивает: «Мой дефляционизм особого рода. Он касается лишь *объяснительной* (explanatory) функции терминов “истинно” и “относится”, но не затрагивает *выразительной* (expressive) функ-

¹⁷⁰ *Brandom R.* Expressive vs. Explanatory Deflationism about Truth // What Is Truth? P. 111.

¹⁷¹ *Ibid.* P. 112.

¹⁷² См.: *Dummett M.* Should Semantics be Deflated? // Reading Brandom. P. 217–220.

¹⁷³ *Дефляционизм* (от лат. deflatio – «сдувание») – семейство теорий, согласно которым понятие истины является «избыточным» и может быть сведено к другому понятию либо заменено им. По мнению дефляционистов, предикат «истинный» не добавляет ничего существенного к содержанию того, что утверждается. Иначе говоря, утверждать, что нечто истинно, – значит про-

ции последних. При правильном их применении, термины “истинно” и “относится” помогают нам *высказать* то, что было бы затруднительно или попросту невозможно высказать как-то иначе; я бы уподобил эти термины классу местоимений, анафорически зависимых от квантификационных антецедентов (quantificational antecedents). В высказываниях типа “Все, что говорил Фреге, истинно” они играют такую же важную роль, как в следующем контрфактическом утверждении: “Если вы склоняетесь к мысли, что некоторые идеи Фреге ложны, вам стоит еще раз продумать свои аргументы”. Метаязык формальной семантики должен располагать лексическими ресурсами с выразительными возможностями (*expressive capacities*) терминов “истинно” и “относится”. Однако использование этих понятий в *философской*, а не формальной семантике – в *объяснительных*, а не выразительных целях, – проблематично»¹⁷⁴.

сто утверждать то, чему приписывается данный предикат: ‘*p*’ истинно = *p* («принцип эквивалентности»). Как философская установка подчеркнуто антиметафизического характера, дефляционизм противостоит традиционному – субстанциалистскому, или «инфляционному» – подходу к объяснению понятия истины, согласно которому истина является *свойством*, имеет некую метафизическую природу: *x истинно* = *F(x)*, т. е. носитель истинности «*x*» (пропозиция или предложение) истинен тогда и только тогда, когда он обладает свойством *F* (под которым может пониматься соответствие действительности, когерентность с другими тривиально истинными утверждениями, практическая полезность и т. д.). Основные версии дефляционизма: дисквотационная, или «бескавычечная», теория (У.Куайн, Х.Филд), минималистская теория (П.Хорвич), просентенциальная теория (Д.Гровер, Р.Брэндом). Подробнее см.: Theories of Truth // Ed. by P.Horwich. N.Y., 1994; Wright C. Truth and Objectivity. Cambridge, 1992; Field H. Deflationist Views of Meaning and Content // Mind. 1994. Vol. 103. № 411. P. 249–284; Soames S. Understanding Truth. N.Y., 1999.

¹⁷⁴ Brandom R. Reply to Michael Dummett’s “Should Semantics be Deflated?” // Reading Brandom. P. 343. См. также: Brandom R. Expressive vs. Explanatory Deflationism about Truth // What Is Truth? P. 110–119; *Idem*. Global Anti-Representationalism? // Expressivism, Pragmatism and Representationalism. P. 106–107. Под «выражением» некоторого содержания *рационалистический экспрессивизм* Брэндома, в отличие от художественного экспрессивизма романтиков, акцентировавшего отношение между внутренним чувством, эмоцией или ментальным состоянием и выражающими их внешними жестами, понимает *концептуальное оформление* содержания мыслей и чувств. Брэндом не устает повторять: знанием является только то, что может быть выражено в понятиях и суждениях, – то, что поддается инференциальной артику-

Модусы интерпретации: de dicto/de re Согласно Брэндому, пропозициональное содержание обязательств, приписываемых субъекту высказывания интерпретатором, может специфицироваться двумя различными способами – в модусе *de dicto* и в модусе *de re*¹⁷⁵. В первом случае пропозиция (то, *что* утверждается) понимается и воспроизводится в терминах автора, говорящего или пишущего, второй же способ интерпретации предполагает раскрытие объективного содержания утверждения в терминах уже не субъекта высказывания, а коммуниканта-интерпретатора, соотносящего данное содержание с известными ему фактами (с тем, *о чем* говорится). «Сама возможность понимания собеседника, рассмотрения и использования его утверждений в качестве инференциальных посылок в рассуждениях, обеспечивается нашей способностью интерпретировать их содержание в *de re*, а не исключительно лишь в *de dicto* модальности»¹⁷⁶.

ляции (см.: *Brandom R. Articulating Reasons*. P. 16). Термины «референция», «истина», «условия истинности» он предлагает рассматривать и использовать как «теоретически вспомогательные» понятия (*Brandom R. Truth and Assertibility // Journal of Philosophy*. 1976. Vol. 73. № 6. P. 148). См. также: *Smith N. Expressivism in Brandom and Taylor // Postanalytic and Metacontinental: Crossing Philosophical Divides / Ed. by J.Reynolds, J.Chase, J.Williams, E.Mares*. L.; N.Y., 2010. P. 145–156.

¹⁷⁵ *De re* («о вещах» – *лат.*), *de dicto* («о речи» – *лат.*) – два типа модальности в логике и лингвистике, различие которых восходит к средневековой схоластике. «В классическом понимании различие *de dicto/de re* ... есть различие между приписыванием свойства модальности *пропозиции* (*dictum* – тому, что говорится), например “Возможно, что Сократ бежит”, и приписыванием такого свойства *определенному объекту* (*res*, о котором идет речь), соответственно “Сократ, возможно, бежит”. При понимании *de re* модальности как несводимой к *de dicto* это различие рассматривается как способствующее возрождению аристотелевской доктрины *эссенциализма*, согласно которой некоторые свойства присущи объекту эссенциально, необходимо» (*Павлѐнис П. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка*. М., 1983. С. 125–126). Различение модальностей «о вещах» и «о речи» (под тем или иным названием) используется многими современными логиками и лингвистами для решения фундаментальных проблем философии языка. См., например: *Sosa E. Propositional Attitudes De Dicto and De Re // Journal of Philosophy*. 1970. Vol. 67. № 21. P. 883–896; *Chisholm R. Knowledge and Belief: ‘De Dicto’ and ‘De Re’ // Philosophical Studies*. 1976. Vol. 29. P. 1–20; *Burge T. Belief De Re // Journal of Philosophy*. 1977. Vol. 74. № 6. P. 338–362; *Lewis D. Attitudes De Dicto and De Se // Philosophical Review*. 1979. Vol. 88. № 4. P. 513–543.

¹⁷⁶ *Brandom R. Making It Explicit*. P. 513.

Возьмем для примера цитату из «Одиссеи» Гомера: «Встала из мрака младая с перстами пурпурными Эос». Только читатель, знакомый с греческой мифологией, сможет понять и верно интерпретировать это поэтическое высказывание. *De dicto* спецификации: «Гомер говорит, что Эос “встала из мрака”», будет соответствовать *de re* спецификации: «...сообщает о наступлении утра» (Эос – богиня зари). Перевод пропозиции в модальность *de re* позволяет преодолеть дискурсивный разрыв между субъектом высказывания и интерпретатором. Благодаря этому переводу мы получаем возможность не только правильно понимать собеседника, но и оценивать его высказывания на истинность или ложность, одновременно решая, принимать или не принимать соответствующее – *замещающее* (substitutional) – дискурсивное обязательство¹⁷⁷. «Взаимное понимание и коммуникация зависят от способности собеседников учитывать две системы отсчета, перемещаться с точки зрения говорящего на точку зрения слушающего и обратно, сохраняя ясное понимание того, какие обязательства принимаются для себя, а какие приписываются партнеру каждым из участников разговора»¹⁷⁸.

De dicto формулировки в составе интерпретаций *de re* выделяются Брэндом особыми знаками – суперскриптными “s” («scare-quotes»¹⁷⁹). Рассмотрим следующие два высказывания:

A: Политические экстремисты устроили массовые беспорядки в городе.

B: ^sПолитические экстремисты^s выступили в защиту гражданских прав и свобод.

Второе высказывание можно переформулировать так: «*A* говорит о людях, выступивших в защиту гражданских прав и свобод, что они-де устроили массовые беспорядки в городе, и называет их политическими экстремистами». Scare-quotes здесь указывают на некорректность *de dicto* формулировки, которая, однако, используется интерпретатором (*B*) в *de re* спецификации пропозиционального содержания дискурсивного обязательства собеседника (*A*)¹⁸⁰.

¹⁷⁷ См.: Ibid. P. 514–517. В другом месте Брэндом подчеркивает, что выбор модальности описания – *de dicto* или *de re* – зависит от *прагматических* («в самом вульгарном смысле этого слова») факторов: «целей, потребностей и намерений интерпретатора» (*Brandom R. Tales of the Mighty Dead*. P. 106).

¹⁷⁸ *Brandom R. Making It Explicit*. P. 590.

¹⁷⁹ Англ. «to scare» – пугать, внушать страх.

¹⁸⁰ См.: *Brandom R. Making It Explicit*. P. 545–546.

Субъект высказывания/действия, полностью отдавая себе отчет в том, *что* он говорит или делает, может не понимать (или понимать «ложно», как в примере с королевским шиллингом) то, *о чем* он говорит (*на что* направлено его действие). Прояснение этого является целью *de re* интерпретации¹⁸¹. Интерпретатор (наблюдатель и критик, выносящий вердикт «истинно» или «ложно») оказывается всегда в преимущественной позиции: он видит и знает существенно больше, нежели те, чьи высказывания, интенции и поступки интерпретируются и оцениваются. Отличительный признак *de re* описаний – «репрезентациональные» обороты и словоформы: «about» (англ. «о»), «represents» (англ. «представляет», «репрезентирует»), «of» (выражение предложного падежа в словосочетаниях типа «thinking of ...», «talking of ...», «dreaming of ...»). Предлоги «of» и «about» Брэндом называет «интенциональными тропами»¹⁸²; они «выражают интенциональную направленность наших мыслей и слов»¹⁸³ и помогают отделить обязательства *приписываемые* от *принимаемых*¹⁸⁴.

Любая интерпретация (или высказывание, которое содержит отсылку к другому высказыванию) состоит, следовательно, из двух частей: дискурсивного обязательства, приписываемого интерпретируемому субъекту (атрибутивной части), и дискурсивного обязательства, принимаемого интерпретирующим субъектом (ассертивной части). Первая часть включает пропозициональное «что» утверждения, специфицируемое в модальности *de dicto*¹⁸⁵, т. е. высказывание, которое интерпретируемый, по мнению интерпретатора, должен был бы признать в качестве адекватного выражения своего дискурсивного обязательства. Вторая часть включает репрезентациональное «о чем» утверждения, специфицируемое в модальности *de re*, т. е. высказывание, отражающее мнение само-

¹⁸¹ См.: *Brandom R. Inferentialism and Some of Its Challenges // Reading Brandom. P. 172–173.* Перевод предложения из *de dicto* модальности в модальность *de re* можно записать так: (1) *S* убежден, что *a* есть *f*; (2) $a = b$; (3) *S* убежден относительно *b*, что оно есть *f*.

¹⁸² *Brandom R. Articulating Reasons. P. 20.*

¹⁸³ *Ibid. P. 169.*

¹⁸⁴ *Ibid. P. 183.*

¹⁸⁵ Интерпретация в *de dicto* модальности позволяет «взглянуть на мир глазами другого» (*Brandom R. Facts, Norms, and Normative Facts: A Reply to Habermas // European Journal of Philosophy. 2000. Vol. 8. № 3. P. 362.*)

го интерпретатора, его представление о предмете, которое может не совпадать с представлением субъекта интерпретируемого (того, кому дискурсивное обязательство приписывается)¹⁸⁶. «Когда я говорю: “Кант думал о старике Лампе, верой и правдой служившем ему многие годы, что он шпионит за ним”, – я даю понять, что утверждение “верой и правдой служивший” является частью высказывания, которое принадлежит *мне* и за которое, следовательно, несу ответственность я сам, а не частью высказывания или убеждения, которое я *приписываю* кому-то (в данном случае Канту)»¹⁸⁷. Маркирующие указанное различие перспектив репрезентациональные обороты («about», «of», «represents») обеспечивают возможность коммуникации и развития дискурса.

Как и положено семантическому дефляционисту, ничего определенного о референции и референциальных отношениях Брэндом не говорит. «Вместо этого он рассуждает о *словаре* (референциальном) и возможностях его использования, – не об *отношении* референции, а о том, как мы употребляем *понятия* определенного рода: “соответствует”, “отражает”, “относится”»¹⁸⁸. В действительности его «интересует лишь то, что касается языка и мышления, а вовсе не какие-то внелингвистические реалии»¹⁸⁹. *Истина и референция* для него – «философские фикции»¹⁹⁰. Никаких метафизических претензий, по мнению Рорти, у Брэндона-дефляциониста нет. «Он вводит понятие объективности не для того, чтобы дать описание отношения между словами, нами употребляемыми, и предметами; под объективностью Брэндом понимает нечто совершенно другое, а именно то, что он называет “структурной характеристикой дискурсивной интерсубъективности”». Отвергая, вслед за Куайном и Дэвидсоном, дихотомию языка и реальности, а также схемы–содержания, Брэндом отказывается признавать, что лучшее понимание отношения между словом и миром поможет нам в прояснении

¹⁸⁶ Ср. с различием *атрибутивного* и *референциального* употребления дескрипций К.Доннеланом: *Donnellan K. Reference and Definite Descriptions // Philosophical Review. 1966. Vol. 75. № 3. P. 281–304.*

¹⁸⁷ *Brandom R. Global Anti-Representationalism? // Expressivism, Pragmatism and Representationalism. P. 104.*

¹⁸⁸ *Price H. One Cheer for Representationalism? // The Philosophy of Richard Rorty. P. 277.*

¹⁸⁹ *Ibid. P. 281.*

¹⁹⁰ *Ibid. P. 282.*

наших концептов, или же в определении того, какие представления более, а какие менее осмысленны, или же в совершенствовании наших социальных практик в том или ином направлении. Во времена Фреге и Рассела философы языка еще верили, что это возможно... Но Брэндом не питает на этот счет никаких иллюзий»¹⁹¹. Не касаясь проблемы «word–world relation», оставляя ее метафизиком, Брэндом предлагает задуматься о том, что отличает человека – разумное животное, владеющее языком – от других существ, лишенных этих способностей. «Почему вместо рассуждения о том, как наш язык соотносится с реальностью, мы должны, как советует Брэндом, говорить о доксистических обязательствах или статусах? Брэндом мог бы ответить просто: “Если вы откажетесь от метафизических спекуляций по поводу “соответствия” (reference) слов предметам в пользу прагматистского рассмотрения преимуществ употребления терминов вроде “соответствует” (refers), вы столкнетесь с гораздо меньшими философскими трудностями и неразрешимыми противоречиями”»¹⁹². Ответ на вопрос, почему мы рассуждаем об атомах, звездах и Боге (какая от этого польза нам, разумным социальным животным), важнее ответа на вопрос, существуют ли боги, физические частицы или галактики¹⁹³.

Историческая и рациональная реконструкция

De re и de dicto интерпретации, как показывает Брэндом, могут применяться в

самых разных дискурсивных контекстах, в том числе в исторических и историко-философских повествованиях. Двум интерпретативным стратегиям соответствуют два метода (или «жанра», в терминологии Рорти) историографии – методы *рациональной* и *исторической* реконструкции. В англоязычной традиции преобладает установка de re – рационально-реконструктивной интерпретации и оценки философских концепций прошлого в терминах более поздней (современной исследователю) философии. Такие исторические исследования позволяют ответить на главный, с точки зрения рационального реконструктора-интерпретатора, вопрос: являются ли рассматриваемые суждения истинными или ложными, и в чем

¹⁹¹ Rorty R. Reply to Huw Price // The Philosophy of Richard Rorty. P. 290–291.

¹⁹² Ibid. P. 291.

¹⁹³ См.: Rorty R. Philosophy as Cultural Politics. P. 14–16.

состоит действительное содержание обязательств, приписываемых историком мыслителю прошлого. В отличие от *de re* реконструкций, *de dicto* интерпретации предполагают более углубленное и беспристрастное изучение материала, «вчитывание» в текст. Исследователи, работающие в этом жанре, стараются «описывать предшественников в их собственных терминах», представляя их заблуждения и ошибки (в контексте эпохи и с учетом всех исторических обстоятельств) менее случайными и абсурдными¹⁹⁴.

Как историк философии, Брэндом отдает предпочтение жанру рационально-реконструктивной интерпретации. Он сравнивает *de re* реконструкцию с джазовым стилем *бибоп*. Этот стиль исполнения характеризуется сложными темповыми импровизациями и основывается на обыгрывании аккордов (в отличие от последовательной разработки какой-то одной, заданной композитором музыкальной темы). «Простому воспроизводству знакомой мелодии, словно ускользающей в бибоповских вариациях, соответствует *de dicto* спецификация концептуального содержания текста. Но лучше узнать и прочувствовать мелодию чаще всего помогают нам именно эти интерпретативные вариации, иногда достаточно радикальные и смелые, – *de re* описания, состоящие в реконтекстуализации концептуального содержания исследуемого материала»¹⁹⁵.

Даже на уровне терминологии, используемой Брэндомом в теоретических разделах его историко-философских очерков, посвященных Канту, Гегелю и прагматистам, легко прослеживается влияние «текстуалиста» Рорти. Задачу историка Брэндом, как и Рорти, видит не в постижении изначального – аутентичного – смысла литературных, философских или исторических памятников, а в «реконтекстуализации» и «переописании» текстов, «разыгрывании одних конечных словарей против других»¹⁹⁶. «Это разыгрывание, – поясняет Рорти, – является смыслом деятельности, которую называют “критикой”..., т. е. перемещением книг из одного контекста в другой, – одних книг в контекст других книг...

¹⁹⁴ См.: Rorty R. The Historiography of Philosophy: Four Genres // Philosophy in History / Ed. by R.Rorty, J.B.Schneewind, Q.Skinner. Cambridge, 1984. P. 49–56.

¹⁹⁵ Brandom R. Tales of the Mighty Dead. P. 117. См.: Wretzel J. Brandom and Gadamer on the Hermeneutical (Il)legitimacy of Rational Reconstruction // International Journal of Philosophical Studies. 2013. Vol. 21. № 5. P. 735–754.

¹⁹⁶ Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge, 1989. P. 78.

Критика того или иного конечного словаря может осуществляться лишь изнутри другого конечного словаря; ответом на переописание может быть только пере-переописание»¹⁹⁷. Рорти, к примеру, «переписывает» Гегеля, Ницше и Дарвина так, что они оказываются предтечами прагматистов. Брэндом схожим образом поступает с немецкой классикой. Он деонтологизирует Гегеля, «подгоняя» его под проблематику и канон логико-лингвистической философии второй половины XX века¹⁹⁸. Чтобы доказать актуальность Гегеля для современной мысли, Брэндом прибегает к самым разным «реконтекстуалистским» приемам. Так, в 2008 г. в одном из американских журналов была опубликована его полушуточная рецензия на «Феноменологию духа» – «новую книгу малоизвестного в англоязычной университетской среде философа из Йены». Автор книги, пишет Брэндом, «глубоко проанализировал и оригинально переосмыслил» идеи ряда широко обсуждаемых, но почему-то не названных им европейских и американских мыслителей («рецензент» уточняет: это Витгенштейн, Куайн, Кун, Фуко, Хабермас). Проявив незаурядную интеллектуальную смелость и теоретическую изобретательность, «мистер Гегель» развил на этом материале собственную концепцию, придав ей форму «систематического метанарратива». В заключение очерка Брэндом выражает надежду, что столь нетривиальная форма презентации мысли, при всей ее «пугающей

¹⁹⁷ Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity. Cambridge, 1989. Ibid. P. 80.

¹⁹⁸ См.: Robert Brandom: Analytic Pragmatist / Ed. by B.Prien, D.P.Schweikard. Frankfurt a/Main, 2008. P. 111; Redding P. Analytic Philosophy and the Return of Hegelian Thought. P. 15; Weiss B., Wanderer J. Introduction // Reading Brandom. P. 2. По мнению Т.Рокмора, аналитические прагматисты во главе с Брэндомом склонны переоценивать сходство взглядов, которые они разделяют, с феноменологической установкой Гегеля. Брэндом, к примеру, считает, что Гегель в «Феноменологии духа» предвосхитил «антирепрезентационистский подход Куайна к знанию». «Но Куайн, – возражает Рокмор, – первый был бы удивлен одобрителем сравнением себя с Гегелем. Разницу между ними – которая очень велика – можно игнорировать, только смешав воедино куайновскую аскетическую, асоциальную форму холизма с гегелевской глубоко социальной исторической формой оправдания». Как полагает Рокмор, «различие между Гегелем и прагматизмом любого рода состоит в том факте, что Гегель принимает историческую точку зрения на знание, в то время как прагматисты, в том числе аналитические прагматисты, обычно принимают контекстуалистскую» (Рокмор Т. Гегель и границы аналитического гегельянства // Вопр. философии. 2002. № 7. С. 87, 88). Брэндом рассматривает Гегеля «как бы сквозь при-

архаичности и громоздкости», не станет препятствием для терпеливого и вдумчивого читателя, следящего за развитием философии не только в Соединенных Штатах, но и за их пределами¹⁹⁹.

**«Объективная правильность»
и возможность коллективного
заблуждения**

Итак, по мнению Брэндома, единственным способом, позволяющим раскрыть объективное «репрезентациональное» содержание чьих-либо утверждений, включая суждения мыслителей прошлого, является рациональная (*de re*) реконструкция. На вопрос «почему?» Брэндом отвечает просто: «Со стороны виднее». Не многие из коллег философа готовы принять такой ответ. «Сам по себе аргумент Брэндома, который зиждется на анализе перспектив субъекта высказывания и интерпретатора и прояснении того, в чем состоит различие указанных перспектив, едва ли приближает нас к удовлетворительному решению пробле-

зму философских концепций позднейших авторов – ведущих представителей аналитической философии, прежде всего Куайна и Селларса (а также Гилберта Хармана и некоторых других). Никогда, или почти никогда, не обращается он к Гегелю напрямую, ...не пытается передать его мысли в собственных – Гегеля – терминах. В брэндомовской интерпретации Гегель предстает ранним философом-аналитиком, гениально предвосхитившим... многое из того, что по прошествии полутора-двух столетий сделалось достоянием аналитической традиции» (*Rockmore T. Hegel, Idealism, and Analytic Philosophy. New Haven, 2005. P. 113*). Вывод Рокмора категоричен: Гегель Брэндома («социальный джастификационист» и прагматист) и Гегель «Феноменологии духа» («концептуальный идеалист» и диалектик) – два совершенно разных философа; «у них нет ничего общего, кроме имени» (*Ibid. P. 138*). См. также: *Rockmore T. On Reading Hegel // Philosophy and Social Criticism. 2007. Vol. 33. № 1. P. 55–66; Pippin R. Brandom's Hegel // European Journal of Philosophy. 2005. Vol. 13. № 3. P. 381–408; Houlgate S. Phenomenology and De Re Interpretation: A Critique of Brandom's Reading of Hegel // International Journal of Philosophical Studies. 2009. Vol. 17. № 1. P. 29–47; De Laurentiis A. Not Hegel's Tales: Applied Concepts, Negotiated Truths and the Reciprocity of Un-Equals in Conceptual Pragmatism // Philosophy and Social Criticism. 2007. Vol. 33. № 1. P. 83–98. Сам Брэндом признает, что его прочтение (и реинтерпретация) Гегеля носит «избирательный» характер: *Brandom R. Responses to Robert Pippin, Danielle Macbeth and John Haugeland // European Journal of Philosophy. 2005. Vol. 13. № 3. P. 429.**

¹⁹⁹ См.: *Brandom R. Georg Hegel's "Phenomenology of Spirit" // Topoi. 2008. Vol. 27. № 1–2. P. 161–164.*

мы объективности, – пишет Хабермас²⁰⁰. – Оценка интерпретатора (“более знающего”) может, в свою очередь, оказаться ложной; *никто*, как известно, не застрахован от ошибок. Ни одна дискурсивная перспектива, даже если она отражает мнение всего лингвистического сообщества, не дает привилегированного доступа к истине»²⁰¹. С последним утверждением Брэндом спорить не стал бы: *consensus hominum* для него, как для всякого фаллибилиста и критика предрассудков, – слишком шаткое и малонадежное основание знания. Поэтому релятивистской дихотомии «*я–мы*» – различению индивидуального и коллективного мнений – он противопоставляет дихотомию «*я–ты*» – различение перспективы субъекта высказывания и перспективы интерпретатора²⁰². Социоэтноцентризм рортианского толка сводит дискурсивную объективность к соглашению членов комьюнити, а все, что расходится с ним, квалифицирует как интеллектуальный эксцесс. Брэндом же допускает возможность и *коллективного заблуждения*²⁰³. Искомая объ-

²⁰⁰ Ср.: Grönert P. Brandom’s Solution of the Objectivity Problem // *Pragmatics and Cognition*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 161–175.

²⁰¹ *Habermas J.* From Kant to Hegel: On Robert Brandom’s Pragmatic Philosophy of Language. P. 334. Теоретически, любая интерпретация может быть «снята» последующей, предположительно более «объективной» интерпретацией: тогда первоначальный интерпретатор (attributor – тот, кто *приписывает* дискурсивное обязательство) станет интерпретируемым (attributee), и этой чередой сменяющихся друг друга оценок-интерпретаций (attributions) не будет конца (см.: Baynes K. “Gadamerian Platitudes” and Rational Interpretations // *Philosophy and Social Criticism*. 2007. Vol. 33. № 1. P. 79). In ultimo инференциализм Брэндома сводится к констатации того тривиального факта, что «представляемое (репрезентируемое) одним участником разговора слишком часто расходится с представляемым (репрезентируемым) другим участником разговора» (*Rosenkranz S.* Robert Brandom’s “Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism” // *Philosophical Quarterly*. 2002. Vol. 52. № 206. P. 125).

²⁰² Фактически, коллективное мнение представляет собой разновидность мнения индивидуального – это мнение *коллективного индивида*, замечает Брэндом. От индивидуального коллективное отличается лишь уровнем «интериоризации» знания (см.: *Brandom R.* Knowledge and the Social Articulation of the Space of Reasons // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1995. Vol. 55. № 4. P. 906).

²⁰³ «Интерпретативные практики (practices of scorekeeping), как показано у Брэндома, не ограничены ни временными, ни концептуальными рамками. Любое положение, считающееся истинным, может быть поставлено под вопрос и оспорено (при достаточных основаниях) любым из участников коммуникации. Это касается и убеждений, разделяемых всеми членами сообщества» (*Esfeld M.* Robert Brandom’s “Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive

ективная правильность (objective correctness) на лингвистическом уровне обнаруживает себя в тех спецификациях пропозиций, которые указывают на предметы и факты (предъявляя ответ на вопрос «о чем?»), т. е. в *de re* интерпретациях²⁰⁴. Несовпадение между тем, как вещи представляются или вос-*принимаются* кем-то из участников разговора, и тем, каковы они есть в действительности (how things *are* and how they are *taken to be*), «встроено», по выражению Брэндома, в социально-инференциальную артикуляцию понятий и доводов, которые мы задействуем в разговоре. Имея дело с дискурсивными обязательствами, *приписываемыми* другим, оценивая или интерпретируя чьи-то высказывания, мы всякий раз наталкиваемся на это несовпадение²⁰⁵. Из двух или нескольких перспектив нам приходится выбирать одну, «единственно верную» – ту, что положит конец конфликту интерпретаций (как нам хотелось бы думать). «...Понятия объективной истины и ошибки, – цитирует Брэндом Дэвидсона, – с необходимостью раскрываются в контексте интерпретации. Различие между предложением, считающимся истинным, и предложением, являющимся фактически истинным, чрезвычайно важно для существования межличностной системы

Commitment” // Erkenntnis. 1999. Vol. 51. № 2–3. P. 343). См. также: *Esfeld M.* How a Social Theory of Meaning Can Be Connected with Realism // *Facta Philosophica*. 2001. Vol. 4. P. 117–118; *Stout J.* Democracy and Tradition. P. 277.

²⁰⁴ См.: *Brandom R.* Making It Explicit. P. 593–595.

²⁰⁵ См.: *Ibid.* P. 597. Хотя Брэндом и подчеркивает, что феноменалистическая установка «*esse est percipi*», которую он принимает (см.: *Brandom R.* Pragmatism, Phenomenalism, and Truth Talk // *Midwest Studies in Philosophy*. 1988. Vol. 12. P. 80), ведет к смещению исследовательского интереса с *репрезентированного* (represented), т. е. объектов и фактов, на *репрезентирование* (representings), т. е. субъективные восприятия и представления, он все же проводит эпистемологическое различие между тем, что мы *принимаем* за истину, и *действительной* истиной (*Brandom R.* Making It Explicit. P. 627). «Согласно Брэндому, правильность интерпретации и соответствующей нормативной установки определяется тем, что *является* истиной, а не тем, что лишь *принимается* за такую. Можно ли, однако, считать такую позицию феноменализмом? Едва ли» (*Esfeld M.* Robert Brandom’s “Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment” // *Erkenntnis*. 1999. Vol. 51. № 2-3. P. 343). См. также: *Clausen A.* How Can Conceptual Content Be Social and Normative, and at the Same Time, Be Objective? P. 192–193; *Grönert P.* Brandom’s Solution of the Objectivity Problem // *Pragmatics and Cognition*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 162; *Бэксхёрст Д.* Формирование разума / Пер. с англ. Е.Труфановой; ред. и предисл. В.Лекторского. М., 2014. С. 234–235.

общения... Нельзя иметь убеждения, не допуская возможности заблуждения, а это требует понимания различия между истиной и ошибкой – убеждением истинным и убеждением ложным. Но это различие... обнаруживается единственно в контексте интерпретации, которая приводит к идее объективной, публичной истины»²⁰⁶. То, что Дэвидсон называет *интерпретацией*, а Брэндом – *discursive scorekeeping*, представляет собой «практическую деятельность, в ходе которой утверждения одного собеседника (“предложения, считающиеся истинными”) сверяются и сопоставляются с утверждениями (“считающимися истинными”) другого собеседника, а именно интерпретатора, приписывающего дискурсивные обязательства субъекту высказывания»²⁰⁷, – с целью установления, точного выражения и закрепления объективной истины. Объективность, таким образом, «выводится» из межличностных отношений, контекста «я–ты»²⁰⁸.

²⁰⁶ Davidson D. Inquiries into Truth and Interpretation. P. 169–170. Хабермас хотя и заявляет о том, что ни одна дискурсивная перспектива не дает «привилегированного доступа» к объективной реальности (см. цитату выше), фактически сводит истину к соглашению, достигнутому в эпистемически идеальных условиях неискаженной коммуникации. Он допускает, что различие между тем, что *считается* правильным, и тем, что *является* таковым, может быть в конце концов снято (в идеальных условиях). Семантический «экстерналист» Брэндом отвергает такую возможность (см.: *Scharp K. Communication and Content: Circumstances and Consequences of the Habermas-Brandom Debate // International Journal of Philosophical Studies. 2003. Vol. 11. № 1. P. 56–57.*

²⁰⁷ *Brandom R. Making It Explicit. P. 599.*

²⁰⁸ Настаивая на том, что *интер*-субъективная коммуникация (отношение «я–ты») является обязательным и необходимым условием объективного понимания дискурсивного обязательства, Брэндом как будто не замечает, что указанное различие (между фактом и мнением, объективным *положением* и субъективным *предположением*, how things are and how they are taken to be) может быть схвачено и специфицировано также в *интра*-субъективных терминах, как это бывает, например, когда мы вспоминаем свои прошлые ментальные состояния, высказывания или действия, заново их продумывая и оценивая. Часто, возвращаясь мысленно в прошлое, мы признаем, что были неправы, и соглашаемся с критикой в собственный адрес. То дискурсивное обязательство, которое мы *принимали* когда-то (но уже не принимаем), теперь может только *приписываться* нами себе – и, соответственно, интерпретироваться в *de dicto* или *de re* модальности: в первом случае мы *воспроизводим* свои прошлые ментальные состояния и интенции, во втором *поправляем* себя. (См.: *Briscoe R. Communication and Rational Responsiveness to the World // Pacific Philosophical Quarterly. 2007. Vol. 88. № 2. P. 150–151.*)

Является ли взаимное понимание целью коммуникации?

Однако, по мнению Хабермаса, социально-дискурсивная практика, которую Брэндом рассматривает как «игру в обмен доводами», в действительности не имеет ничего общего с интересубъективностью, т. к. не предполагает *взаимодействия* субъекта высказывания с интерпретатором, их непосредственной коммуникации. Брэндом, скорее, описывает отношение «я–он/она» (между первым и третьим действующими лицами), а не отношение «я–ты», которое связывало бы двух собеседников-коммуникантов (первое и второе лицо). Интерпретатору здесь отводится роль стороннего слушателя и наблюдателя, не находящегося в интерактивном контакте с субъектом высказывания или действия, никак напрямую не реагирующего – в режиме коммуникации, а не заочного комментария или оценки – на чьи-то слова и поступки, никогда не имеющего (и не ищущего) возможности «встретиться» с собеседником в интересубъективном признании притязаний на значимость»²⁰⁹ (хотя, что существенно для Брэндома, последнее слово остается всегда за интерпретатором). «Но ведь смысл лингвистической коммуникации (*Verständigung*) вовсе не в том, чтобы участники попросту *информировали* друг друга о своих представлениях и намерениях... Они не только хотят, чтобы их правильно *понимали* (приписывали определенные убеждения), но ищут *взаимного* понимания и соглашения (*sich verständigen*)»²¹⁰. Для каждого *Я*, участвующего в «обмене доводами», *взаимным* может быть только понимание между «мной» и «тобой» (или «вами»), т. е. первым и вторым лицом, но не между первым лицом – «мной» – и третьим лицом – «им» (или «ими»). Игра в обмен доводами – дискурсивная интеракция – немыслима вне отношения «я–ты». Гипостазируя (без

²⁰⁹ *Habermas J.* Between Naturalism and Religion. Cambridge, 2008. P. 74.

²¹⁰ *Habermas J.* From Kant to Hegel: On Robert Brandom's Pragmatic Philosophy of Language. P. 346. Ср.: *Kukla R., Lance M.* 'Yo!' and 'Lo!': The Pragmatic Topography of the Space of Reasons. P. 166–167; *McDowell J.* Knowledge and the Internal Revisited // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2002. Vol. 64. № 1. P. 105 (как отмечает Макдауэл, дискурсивные субъекты у Брэндома, фактически, «только следят друг за другом», не вступая в коммуникацию). См. также: *Habermas J.* Truth and Justification. Cambridge, 2003. P. 127–130; *Prien B.* Robert Brandom on Communication, Reference, and Objectivity // *International Journal of Philosophical Studies*. 2011. Vol. 18. № 3. P. 435–449.

оснований, по мнению Хабермаса) перспективу интерпретатора, Брэндом «выводит из игры» того самого персонажа, которого числит *главным* игроком²¹¹.

В ответ на критику, развернутую Хабермасом, Макдауэлом и некоторыми другими авторами, Брэндом выдвигает ряд контраргументов. Во-первых, общие цели и ценности, коллективные убеждения и проекты – «мы-интенции» социальных агентов, в терминологии Селларса – могут интерпретироваться (специфицироваться) разными членами лингвистического сообщества совершенно по-разному, оставаясь, тем не менее, *общими* в полном смысле этого слова. «Взаимного понимания», о котором говорит Хабермас, вовсе не требуется для сохранения и подтверждения мы-интенций. Необходимым условием продуктивной коммуникации является *разномыслие* (а не единомыслие); ничто не обязывает коммуникантов совершать одни и те же ходы, вкладывать одни и те же значения или смыслы в высказывания. «Коммуникативное взаимодействие напоминает скорее движение балльных танцоров, исполняющих номер, чем солдат на плацу, марширующих строем. Танцоры синхронно меняют позиции и перемещаются по паркету, однако не повторяют движений друг друга (один из партнеров должен вести, другой соглашается быть ведомым, один ступает вперед или смещается вправо – другой отступает или движется влево и т. д.). Именно это “несовпадение” и позволяет им танцевать, оно *образует* танец»²¹². Как бы то ни было, «третье лицо» – интерпретатор, свидетель, *tertius interveniens*²¹³ – всегда присутствует в дискурсивной игре, объединяющей двух или нескольких собеседников. К нему, как к

²¹¹ См.: *Hendley S.* From the Second to the Third Person and Back Again: Habermas and Brandom on Discursive Practice // *Journal of Philosophical Research*. 2005. Vol. 30. P. 180–183. Ср. с аргументацией Макдауэла: *McDowell J.* The Engaged Intellect. P. 148–149 (всякое понимание, не говоря о взаимном, между *мной* и *тобой* возможно лишь при условии, что *мы* говорим на одном языке; то, что объединяет меня и тебя – *наш* общий язык; другие – все, кто нас понимает и может быть понят нами – говорят на этом же языке; следовательно, отношению «я–ты», связывающему меня как субъекта высказывания и тебя как моего собеседника и интерпретатора, необходимо предпослано отношение «я–мы», связывающее всех членов лингвистического сообщества).

²¹² *Brandom R.* Facts, Norms, and Normative Facts: A Reply to Habermas. P. 363.

²¹³ «Третейский судья» – *лат.*

посреднику и гипотетическому арбитру, апеллируют субъекты коммуникации, его перспективу – *внешнюю, объективную, «идеальную»* – примеряют они всякий раз, когда высказываются *от своего* имени. Фигура интерпретатора, будь то реальное или воображаемое лицо, индивид или группа (аудитория), выступает связующим элементом, своего рода средним термином, в структуре «я–ты» отношения²¹⁴.

С мнением же Хабермаса, что целью лингвистической коммуникации является достижение взаимного понимания²¹⁵, Брэндом не соглашается категорически. «Не то чтобы я полагал, что язык служит чему-то другому; правильнее будет сказать, что у лингвистической практики нет какой-то одной определяющей цели, *raison d'être*»²¹⁶. Язык не является ни средством выражения и трансляции мыслей, обретаемых в некоем *до-* или *нелингвистическом* качестве (как считал Дж.Локк), ни специфическим инструментом приспособления к среде обитания, инструментом социобиологической репродукции или кооперации, – хотя он и может служить указанным целям. Даже если теория эволюции и объясняет *возникновение* языка, дает верное представление о развитии человека как рода – трансформации гоминида в дискурсивное существо, – само по себе это решающее событие человеческой (пред)истории отмечает как иррелевантные любые объяснительные модели, будь то научные или философские, утверждающие нечто положительное о *целях*, для которых язык, якобы, служит *средством*. «Взаимное понимание *возможно* благодаря языку, однако считать его целью лингвистической практики мы не вправе. Язык делает нас такими, какие мы есть; дискурсивность – часть нашей природы, фундаментальное свойство нас как разумных существ. Стало быть, спрашивать, для чего язык существует, так же бессмысленно, как задавать-

²¹⁴ См.: *Strydom P.* Intersubjectivity – Interactionist or Discursive? Reflections on Habermas' Critique of Brandom // *Philosophy and Social Criticism*. 2006. Vol. 32. № 2. P. 164.

²¹⁵ См.: *Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society. Boston, 1984. P. 287–288.

²¹⁶ *Brandom R.* Facts, Norms, and Normative Facts: A Reply to Habermas. P. 363. Стоит заметить, что Хабермас говорит о *коммуникации* (как способе или средстве достижения взаимного понимания), а не *языке*. Понятия «коммуникация», «лингвистическая практика», «дискурсивность», «язык», как легко убедиться, синонимичны для Брэндома, – но не для Хабермаса.

ся вопросом, почему мы такие, а не другие»²¹⁷. Саму лингвистическую коммуникацию Брэндом понимает иначе, чем Хабермас. Как отмечает Дж.Вандерер, «я–ты» отношение в интерпретации Брэндома не только не сводится к прямой интеракции субъекта высказывания и интерпретатора (реципиента), но в ряде случаев даже исключает последнюю. Интерпретация акта высказывания *как таковая* (положительная или отрицательная, т. е. признание или непризнание истины утверждения) служит «ответом» второго

²¹⁷ *Brandom R. Facts, Norms, and Normative Facts: A Reply to Habermas. P. 364.* К «инструментальному прагматизму», по мнению Брэндома, склоняется (независимо от Хабермаса) и Рорти. В книге «Случайность, ирония и солидарность» он говорит о словарях как *орудиях*, которые подходят для решения одних и не подходят для решения других задач; ценность словаря определяется тем, насколько он соответствует цели или задаче, которую мы преследуем. Забивать гвозди удобнее молотком, а не каким-то другим инструментом, но это не значит, что молоток *просто как инструмент* лучше или нужнее гаечного ключа, отвертки или стамески. Точно так же словарь, которым мы пользуемся, не может быть лучше или ценнее других словарей просто как инструмент, *как словарь* (см.: *Brandom R. Perspectives on Pragmatism. P. 135*). Такой инструментально-прагматистский подход, при всей его привлекательности (особенно в версии Рорти), имеет, как представляется Брэндому, существенные недостатки. Если в *нелингвистической* практике применению инструмента предшествует постановка задачи (определение цели, для которой инструмент производится или осваивается, которая *обуславливает необходимость* его применения), то с практикой лингвистической дело обстоит совершенно иначе. Задачи и цели, которым вроде бы «служит» словарь, никогда не даны нам заранее, принятие их не предваряет использования языка. Вне дискурсивной практики наши экзистенциальные цели-задачи не могут быть даже помыслены (*Ibid. P. 77–80*; см. также: *Brandom R. Responses to Pippin, Macbeth and Haugeland // European Journal of Philosophy. 2005. Vol. 13. № 3. P. 439–440*). Характерно, что Рорти отдает себе в этом отчет, когда говорит, что новые словари открывают и новые цели. «Всякий новоизобретенный словарь, – пишет он, – делает нечто такое, что не могло появиться до тех пор, пока не развился определенный набор описаний, производству которых он служит» (*Rorty R. Contingency, Irony, and Solidarity. P. 13*). Однако, в любом случае, словари описания должны *оцениваться* как инструменты, полагал Рорти (насколько словарь полезен? удобен ли «в обращении»? помогает ли «справляться» с реальностью?). Настаивая на этом, Рорти, по замечанию Патнэма, рассуждал во вполне прагматистском духе – в отличие от антиинструменталиста Брэндома (см.: *Hilary Putnam Interviewed by N.Saito and P.Standish // Journal of Philosophy of Education. 2014. Vol. 48. № 1. P. 9*). См. также: *Ramberg B. For the Sake of His Own Generation: Rorty on Destruction and Edification // Richard Rorty: From Pragmatist Philosophy to Cultural Politics / Ed. by A.Gröschner, C.Koopman, M.Sandbothe. L., 2013. P. 67–68.*

лица, интерпретатора, вступающего в *одностороннее* отношение с первым лицом, говорящим, – ответом на реплики и высказывания, часто не ему адресованные. Субъект высказывания, кроме того, не имеет возможности *отреагировать на реакцию* второго лица, *ответить на ответ*: как в случае с обладателем королевского шиллинга, ему остается только смиренно принять оценку интерпретатора, согласиться с приписываемым ему обязательством²¹⁸. Хабермас мыслит плюралистичнее: в его понимании коммуникация должна быть свободной и двусторонней²¹⁹.

«Загадка» языка и его логическая структура

Сомнения в релевантности лингвистического анализа Брэндома высказывали и многие симпатизирующие ему как прагматисту и толкователю Гегеля авторы. Среди них – канадский философ, историк идей и культуролог Чарльз Тэйлор. По его мнению, Брэндом, как большинство философов-аналитиков, неоправданно сужает поле исследования, ограничиваясь «эмпирией верхнего уровня дискурсивности» – уровня повседневной языковой практики, откуда черпаются «азбучные» лингвистические примеры (во-первых, декларативы, а во-вторых, контрфактуальные утверждения и негации: «если сверкнула молния, должен прогреметь гром», «S носит деловые костюмы, потому что работает в офисе», «спичка не загорится при чирканье о сырой коробок» и т. п.). Брэндом настаивает, что в нормативности лингвистических практик «нет ничего сверхъестественного или загадочного»²²⁰. Но если данное утверждение справедливо,

²¹⁸ См.: *Wanderer J.* Brandom's Challenges // *Reading Brandom*. P. 100–105.

²¹⁹ Подробнее о полемике Брэндома с Хабермасом см.: *Schärp K.* Communication and Content: Circumstances and Consequences of the Habermas–Brandom Debate // *International Journal of Philosophical Studies*. 2003. Vol. 11. № 1. P. 43–61; *Hendley S.* From the Second to the Third Person and Back Again: Habermas and Brandom on Discursive Practice // *Journal of Philosophical Research*. 2005. Vol. 30. P. 169–188; *Strydom P.* Intersubjectivity – Interactionist or Discursive? Reflections on Habermas' Critique of Brandom // *Philosophy and Social Criticism*. 2006. Vol. 32. № 2. P. 155–172; *Fulmer B.* Inferentialism and Communicative Action: Robust Conceptions of Intersubjectivity // *Philosophical Studies*. 2002. Vol. 108. № 1-2. P. 121–131; *Swindal J.* Can a Discursive Pragmatism Guarantee Objectivity? Habermas and Brandom on the Correctness of Norms // *Philosophy and Social Criticism*. 2007. Vol. 33. № 1. P. 113–126.

²²⁰ *Brandom R.* Making It Explicit. P. 626.

то лишь применительно к той разновидности дискурса («игре в обмен доводами»), которая единственно и занимает Брэндома. Тэйлор же полагает, что язык *вообще*, как символическая система и как форма жизни, много сложнее, объемнее и богаче, чем представляется нормативному прагматисту; природа языка, его возникновение и развитие – более чем «загадочно»²²¹.

Дискурсивность в широком смысле, соглашается Брэндом, включает, конечно, и ритуал, и пластику жеста, и символику образов (изобразительных, музыкальных и пр.). Всякая символическая система, однако, имеет логическую структуру. «Игра в обмен доводами» составляет функционально-смысловое ядро любой автономной лингвистической практики²²². Язык – вербальный и невербальный – *логоцентричен*²²³. Функция же логики (и философии, которая, по убеждению Брэндома, «начинается с логики»²²⁴) заключается в прояснении и анализе имплицитного содержания нормативно-лингвистических практик. Благодаря логическому инструментарию, который всегда под рукой, философ-эпистемолог имеет возможность выразить (*make explicit*) и концептуально осмыслить различные аспекты дискурсивной рациональности²²⁵. «Философская значимость логики, – пишет Брэндом, – состоит не в том, что она позволяет каждому, кто искусно овладел использованием логических выражений, *доказывать* особого класса утверждения, а в том, что ее словарь... наделяет людей выразительной силой прояснять в виде содержания утверждений те имплицитные особенности (*implicit features*) лингвистической практики, которые придают семантическое содержание высказываниям. Логика является органом семантического самосознания. Она высвечивает практические установки, определяющие концептуальное содержание, которое способны выразить члены языкового сообщества, заключая это концептуальное содержание в форму эксплицитных утверждений»²²⁶.

²²¹ См.: *Taylor Ch. Language Not Mysterious?* // *Reading Brandom*. P. 36–43.

²²² См.: *Brandom R. Reply to Charles Taylor's "Language Not Mysterious?"* // *Reading Brandom*. P. 303.

²²³ См.: *Brandom R. Between Saying and Doing*. P. 43.

²²⁴ *Brandom R. Reason in Philosophy*. P. 12.

²²⁵ См.: *Brandom R. Reason, Expression, and the Philosophical Enterprise* // *What Is Philosophy?* P. 92–94.

²²⁶ *Brandom R. From Truth to Semantics: A Path through "Making It Explicit"* // *Philosophical Issues*. 1997. Vol. 8. P. 152–153. Ср.: «*Лингвистическая практика* есть то, что позволяет нам выразить (эксплицировать) нечто, практика

В арсенал логических средств, обеспечивающих инференциальную артикуляцию-экспликацию содержания мыслей, интенций или высказываний пользователей языка, входят *кондиционалы* (условные предложения) и *негации* (предложения отрицания). Условные предложения («если p , то q ») указывают на инференциальное отношение, существующее между утверждением « p » и утверждением « q ». Дискурсивная компетенция состоит в понимании правильности одних инференций и неправильности других, в различении предпосылок и следствий высказываний, в определении условий, при которых чье-либо утверждение или суждение может быть истинным – или ложным. Мы обладаем этим *знанием-как* и применяем его на практике, но как бы вслепую, автоматически; только задействуя кондиционалы и другие выразительные ресурсы логического языка, мы получаем возможность *высказываться* о том, что мы *делаем*²²⁷. «Предположим, я употребляю понятие “лев” применительно к некоторому живому существу – зверю по имени Лео. Говоря “лев”, я имплицитно подтверждаю возможность употребления (применительно к Лео) понятия “млекопитающий”. В случае если язык, которым я пользуюсь, развит настолько, что допускает использование *кондиционалов*, я сформулирую мысль так: “если Лео – лев, то Лео – млекопитающий”. (А если язык развит настолько, что допускает использование операторов квантификации, я скажу: “если *нечто* (некое существо) является львом, то оно является млекопитающим”). ... Представим, наконец, что язык, которым я пользуюсь, настолько хорош, что включает и *отрицания*. Тогда я сказал бы: “если некое существо по имени Клео является цефалоподом, то Клео *не* является млекопитающим (и следовательно, не является львом)”. Таким образом, пользуясь логическим словарем, я имею возможность выразить и инференциально артикулировать... содержание понятий, употребляемых мной в обычной речи»²²⁸.

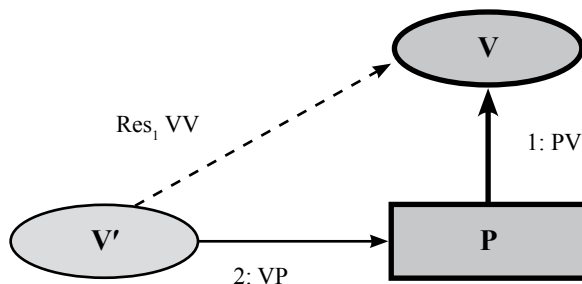
же *логическая* есть то, что дает выражение самой лингвистической практике» (*Brandom R. Making It Explicit*. P. 586). См. также: *Brandom R. Articulating Reasons*. P. 21; *Idem. Varieties of Understanding // Reason and Rationality in Natural Science*. P. 37–38; *Idem. Making It Explicit*. P. 117, 642–643; *Idem. Inferential Man // Symplokē*. 2014. Vol. 21. № 1–2. P. 386; *Idem. Hegelian Pragmatism and Social Emancipation (An interview) // Constellations*. 2003. Vol. 10. № 4. P. 562.

²²⁷ См.: *Brandom R. Between Saying and Doing*. P. 44–46.

²²⁸ *Brandom R. Articulating Reasons*. P. 19–20. Ср.: «Чтобы иметь возможность идентифицировать и повторно идентифицировать что-то как лошадь, будет полезно, если вы сможете сделать умозаключения некоторого вида («Если это лошадь,

Как мы помним, неинференциальные предложения наблюдения, согласно «модальному тезису» Брэндома, не образуют самостоятельной дискурсивной практики. Владение эмпирическим словарем предполагает усвоение содержания, проясняемого при помощи логического (модального) словаря. Мы не могли бы использовать неинференциально даже такие простые понятия и дескрипции, как, например, «кошка» и «кошка на коврике», не владей мы *abante* и словарями модальной и контрфактуальной логики («кошка может лежать на коврике, а может бегать по комнате», «если кошка заметит мышь, она бросится следом» и т. д.). Понимание контрфактуалов является необходимым условием освоения и применения всякого дескриптивного словаря²²⁹.

MU-анализ Теоретические возможности такого подхода к анализу языковых практик («концептуального» или «лингвистического экспрессивизма»²³⁰) Брэндом иллюстрирует на примерах (некоторые уже приводились), а также графически – с помощью особых диаграмм, meaning-use diagrams (MUD)²³¹. Простейшая MUD выглядит так:

то...'), и если вы имеете возможность сказать, какого рода вещи не являются лошастью ('Это не может быть лошастью, потому что лает, как собака')» (*Бэксхёрст Д.* Формирование разума. С. 40). См. также: *Macbeth D.* Brandom on Inference and the Expressive Role of Logic // *Philosophical Issues*. 1997. Vol. 8. P. 177–179.

²²⁹ См. об этом: *Penco C.* Review of Robert Brandom's "Between Saying and Doing" // *Theoria*. 2009. Vol. 75. P. 367–368. О «модальном тезисе Канта–Селларса» («all empirical descriptive properties are modally involved») см. подробнее: *Brandom R.* From Empiricism to Expressivism. P. 66–74, 148–154.

²³⁰ См.: *Brandom R.* Articulating Reasons. P. 9; *Idem.* Reason in Philosophy. P. 18.

²³¹ Они отражают зависимость значения – meaning – от употребления – use.

Базовым является МУ-отношение (выделено жирным на рисунке), связывающее некоторую имплицитно-нормативную практику «Р» со словарем «V». Правила Р определяют значение терминов и лексических оборотов, входящих в этот словарь, – лингвистических средств, используемых для выражения концептуального содержания и коммуникации членов языкового сообщества. Должен, однако, существовать и некоторый словарь V', позволяющий эксплицировать МУ-отношение между Р и V – описать то, что мы *делаем*, когда *говорим* (взаимодействуем с кем-либо на дискурсивном уровне, пользуясь лингвистическими ресурсами V по правилам Р). Результирующее МУ-отношение между двумя словарями (Res₁ VV) «прагматически опосредовано» практикой Р. Словарь V' (будь то логический, либо нормативный, либо модальный язык) является «*прагматическим метасловарем*» по отношению к V²³².

Каждый словарь имеет свою «область приложения» и соответствует определенной практике; не существует, по мнению Брэндома, универсального словаря, который охватывал бы все области и отвечал бы всем практикам. Многие философы – метафизические реалисты, представители эмпиризма и натурализма – отказываются это признавать. Они пытаются выделить какой-то один философский словарь, будь то словарь наблюдений, физический или феноменалистский словарь, как *эпистемологически* (в случае эмпиризма) или *онтологически* (в случае натурализма) привилегированный. «С их точки зрения, все, что дается нам в опыте и познании, может быть выражено средствами этого фундаментального, то есть *универсального*, словаря, и лишь непостижимое, совершенно бессмысленное или нереальное *не* поддается схватыванию и объяснению в его исключительных терминах»²³³. Метафизически Брэндом называет теории, допускающие такое гипостазирование выделенного словаря или дискурса. Подлинное отличие философии или логики от других дисциплин (или «жанров культуры»),

²³² См.: *Brandom R. Between Saying and Doing*. P. 9–11. Выражение «прагматический метасловарь» встречается у Селларса в его ранних текстах, на которые нередко ссылается Брэндом (см.: *Brandom R. From Empiricism to Expressivism*. P. 48–49; здесь же подробнее о МУ-анализе с диаграммами и примерами: p. 154–160).

²³³ *Brandom R. Metaphilosophical Reflections on the Idea of Metaphysics* // *Harvard Review of Philosophy*. 2009. Vol. 16. P. 49.

как выразился бы Рорти) заключается, по Брэндому, только в том, что логико-философский инструментарий позволяет артикулировать МУ-отношения, выявлять и описывать связи, существующие между словарями и нормативными практиками, а также между различными словарями. В решении этой инструментальной задачи состоит назначение философии²³⁴.

Полемика с Рорти Говоря о важности «прояснения» нормативного в связи с рассмотрением социолингвистических и культурных практик, Брэндом развивает идеи Рорти, с той лишь существенной разницей, что в постмодернистской утопии Рорти роль медиатора-дешифровщика, «посредника между дискурсами»²³⁵ и словарями отводится не философу или логике, а литературному критику. Логоцентризм Брэндома неприемлем для Рорти. Как философ систематического склада, претендующий на создание «всеохватной» теории, Брэндом пытается (по мнению Рорти, безуспешно) скрестить прагматизм с репрезентационизмом, «усидеть на двух стульях»²³⁶. Он говорит: «объекты и факты... таковы, каковы они суть, независимо от того, какими они кому-либо представляются»²³⁷. Однако это убеждение Брэндома, замечает Рорти, кардинально расходится с интуицией американского прагматизма, согласно которой не существует – для человека как мыслящего и действующего субъекта – никакого «Способа бытия Мира-как-такового» («a Way the World Is», по выражению Н.Гудмена), а существуют только различные способы рассмотрения, взгляды на мир (*perspectives all the way down*)²³⁸. В определенном смысле, Брэндом остается заложником гносеологии репрезентационизма, считает Рорти. «Реальность» (которой должны

²³⁴ См.: *Brandom R. Reason in Philosophy*. P. 126–128.

²³⁵ *Rorty R. Philosophy and the Mirror of Nature*. P. 317.

²³⁶ *Rorty R. Truth and Progress*. Cambridge, 1998. P. 134. Рорти, впрочем, высоко ценит мастерство Брэндома-полемиста и систематизатора: «его аргументы яснее и глубже, лучше артикулированы и основательнее моих, а кроме того, он разбирается во многих вопросах, в которых я некомпетентен, – например, в философии Фреге» (*Rorty R. Pragmatism is a Philosophical Therapy (An interview) // Believer*. June 2003. URL: http://www.believermag.com/issues/200306/?read=interview_rorty).

²³⁷ *Brandom R. Making It Explicit*. P. 594.

²³⁸ См.: *Rorty R. Truth and Progress*. P. 131.

соответствовать наши идеи и представления) играет в его прагматистской концепции ту же «конструктивную» роль, что и «опыт» в концепции Дж.Макдауэла. «Макдауэл искренне полагает, что можно быть психологическим номиналистом и находить, тем не менее, кое-что важное и философски полезное в эмпиризме; Брэндом убежден, что можно быть прагматистом... и находить нечто важное и полезное в корреспондентной теории истины... Макдауэл поднимает на щит “чувственный опыт”; Брэндом восстанавливает в правах “репрезентацию”»²³⁹.

Так же как Рорти и его последователи, Брэндом считает контрпродуктивной идею о «привилегированных репрезентациях», наличие которых, согласно репрезентационистской догме, является необходимым и достаточным основанием знания («эпистемологический фундаментализм»²⁴⁰). Такими репрезентациями, по Рорти, могут быть *данные* чувственного опыта и когнитивно транспарентные *значения*. Однако «глобальный антирепрезентационист» Рорти, по мнению Брэндома, заходит слишком далеко, когда отвергает само понятие репрезентации (исходя из ложного допущения, что метафизическое понимание «соответствия» – единственно возможное)²⁴¹. Его социальный релятивизм и эпистемологический анархизм исключают постановку вопроса об *объективном* («репрезентациональном, референциальном, денотационном»²⁴²) измерении дискурса. «Подобно

²³⁹ См.: *Rorty R. Truth and Progress*. P. 130. Столь же «туманны и бесполезны», по мнению Рорти, рассуждения Брэндома об «утверждаемом содержании», подлежащем концептуальной артикуляции (см. раздел «Брэндом – лингвистический идеалист?»). Это понятие («claimable content») мало что проясняет и, как представляется Рорти, служит одной только цели: «усилить риторику тех, кто полагает, что целью человеческого познания является установление “соответствия” наших идей чему-то реальному» (*Rorty R. Truth and Progress*. P. 136). Введенное Брэндом различие дискурсивных обязательств – *принимаемых* (кем-то) и *приписываемых* (кому-то) – Рорти готов принять как «различие между лучшими и худшими инструментами» оперирования (coping) с реальностью, но не как различие между «правильными» и «неправильными» репрезентациями (*Ibid*. P. 134).

²⁴⁰ См.: *Brandom R. From Empiricism to Expressivism*. P. 6–8.

²⁴¹ См.: *Brandom R. Global Anti-Representationalism? // Expressivism, Pragmatism and Representationalism*. P. 92–93.

²⁴² *Brandom R. An Arc of Thought: From Rorty’s Eliminative Materialism to His Pragmatism // Richard Rorty: From Pragmatist Philosophy to Cultural Politics*. P. 30.

тому как наши моральные категории и суждения не нуждаются в божественных санкциях, которые служили бы их оправданием, не требуют, утверждает Рорти, какого-то специального, внешне-го, обоснования и наши эмпирические суждения – высказывания о мире. Единственное, что в данном случае ограничивает наш произвол – это общие правила и условия кооперации, заставляющие нас считаться друг с другом и искать согласия»²⁴³. Брэндом, хоть и называет себя учеником Рорти, подчеркнуто дистанцируется от столь радикального антирепрезентационизма. «Я убежден, что существование философской теории (даже такой, как прагматистская) оправдывает нечто большее, чем вклад в социальный прогресс»²⁴⁴.

Брэндом возлагает на Рорти долю вины за распространение мифа о прагматизме как вульгарно-релятивистской философии, для которой не существует другого критерия истины, кроме субъективного удовольствия или пользы. Эта интерпретация, убежден американский философ, глубоко неверна²⁴⁵. Джеймс прямо настаивал на несводимости истины к практической пользе и удовольствию, объективно *желательного* – к субъективно *желаемому* или ценимому (противоположное утверждение, приписываемое прагматистам их оппонентами из «рационалистического» лагеря, рассматривалось Джеймсом как одно из восьми «заблуждений о прагматизме»). «Шиллер говорит: истинно то, что “работает”, – и его обвиняют в низведении истины до самых низких материальных выгод, – цитирует Джеймса Брэндом. – Дьюи говорит: истинно то, что доставляет “удовлетворение”, – и о нем судят так, будто он заменяет истинное приятным»²⁴⁶. Критики упускают из виду, что *полезность* идеи, как недвусмысленно дает понять Джеймс, является результатом ее «соответствия реальности». Соответствие для прагматистов, конечно, не означает слепого копирования объектов; это активное состояние, предполагающее воздействие на среду. Однако мы не бываем абсолютно свободны

²⁴³ *Brandom R.* Interview // *Epistemologia*. 1999. Vol. 22. P. 144.

²⁴⁴ *Brandom R.* Hegelian Pragmatism and Social Emancipation (An interview) // *Constellations*. 2003. Vol. 10. № 4. P. 564.

²⁴⁵ См.: *Brandom R.* Inferential Man (An interview) // *Symplokē*. 2014. Vol. 21. № 1–2. P. 379.

²⁴⁶ *Brandom R.* Perspectives on Pragmatism. P. 18.

в выборе тех или иных решений – действий или высказываний; сама реальность диктует нам правила поведения, «направляет нас», заставляет считаться с собой. Суждения, не претендующие на объективность (понимаемую как операциональное соответствие фактам), не могут быть «обоснованными» (warranted) и инструментально надежными, утверждал Дьюи. Мы не вправе, поэтому, ставить знак равенства между истинностью (*обоснованной утверждаемостью*) и полезностью в смысле простого удовлетворения чьих-то потребностей или желаний. По мнению Дьюи, обоснованным является только то убеждение, которое открывает путь к разрешению проблематической ситуации, но решение проблемы не равнозначно достижению удовлетворения, ведь наши желания и потребности, равно как и представления о собственной пользе, могут быть ложными или неадекватными. Решение должно отвечать условиям, заданным ситуацией, проблематичность которой носит объективный характер. «Наше первоначальное состояние сомнения или неудовлетворенности проясняется в ходе опытного исследования; установление истинного положения дел и определение, в чем состоит наша действительная потребность, – две стороны одного процесса»²⁴⁷. Даже рационально оправданные, т. е. *теоретически* правильные решения, отмечает Брэндом, могут оказаться ситуативно ошибочными, т. е. *практически* ложными, а следовательно, и бесполезными. «Верная мысль о том, что искать легче при свете, чем в темноте, и правильное решение зажечь спичку, чтобы осветить помещение, скорее всего, не помогут вам найти выход из дома, если комнаты, в которых вы заблудились, наполнены горючими газами, а вам об этом ничего не известно»²⁴⁸.

В отношении Рорти и его «либерально-иронической установки» Брэндом занимает позицию, близкую к прагматическому реализму Патнэма. Отвергая всякий (метафизический и эпистемологический) «фундаментализм», Брэндом и Патнэм, тем не менее, не

²⁴⁷ *Brandom R. Perspectives on Pragmatism*. P. 20. О состоянии удовлетворения как специфической разновидности «данного» см.: *Brandom R. Perspectives on Pragmatism*. P. 73. Об успешности практических действий (language-exit moves) как *объективном* критерии истинности обоснованных убеждений см.: *Brandom R. Making It Explicit*. P. 286–290.

²⁴⁸ *Brandom R. Pragmatics and Pragmatisms // Hilary Putnam: Pragmatism and Realism / Ed. by J. Conant, U.M. Żegleń. L.; N.Y., 2002. P. 54.*

считают возможным сводить объективность к солидарности, истину – к общему мнению. Для них познание объективной реальности не равнозначно достижению intersubjectивного согласия или консенсуса в среде исследователей. Даже если наши коллективные представления в большинстве случаев и верны, мы не застрахованы от случайных ошибок и заблуждений относительно частных истин. Прагматизм, какую его разновидность ни возьми, антропоцентричен («человеческое, субъективное, оставляет на всем свой след»²⁴⁹), однако здоровый антропоцентризм прагматистов и экзистенциальных мыслителей, как отмечает Дж. Стаут, вырождается в «порочный нарциссизм», когда исследователь обнаруживает безразличие ко всему, что не касается его собственного интереса или индивидуальной практики, и когда вследствие этого утрачивается «объективное измерение познавательного процесса»²⁵⁰. В отличие от Рорти и его постмодернистских единомышленников, Брэндома не назовешь «нарциссистом»²⁵¹. Он выступает против «релятивизации» знания, разведения прагматизма и аналитической философии по разные стороны теоретических баррикад. Классики американского прагматизма не были «разумоборцами», какими изображает их Рорти. Определенно не разделяет Брэндом и мнение тех, кто полагает, что философия (как «нестрогая» дисциплина) могла бы легко обойтись «без метода и теории». Такой взгляд американский философ расценивает как выражение «теоретического квиетизма, отвергающего, под предлогом борьбы с метафизикой и сциентизмом, любые попытки философского упорядочения наших размышлений о человеческой жизни, о нормативных и лингвистических практиках»²⁵². Брэндом призывает философов-прагматистов воспользоваться инструментарием аналитической философии для решения тех задач, которые ставит перед мыслящими людьми сама жизнь. И его не смущает ни критика Рорти, усмотревшего в этом «желание растянуть еще на несколько лет или десятилетий агонию аналитизма»²⁵³, ни ирония Макдауэла, вызвавшего сомнение в

²⁴⁹ James W. Pragmatism and Other Essays. N.Y., 1963. P. 31.

²⁵⁰ Stout J. On Our Interest in Getting Things Right: Pragmatism without Narcissism // New Pragmatists / Ed. by C. Misak. Oxford, 2007. P. 9.

²⁵¹ См.: Ibid. P. 18.

²⁵² Brandom R. Review of Hilary Putnam's "Renewing Philosophy" // Journal of Philosophy. 1994. Vol. 91. № 3. P. 143.

²⁵³ Цит. по: Brandom R. Between Saying and Doing. P. 202.

том, что «отчаянные попытки Брэндома трансплантировать здоровые органы прагматизма в разлагающееся тело аналитической философии»²⁵⁴ могут иметь успех²⁵⁵.

«Герметический автор» Работы Брэндома, как бы то ни было, сыграли важную роль в популяризации прагматизма, экзистенциализма²⁵⁶ и немецкой идеалистической философии в США. Скрупулезнейше проанализировав различные направления и концепции «старого» (от Ч.Пирса до К.Льюиса) и «нового» (от У.Куайна до Х.Прайса) прагматизма, Брэндом составил детальную их классификацию. Из его текстов²⁵⁷ можно узнать, например, чем классический прагматизм, по мнению автора, отличается от «лингвистического» или «инструментального», а «натуралистический» – от «методологического» или «историцистского». Насколько точны и полезны подобного рода классификации – вопрос отдельный. В любом случае, Брэндому удалось, разложив материал «по полочкам», показать, что современным философам-аналитикам, социальным психологам и лингвистам есть чему поучиться у прагматистов – и *ранних*, и *поздних*. Так что предпринятое им «переописание» прагматизма по крайней мере в этом смысле можно считать небесполезным.

²⁵⁴ Цит. по: *Brandom R. Between Saying and Doing*. P. 202.

²⁵⁵ Подробнее о полемике Брэндома с Рорти см.: *Voparil C.J. Rorty and Brandom: Pragmatism and the Ontological Priority of the Social // Pragmatism Today*. 2011. Vol. 2. № 1. P. 133–143; *Baghratian M. Three Pragmatisms: Putnam, Rorty, and Brandom // Following Putnam's Trail: On Realism and Other Issues / Ed. by M.Monroy, C.Silva and C.Vidal*. Amsterdam; N.Y., 2008. P. 83–101; *Levine S. Rehabilitating Objectivity: Rorty, Brandom, and the New Pragmatism // Canadian Journal of Philosophy*. 2010. Vol. 40. № 4. P. 567–589; *Stout J. Radical Interpretation and Pragmatism: Davidson, Rorty, and Brandom on Truth // Radical Interpretation in Religion / Ed. by N.Frankenberry*. Cambridge, 2002. P. 25–52.

²⁵⁶ См.: *Brandom R. Heidegger's Categories in "Being and Time" // Monist*. 1983. Vol. 66. № 3. P. 387–409; *Idem. Dasein, the Being that Thematises // Epoché*. 1997. Vol. 5. № 1-2. P. 1–40; *Idem. Analytic Philosophy, Existentialism and Contemporary American Philosophers (An interview) // Philosophical Analysis*. 2010. Vol. 1. № 2. P. 168–173.

²⁵⁷ См.: *Brandom R. Perspectives on Pragmatism; Idem. Global Anti-Representationalism? // Expressivism, Pragmatism and Representationalism; Idem. An Arc of Thought: From Rorty's Eliminative Materialism to His Pragmatism // Richard Rorty: From Pragmatist Philosophy to Cultural Politics*. P. 23–30.

Отношение к Брэндому, его инференциализму и нормативному прагматизму в среде профессиональных философов США неоднозначное. Кто-то превозносит его как мыслителя-систематика, «оригинальнейшего и наименее ортодоксального из современных прагматистов»²⁵⁸, другие критикуют за схоластизм рассуждений и трудности стиля²⁵⁹ (700-страничная «*Making It Explicit*» не отличается ни ясностью изложения, ни лаконичностью, которые столь высоко ценятся аналитическими философами). С.Жижек как-то заметил, что Брэндом принадлежит к категории «герметических» авторов. Публика ценит их, но избегает, – вернее, проявляет «интерпассивность»: желание уступить *Другому* знакомство с произведениями, которые считаются важными и интересными, однако, увы, решительно нечитабельными²⁶⁰. *Opus magnum* Брэндома – именно такая работа. Изданная спустя шесть лет вторая его книга (с подзаголовком «Введение в инференциализм» – своего рода пролегомены к «*Making It Explicit*»)²⁶¹ едва ли исправила положение. Зато историко-философские опыты Брэндома, его неаналитическая интерпретация Канта и Гегеля, были встречены благосклонно (во всяком случае, в США). Наряду с текстами Ч.Тэйлора, Р.Рорти и А.Макинтайра, эти работы стимулировали интерес американской аудитории к континентальной философской традиции, к новому освоению классики. Последнее отмечается коллегами Брэндома как несомненная заслуга «питтсбургского гегельянца».

²⁵⁸ Margolis J. A Philosophical Bestiary // European Journal of Pragmatism and American Philosophy. 2012. Vol. 4. № 2. P. 130.

²⁵⁹ См., например: *Peregrin J.* Robert Brandom's "Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism" (Review) // Erkenntnis. 2001. Vol. 55. P. 121; *Haack S.* Pragmatism, Then and Now // Pragmatism Today. 2010. Vol. 1. № 2. P. 18.

²⁶⁰ См.: *Zizek S.* For They Know Not What They Do: Enjoyment as a Political Factor. L., 2002. P. XI. В этом отношении Жижек сравнивает Брэндома с автором «Теории справедливости» Джоном Ролзом.

²⁶¹ *Brandom R.* Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism. Cambridge, 2000.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Роберт Брэндом

Рассуждение и репрезентация*

Одним из способов описания человека как разумного существа является выделение двух фундаментальных способностей или родовых свойств, составляющих нашу разумность, – способности *чувствовать* и *размышлять*. Первая роднит нас с животными, ставит в один ряд с существами невербального мира; благодаря этой способности – как раз в силу того, что они могут чувствовать – животные, так сказать, «разумеют», непосредственно «сознают» себя. Чувствительность (*sentience*) представляет собой, насколько можно судить, биологический феномен в чистом виде. Ее следует отличать от способности реагировать определенным образом (дифференцированно и адекватно) на внешние воздействия – свойства, присущего и чувствующим животным, и таким артефактам, как сенсоры или измерительные приборы. Способность же размышлять (*sapience*), помимо и сверх указанной восприимчивости живых организмов, предполагает *разумное понимание* происходящего. Разумными мы признаем существа, чьи действия поддаются рациональному объяснению; это значит, что мы можем приписывать им, как свободным агентам, те или другие интенциональные состояния (верования и желания) в качестве *оснований* совершаемых ими поступков. Для существа, наделенного интеллектом, важно, чтобы его действия были осмысленными, обоснованными. Они должны подлежать разумной интерпретации, которая достигается посредством приписывания агенту способности к выводам – практическим (относительно поставленных целей и их достижения) и теоретическим (относительно причинно-следственных связей).

* *Brandom R. Reasoning and Representing // Philosophy in Mind / Ed. by M. Michael, J. O'Leary-Hawthorne. Dordrecht, 1994. P. 159–178. – Сокр. пер. с англ. И.Джохадзе.*

Рассуждать о разумности можно по-разному: в терминах оснований и выводов (**reasons and inference**), что естественно и закономерно, но также и в терминах истины. Разумные существа – носители убеждений, а всякое убеждение является выражением (предполагаемой) истины. Разумные существа – производители действий, а всякое действие является претворением в жизнь (утверждаемой) истины. Существовать разумно – значит иметь убеждения, желания и намерения, о которых может быть спрошено, истинны они или ложны. Понимание их содержания предполагает возможность определения истинностных условий для каждого состояния мысляще-действующего субъекта. Это условия, необходимые и достаточные для того, чтобы содержание убеждения, желания или намерения было истинным.

Оба выделенных мною способа рассуждения (в терминах оснований и выводов и в терминах истины) имеют дело с умопостигаемым содержанием особого рода – *пропозициональным*. То, что может служить основанием для решения или действия разумного существа, и то, что может быть признано истинным или предпринято исходя из такого признания, имеет пропозициональное содержание. Последнее выражается декларативами и синтаксически отмечается клаузулой «что». Разные пропозициональные содержания связаны между собой инференциально (**stand in inferential relations**); они бывают истинными (при определенных условиях) или ложными.

Разговор о разумности, впрочем, далеко не исчерпывается обсуждением пропозициональности. Понять, *что* имеет сказать или выразить собеседник, *каково содержание* его мыслей и слов, – только половина дела; важно знать и *о чем* говорит или думает человек, высказывая то или иное суждение. Моя задача – прояснить и по возможности концептуально осмыслить отношение между этими «что» и «о чем». В первом случае я говорю о пропозициональном измерении дискурса, во втором – о *репрезентациональном* его измерении. Почему интенциональные состояния и их выражения, имеющие пропозициональное содержание, должны рассматриваться и как состояния, имеющие репрезентациональное содержание? Это ключевой вопрос, на который я попытаюсь ответить. (Сама его постановка предполагает возможность рассмотрения-описания пропозиционального содержания и в нерепрезентациональных терминах.)

Мой ответ заключается в предположении, что лучшим способом прояснения и спецификации репрезентационального содержания убеждений или высказываний является *социальная артикуляция* – способ, который показывает, как значение утверждений, терминов и лексем меняется при переходе от одной перспективы к другой: от перспективы носителя убеждения, лица говорящего или пишущего, к перспективе интерпретатора (второго субъекта, *приписывающего* данное убеждение, интенцию или высказывание первому субъекту, интерпретируемому). Репрезентационное содержание только и раскрывается в контексте такой дискурсивной коммуникации, когда утверждения одного собеседника принимаются к рассмотрению другим и оцениваются на предмет их обоснованности, – в контексте игры в обмен доводами (*the game of giving and asking for reasons*), которая носит социальный характер.

<...> Важную роль в развитии новейшей философии сыграло выдвинутое Кантом в «Критике чистого разума», а впоследствии закрепленное Фреге и Витгенштейном, положение о *семантическом приоритете пропозиционального*. В до-кантовской традиции базовым семантическим элементом признавались понятия (единичные или общие термины), значение которых, как утверждалось, может быть схвачено независимо от значения производных образований – суждений. Правильность выводов определялась содержательностью и связностью утверждений, а содержание утверждений – значением и сочетанием терминов. Кант переворачивает это отношение: не понятие, но *суждение* становится у него базовым элементом мысли (**unit of awareness**). **Все действия рассудка**, говорит он, сводимы к суждениям, понятия же относятся как предикаты суждений к какому-нибудь представлению о предмете. «Возможно лишь одно применение... понятий рассудком: посредством них он судит»¹.

С точки зрения Канта, рассмотрение содержания любых семантически значимых единиц должно начинаться с анализа предположений (суждений); нечто в составе суждения может иметь содержание лишь постольку, поскольку является его частью и, следовательно, вносит свой ограниченный вклад в его полное содержание. Трансцендентальная логика Канта позволяет исследо-

¹ Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. М., 1964. С. 166.

вать пропозициональную содержательность в терминах категорий как «функций единства в суждениях»². Эта линия аргументации была продолжена Фреге. Семантическое понятие концептуального содержания Фреге использовал для решения теоретической, в конечном счете, задачи объяснения прагматики дискурса – прагматической силы *высказываний-утверждений*, декларативов. В том же ключе рассуждает и поздний Витгенштейн: с помощью *предложений*, говорит он, а вовсе не слов и отдельных их сочетаний, совершаются ходы в языковых играх. Осмысленное употребление терминов возможно только в составе высказываний, с помощью которых мы выражаем мысли, т. е., прежде всего, утверждений.

Иными словами, понимание отношения между знаком и означаемым требует обязательного учета контекста высказывания – утверждения или суждения о том, *что есть*. Это «*что*» (некоторое положение дел, в истинности которого убежден говорящий) выражается с помощью предложений-декларативов, а не единичных терминов или предикатов. Субъект высказывания должен знать или предполагать, что его пропозиционально содержательное суждение, верование или утверждение истинно постольку, поскольку выражает и удостоверяет то, что является фактом, т. е. сообщает *истину о чем-то, соответствует* чему-то, скажем, объектам, или реалиям, или тому, о чем высказываются предикаты. Необходимо, следовательно, принимать во внимание как пропозициональное содержание высказывания, «*что*» говорится, так и его настоящее репрезентациональное содержание, «*о чем*» говорится, – саму мысль и то, о чем мысль существует.

Пропозициональное содержание (с него я хотел бы начать) есть содержание *утверждаемое, мыслимое, принимаемое* за истинное. Содержательные в указанном смысле высказывания отличаются одна существенная особенность: они могут служить как посылками, так и заключениями *в выводах*. Признавать истинным некоторое утверждение – значит допускать возможность его использования в качестве инференциальной посылки (a premise for inference). Семантический принцип Фреге гласит: ложные заключения никогда не выводятся (при соблюдении правил вывода) из верных посылок; однако вместо того, чтобы оценивать качество

² Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 3. С. 167.

выводов по критерию истинности высказываний, я предлагаю рассматривать истинность этих последних как то, что обеспечивается надежностью выводов.

В случае с пропозиционально содержательными *интенциональными состояниями*, прежде всего *убеждениями*, необходимая инференциальная артикуляция содержания осуществляется в форме интенциональной интерпретации или объяснения. Согласно этой эпистемологической схеме, чье-то поведение может считаться разумным тогда и только тогда, когда действия индивида поддаются *рациональному обоснованию*. В известном смысле, интенциональность, по определению Деннета, «производна от рациональности». Убеждения в составе практических рассуждений, связывающих индивидуальные верования и желания с интенциями как диспозициями к поведению, играют ключевую роль в интенциональной интерпретации-объяснении; то же самое можно сказать о рассуждении, в составе которого заключения и посылки – суть содержания убеждений (*believables*).

В случае с пропозиционально содержательными *речевыми актами*, прежде всего *утверждениями*, необходимая инференциальная артикуляция содержания осуществляется благодаря тому, что я называю игрой в обмен доводами – деятельности, которая составляет само существо *лингвистической* практики. Играть в обмен доводами – значит что-то высказывать, утверждать. Одно утверждение может служить основанием для другого и, в свою очередь, «запрашивать» основания для себя. Содержание всякого утверждения частично определяется местом, которое оно занимает в ряду других утверждений, связанных инференциальными отношениями.

Итак, *концептуальное* с необходимостью подлежит инференциальной артикуляции. Философскому эмпиризму здесь приходит на помощь рационализм. В чем заключается принципиальная разница между «реакцией» неразумного существа (например, дрессированного животного) или механического прибора (например, термостата) на определенного рода стимульные воздействия или события (например, переключение лампочки с красного на зеленый или изменение температуры воздуха) – и поведением человека, различающего понятия «красное» и «зеленое», «теплое» и «холодное»? Чем употребление этих понятий разумным носителем языка и совершение действий, связанных с состояниями или собы-

тиями, которые ими обозначаются, отличается, скажем, от произнесения попугаем членораздельных звуков, похожих на «красное» или «теплое», или автоматического срабатывания температурного регулятора в радиаторе? Разница в том, что рациональный субъект обладает навыком инференциальной артикуляции. Это – практическое умение, «знание как», позволяющее носителю языка свободно оперировать дискурсивным инструментарием, располагая слова, высказывания и предложения в сети инференциальных связей. Обладать указанным навыком – значит понимать, что является предпосылкой чего (например, утверждения «это красное» или «теплое»), какие фактические состояния или события предполагаются утверждением, а какие им исключаются, и т. д. Высказываясь о чем-то, *знающий* совершает ход в дискурсивной игре в обмен доводами, причем так, что этот ход всегда каким-то образом связан с другими, предшествующими или последующими, ходами. Неразумное существо, «умеющее» правильно реагировать на стимульные воздействия, или исправно функционирующее механическое устройство лишены *понимания* фактов, ведь они не владеют инференциальной артикуляцией, благодаря которой только и раскрываются концептуальные содержания.

Задача, стало быть, заключается в том, чтобы исследовать пропозициональное («что» наших мыслей, интенций, состояний сознания, выражаемое предложениями-декларативами) в *инференциальных* терминах³. Концептуальное содержание артикулируется, прежде всего, инференциально. Рассмотрение репрезентационального измерения семантической содержательности требует, далее, постановки вопроса об отношении *инференции* к *референции*, пропозиционального «что» высказываний и мыслей – к тому, «о чем» мыслится и говорится. Поиск ответа на этот вопрос (как репрезентациональное измерение дискурса может быть встроено в инференциальную интерпретацию пропозиционального?) приблизит нас к пониманию, что концептуальное содержание, наряду с инференциальной артикуляцией, подлежит также артикуляции *социальной*. Игра в обмен доводами является по своему существу социальной практикой.

³ Подробнее об этом см.: *Brandom R. Inference, Expression, and Induction: Sellarsian Themes // Philosophical Studies. 1988. Vol. 54. № 2. P. 257–285.*

В справедливости этого утверждения легко убедиться, если принять во внимание некоторые специфические особенности дискурсивной практики. Как показал все тот же Кант, значение чего бы то ни было концептуально содержательного имеет для всякого мыслящего и действующего субъекта прежде всего *нормативный* смысл. Высказываясь о чем-то, совершая то или иное действие, мы *несем ответственность* за свои слова и поступки. Рассудок, по Канту, есть инструмент овладения правилами-концептами, которые определяют, какое поведение может считаться *должным*, т. е. сообразным правилу, а какое нет. Суждения и поступки являются действиями, законность которых (истинностная достоверность содержания, утверждаемого либо претворяемого в жизнь мысляще-действующим субъектом) требует обоснования. Отличает эти действия то, что они совершаются по правилам. Интенциональные состояния или акты, наши убеждения, желания и поступки, имеют, стало быть, нормативное значение. Совершая действие или высказывая суждение, человек принимает на себя обязательство (*commitment*), содержание которого определяется теми правилами-концептами, в терминах которых артикулируется данное действие (состояние). Человек – существо нормативное *sui generis*, в интерпретации Канта; он живет, подчиняясь законам, руководствуясь правилами и нормами.

Предпринятая Декартом попытка интерпретации онтологического, как он полагал, различия материального и духовного в сугубо эпистемологической плоскости (со стороны гносеологического субъекта, занятого поиском достоверного и надежного знания) была переломной для европейской философской традиции. С именем Канта связана переориентация философского интереса с проблематики *достоверности* на проблематику *необходимости*. В противовес теоретической модели Декарта – дескриптивной концепции интенциональности с достоверностью в центре внимания – Кант выдвинул свою, нормативную, модель объяснения интенционального, где во главу угла ставится не достоверное, а необходимое, не то, как мы овладеваем понятием и оперируем им в познавательной и практической деятельности, но как понятие довлеет над нами и подчиняет себе нашу волю к действию и познанию. Предметом анализа в философии Канта оказывается нормативность – те имплицитные нормы, что «стоят за» поняти-

ями и руководят нами, когда мы используем концептуальный инструментарий теоретически (в рассуждении и исследовании) или практически (в деятельности, направленной на изменение мира, и во взаимодействии с другими людьми). Какова природа этой нормативности, в чем *обязывающая сила* (rulishness), *действенность*, или *валидность*, понятий? – вот главный для Канта вопрос. Нормативность, о которой здесь речь, рассматривается им как то, без чего не существует дискурсивно-практической деятельности, как «необходимость», «Notwendigkeit».

Из нормативной концептуальной прагматики Канта мы можем извлечь вывод о том, что действия дискурсивно-практического характера, а именно суждения и поступки, в отличие от других форм активности, включают в себя определенное *обязательство*. Высказывая суждение, утверждая что-то или отрицая, мы ручаемся в достоверности информации, которую сообщает наше высказывание, – даем понять, что дело обстоит так, как мы говорим. Обязательства подобного рода, как обязательства *дискурсивные*, нуждаются в *обосновании* утверждаемого (или отрицаемого) содержания, а кроме того, соответствующие высказывания могут, в свою очередь, подтверждать обоснованность некоторых других высказываний (обязательств) либо, наоборот, исключать таковую. Пропозициональная содержательность наших высказываний состоит в инференциальной артикуляции обязательств и оснований их принятия (entitlements to those commitments).

<...> Итак, первым и главным отличительным признаком чего-либо *пропозиционально* содержательного является то, что выражение данного содержания (например, утвердительное высказывание) может служить инференциальной посылкой и/или заключением в рассуждении – с одной стороны, выдвигаться в обоснование других утверждений, а с другой, требовать обоснования для себя. Чтобы правильно понимать и интерпретировать пропозициональные содержания, надо знать, что представляет собой игра в обмен доводами-обоснованиями и как ведется счет в этой игре, – уметь отличать хорошие доводы от плохих, доводы «за» от доводов «против», обязательства обоснованные от необоснованных. Это дискурсивное *знание-как* заключается в умении интерпретатора наделять пропозиционально содержательные высказывания или убеждения практическим смыслом, т. е. в понимании того, какие

последствия могло бы иметь высказываемое утверждение или отрицание в той или иной ситуации – как бы оно отразилось (или не отразилось) на счете в игре, участником которой выступает субъект высказывания (носитель убеждения). Семантический анализ, берущий начало с инференциальных отношений, неотделим от такого рода прагматической интерпретации и оценки. Если нам известно, что утверждение «А» влечет за собой утверждение «В», мы вправе думать, что человек, который говорит «А» или считает «А» истинным (принимает соответствующее дискурсивное обязательство), должен считать истинным выводное «В». Рассуждая об инференциальности, мы берем за основу, как правило, монологическую модель отношения между пропозициональными содержаниями – посылками и заключениями. Однако дискурсивная практика, игра в обмен доводами, наряду с *интер-пропозициональными* отношениями включает и отношения *интер-субъективные*. Лучшим способом рассмотрения репрезентационального содержания пропозиций, связанных инференциально (как посылки и выводы), было бы, как мне представляется, описание этого содержания в терминах социально-диалогической коммуникации – в контексте интерпретации и оценки доказательных аргументов, подтверждений и возражений, выдвигаемых участниками разговора, коммуникантами.

Если все, что играет инференциальную роль, имеет пропозициональное содержание, а все пропозиционально содержательное имеет и репрезентациональное содержание, специфически *инференциальной* практикой может считаться только такая практика, которая предполагает (пусть не явным образом, но имплицитно) репрезентациональное измерение. Существует, тем не менее, возможность описания социальной практики, состоящей из действий, наделяемых *инференциально артикулируемыми* значениями, практики выдвижения и запрашивания доводов-обоснований, которое не требует использования репрезентационального словаря. К такой разновидности как раз и относится описание лингвистической практики как игры, в которой разыгрываются дискурсивные обязательства и ведется счет аргументам «против» и «за». Я хочу показать, как имплицитное репрезентациональное измерение инференциального содержания утверждений (*implicit representational dimension of the inferential contents of claims*) **проступает в комму-**

никативном пространстве между различными социальными перспективами – перспективой субъекта высказывания и интерпретатора, *производителя* и *потребителя* аргументов. Это значит объяснить репрезентациональное (то, что артикулируется эксплицитно при помощи репрезентационального словаря) в нерепрезентациональных терминах.

Связь между *репрезентацией*, с одной стороны, и *коммуникацией* или *социальным* аспектом инференциальной практики, с другой, не кажется само собой разумеющейся, а потому нуждается в разъяснении. Я утверждаю, что адекватное понимание и оценка того, *о чем* говорят или думают люди (в отличие от пропозиционального «*что*» их высказываний и мыслей), возможны лишь в *социальном* контексте *коммуникации*. Говоря о репрезентации, я имею в виду только то, что позволяет коммуникантам поддерживать разговор и обеспечивает взаимное понимание двух или нескольких индивидов, когда утверждения одного принимаются другим в качестве предположительно истинных допущений или инференциальных посылок в рассуждениях, когда одни дискурсивные обязательства «сталкиваются» с другими и принимаются или отвергаются собеседниками исходя из их убеждений (ранее принятых ими обязательств).

Очевидные преимущества такого семантического подхода (описания репрезентационального содержания в терминах социальной коммуникации) можно продемонстрировать на примере анализа проблематики *истины*. Вопрос об истине в контексте философских дебатов встает, как правило, в связи с рассмотрением того, что считается *знанием*. Согласно традиционному представлению, знание – это обоснованное истинное убеждение (*justified true belief*). Какие же условия должны выполняться, чтобы собеседники-коммуниканты, обменивающиеся друг с другом суждениями и аргументами и принимающие (на себя) либо приписывающие (другим) дискурсивные обязательства в подтверждение их нормативных статусов, могли числить друг друга *знающими*? Во-первых, субъекту высказывания должно быть *приписано обязательство* – инференциально артикулированное, следовательно, пропозиционально содержательное. Приписывание дискурсивного обязательства означает признание субъекта высказывания носителем *убеждения*. Во-вторых, обязательство, приписываемое кем-

то кому-то, должно трактоваться (признаваться интерпретатором) в качестве *правомочного*. Считать дискурсивное обязательство правомочным – значит полагать, что убеждение в достаточной степени *обоснованно*. И в-третьих, необходимо, чтобы интерпретатор – собеседник, приписывающий обязательство другому лицу, интерпретируемому, – сам принимал данное обязательство, признавая, таким образом, убеждение *истинным*.

<...> Репрезентациональный пласт языка образуют слова и сочетания слов, позволяющие специфицировать пропозициональное содержание убеждений, приписываемых кем-то кому-то, в модальности *de re*. Я говорю о фигурах речи, в составе которых такие лексемы, как «of» и «about» (англ. «о» – *прим. пер.*) могут использоваться для выражения интенциональной направленности чьих-либо мыслей или высказываний. Спецификация пропозиционального содержания в модальности *de re* является способом передачи того, *о чем* говорит или думает человек, когда он говорит или думает *что-то*. Понимание чего-либо, выражаемого посредством репрезентационального словаря, требует предпонимания того, как выражения, которые мы рассматриваем, должны *использоваться* в **de re описаниях пропозиций (когда определенные пропозициональные установки (propositional attitudes) кому-то приписываются** в указанной модальности). <...> Спецификация или интерпретация содержания утверждений любого рода, приписываемого интерпретатором интерпретируемому, с необходимостью ставит вопрос, *в чьих терминах* раскрывается данное содержание (пропозициональное «что» убеждений и подлежащих интерпретации обязательств). Рассмотрим в качестве иллюстрации следующий диалог прокурора и адвоката в суде. Прокурор говорит (комментируя реплику адвоката): «Сторона защиты полагает, что заверения патологического лжеца заслуживают доверия как свидетельские показания». Адвокат возражает: «Нет, я утверждаю, что человек, чьи показания только что прозвучали, заслуживает доверия как свидетель». Прокурор, в ответ на эту ремарку, мог бы заметить: «Доказательства, представленные суду, не оставляют сомнения в том, что человек, чьи показания только что прозвучали, является патологическим лжецом». Мы видим, что защитник и обвинитель придерживаются радикально противоположных мнений о человеке, чьи показания рассматриваются в суде: адвокат считает его

безупречным свидетелем, прокурор называет лжецом. Спорят, разумеется, не о том, можно ли доверять обманщикам; спорят о том, лжет или говорит правду свидетель, допрашиваемый в зале суда. Интерпретация пропозиций (убеждений, приписываемых кем-то кому-то) в модальности *de re* позволяет высветить это противоречие, обусловленное различием перспектив интерпретатора и интерпретируемого, и указать на его разрешение. Если бы прокурор был достаточно откровенен и прямодушен, он мог бы (*должен* был бы) сказать: «Адвокат, говоря о человеке, который является патологическим лжецом, утверждает, что он – честный свидетель». Из такой констатации с очевидностью вытекало бы, что каждый из диспутантов ответственен за свою часть утверждения – высказывания, связывающего интерпретатора и интерпретируемого (в данном случае, прокурора и адвоката). Утверждение, что свидетелю можно верить, выражало бы обязательство, *приписываемое* интерпретатором (прокурором) интерпретируемому (адвокату), а утверждение, что допрашиваемый – лжец, относилось бы к обязательству, *принимаемому* самим интерпретатором.

Всякая интерпретация, следовательно, состоит из двух частей: дискурсивного обязательства, приписываемого субъекту высказывания (атрибутивной части), и дискурсивного обязательства, принимаемого интерпретатором (ассертативной части). Особая экспрессивная функция интерпретаций *de re*, как мне представляется, заключается именно в том, что они помогают интерпретатору «развести» две эти части, показать, какие элементы, составляющие его утверждение, выражают содержание обязательств *приписываемых*, а какие – обязательств *принимаемых*. Первая часть включает пропозициональное «что» утверждения, специфицируемое в модальности *de dicto*, т. е. высказывание, которое интерпретируемый, по мнению интерпретатора, должен был бы *признать* в качестве адекватного выражения своего дискурсивного обязательства. Вторая часть включает репрезентациональное «о чем» утверждения, специфицируемое в модальности *de re*, т. е. высказывание, отражающее мнение самого *интерпретатора*, его представление о предмете, которое может не совпадать с представлением интерпретируемого (того, кому дискурсивное обязательство приписывается). Таким образом, различение двух основных модусов или типов интерпретации пропозиционального с выделением соответствующих

им компонентов высказывания (*de re* и *de dicto*) позволяет выразить и осмыслить нечто, относящееся к самому существованию игры в обмен доводами-обоснованиями. Этим существенно важным является структурирующее дискурсивную практику различие *социальных перспектив* интерпретатора и субъекта высказывания – того, кто приписывает обязательство, и того, кто принимает его.

<...> Любое утверждение или верование, содержательное *пропозиционально*, должно, как я показал, иметь *репрезентациональное* содержание, ведь инференциальная артикуляция пропозиционального необходимо предполагает учет и *социального* измерения дискурса. Необходимость эта обусловлена тем, что выводное (*inferential*) значение утверждения, вся совокупность следствий и предпосылок дискурсивного обязательства, принимаемого субъектом высказывания, естественным образом связана с принятыми им ранее параллельными (*collateral*) обязательствами – сопутствующими высказываемому утверждению и подкрепляющими его соображениями, представлениями и гипотезами. Спецификация пропозиционального содержания всякого рода должна опираться, следовательно, на тот или иной ряд согласованных обязательств. Напрашивается вывод, что инференциальная *правильность* утверждения зависит от *истины* параллельных суждений и убеждений, его подкрепляющих. В самом деле, так думает *каждый* дискурсивный субъект, но каждый судит о правильности по-своему, исходя из своих предположительно истинных допущений, со своей перспективы, всегда в чем-то отличной от перспективы другого субъекта. Репрезентациональные обороты позволяют «высветить» это различие, выразить его посредством разграничения обязательств приписываемых и принимаемых (без чего коммуникация, ввиду указанного несовпадения перспектив, была бы попросту невозможна). *Репрезентациональное*, таким образом, несет на себе отпечаток *социального* – специфически социальной структуры *инференциальной* артикуляции пропозиционального содержания, которое оказывается предметом игры в обмен доводами-обоснованиями, разыгрываемой субъектами дискурсивной коммуникации.

Список трудов Р.Брэндома с 1976 по 2014 г.

Книги

- The Logic of Inconsistency (with Nicholas Rescher). Oxford, 1980.
Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment. Cambridge, 1994.
Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism. Cambridge, 2000.
Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality. Cambridge, 2002.
Between Saying and Doing: Towards an Analytic Pragmatism. Oxford, 2008.
Reason in Philosophy: Animating Ideas. Cambridge, 2009.
Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary. Cambridge, 2011.
From Empiricism to Expressivism: Brandom Reads Sellars. Cambridge, 2014.

Статьи, рецензии и интервью

1976–1980

- Truth and Assertibility // Journal of Philosophy. 1976. Vol. 73. № 6. P. 137–149.
Adequacy and the Individuation of Ideas in Spinoza's Ethics // Journal of the History of Philosophy. 1976. Vol. 14. № 2. P. 147–162.
Freedom and Constraint by Norms // American Philosophical Quarterly. 1979. Vol. 16. № 3. P. 187–196.
A Binary Sheffer Operator Which Does the Work of Quantifiers and Sentential Connectives // Notre Dame Journal of Formal Logic. 1979. Vol. 20. № 2. P. 262–264.
A Microcomputer Based Model of Anesthetic Uptake and Distribution (with B.W.Brandom) // Proceedings of the Eleventh Annual Conference on Modeling and Simulation. Pittsburgh, 1980. P. 295–300.

1981–1990

- Leibniz and Degrees of Perception // Journal of the History of Philosophy. 1981. Vol. 19. № 4. P. 447–479.
A Semantic Paradox of Material Implication // Notre Dame Journal of Formal Logic. 1981. Vol. 22. № 2. P. 129–132.
Review of "Philosophy of Logics" by Susan Haack // History and Philosophy of Logic. 1981. Vol. 2. № 1–2. P. 175–178.
Points of View and Practical Reasoning // Canadian Journal of Philosophy. 1982. Vol. 12. № 2. P. 321–333.

Review of “Analytic Philosophy of Technology” by Friedrich Rapp, Stanley Carpenter and Theodor Langenbruch // *Isis*. 1982. Vol. 73. № 3. P. 441–442.
Asserting // *Noûs*. 1983. Vol. 17. № 4. P. 637–650.

Heidegger’s Categories in “Being and Time” // *Monist*. 1983. Vol. 66. № 3. P. 387–409.

Uptake and Distribution of Halothane in Infants: In Vivo Measurements and Computer Simulations (with B.W.Brandom and D.R.Cook) // *Anesthesia and Analgesia*. 1983. Vol. 62. P. 404–410.

Reference Explained Away // *Journal of Philosophy*. 1984. Vol. 81. № 9. P. 469–492.

Varieties of Understanding // *Reason and Rationality in Natural Science* / Ed. by N.Rescher. Lanham, 1985. P. 27–51.

Frege’s Technical Concepts: Some Recent Developments // **Frege Synthesized: Essays on the Philosophical and Foundational Work of Gottlob Frege** / Ed. by L.Haaparanta, J.Hintikka. Dordrecht, 1986. P. 253–295.

Singular Terms and Sentential Sign Designs // *Philosophical Topics*. 1987. Vol. 15. № 1. P. 125–167.

Review of “Assertion and Conditionals” by Anthony Appiah // *Philosophical Review*. 1987. Vol. 96. № 4. P. 579–581.

Pragmatism, Phenomenalism, and Truth Talk // *Midwest Studies in Philosophy*. 1988. Vol. 12. № 1. P. 75–93.

Inference, Expression, and Induction: Sellarsian Themes // *Philosophical Studies*. 1988. Vol. 54. № 2. P. 257–285.

Review of “Minimal Rationality” by Christopher Cherniak // *History and Philosophy of Logic*. 1988. Vol. 9. № 2. P. 233–254.

Review of “The Nature of Mental Things” by Arthur Collins // *Philosophical Review*. 1990. Vol. 99. № 1. P. 119–121.

1991–2000

The Social Anatomy of Inference // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1993. Vol. 53. № 3. P. 661–666.

Unsuccessful Semantics // *Analysis*. 1994. Vol. 54. № 3. P. 175–178.

Reasoning and Representing // *Philosophy in Mind: The Place of Philosophy in the Study of Mind* / Ed. by M.Michael, J.O’Leary-Hawthorne. Dordrecht, 1994. P. 159–178.

Expressing and Attributing Beliefs // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1994. Vol. 54. № 4. P. 905–912.

Review of Hilary Putnam’s “Renewing Philosophy” // *Journal of Philosophy*. 1994. Vol. 91. № 3. P. 140–143.

Knowledge and the Social Articulation of the Space of Reasons // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1995. Vol. 55. № 4. P. 895–908.

Three Problems with the Empiricist Conception of Concepts // *Acta Philosophica Fennica*. 1995. Vol. 58. P. 16–35.

Perception and Rational Constraint: McDowell's "Mind and World" // *Philosophical Issues*. 1996. Vol. 7 (Perception). P. 241–260. *Abbreviated version: Philosophy and Phenomenological Research*. 1998. Vol. 58. № 2. P. 369–374.

The Significance of Complex Numbers for Frege's Philosophy of Mathematics // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 1996. Vol. 96. P. 293–315.

Précis of "Making It Explicit" // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1997. Vol. 57. № 1. P. 153–156.

Replies to John McDowell, Gideon Rosen, Richard Rorty, and Jay Rosenberg // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1997. Vol. 57. № 1. P. 189–204.

Dasein, the Being that Thematiszes // *Epoché*. 1997. Vol. 5. № 1-2. P. 1–40.

From Truth to Semantics: A Path Through "Making It Explicit" // *Philosophical Issues*. 1997. Vol. 8 (Truth). P. 141–154. Русский перевод: *Брэндом Р. От истины к семантике: путь через «Прояснение»* / Пер. И.Бышевской, Р.Сухоруковой // *Analytica*. 2011. № 5. С. 111–127.

Replies to Comments by James Tomberlin, Danielle Macbeth, and Mark Lance // *Philosophical Issues*. 1997. Vol. 8 (Truth). P. 199–214.

A Study Guide // *Sellars W. Empiricism and the Philosophy of Mind*. Cambridge, 1997. P. 119–181.

Action, Norms, and Practical Reasoning // *Noûs*. 1998. Vol. 32. P. 127–139.

Insights and Blindspots of Reliabilism // *Monist*. 1998. Vol. 81. № 3. P. 371–392.

Some Pragmatist Themes in Hegel's Idealism: Negotiation and Administration in Hegel's Account of the Structure and Content of Conceptual Norms // *European Journal of Philosophy*. 1999. Vol. 7. № 2. P. 164–189.

Interview // *Epistemologia*. 1999. Vol. 22. P. 143–150.

Fighting Skepticism with Skepticism: Supervaluational Epistemology, Semantic Autonomy, and Natural Kind Skepticism // *Facta Philosophica*. 2000. Vol. 2, № 2. P. 163–178.

Introduction // *Rorty and His Critics* / Ed. by R.Brandom. Oxford, 2000. P. IX–XX.

Vocabularies of Pragmatism: Synthesizing Naturalism and Historicism // *Rorty and His Critics*. P. 156–183.

Facts, Norms, and Normative Facts: A Reply to Habermas // *European Journal of Philosophy*. 2000. Vol. 8. № 3. P. 356–374.

2001–2010

Modality, Normativity, and Intentionality // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2001. Vol. 63. № 3. P. 587–609.

What Do Expressions of Preference Express? // Practical Rationality and Preference: Essays for David Gauthier / Ed. by C.Morris, A.Ripstein. N.Y., 2001. P. 11–36.

Reason, Expression, and the Philosophical Enterprise // What Is Philosophy? / Ed. by C.P.Ragland, S.Heidt. New Haven, 2001. P. 74–95.

Holism and Idealism in Hegel's Phenomenology // Hegel Studien / Ed. by W.Jaeschke, L.Siep. Hamburg, 2001. P. 57–92.

Expressive vs. Explanatory Deflationism about Truth // What Is Truth? (Current Issues in Theoretical Philosophy) / Ed. by R.Schantz. Berlin; N.Y., 2002. P. 103–119.

Non-inferential Knowledge, Perceptual Experience, and Secondary Qualities: Placing McDowell's Empiricism // Reading McDowell: On Mind and World / Ed. by N.H.Smith. L., 2002. P. 92–105.

Overcoming a Dualism of Concepts and Causes: The Basic Argument of "Empiricism and the Philosophy of Mind" // Blackwell Guide to Metaphysics / Ed. by R.M.Gale. Oxford, 2002. P. 263–281.

Pragmatics and Pragmatisms // Hilary Putnam: Pragmatism and Realism / Ed. by J.Conant, U.M.Žegleń. L.; N.Y., 2002. P. 40–59.

Hegelian Pragmatism and Social Emancipation (An interview) // Constellations. 2003. Vol. 10. № 4. P. 554–570.

The Pragmatist Enlightenment (and Its Problematic Semantics) // European Journal of Philosophy. 2004. Vol. 12. № 1. P. 1–16.

From a Critique of Cognitive Internalism to a Conception of Objective Spirit: Reflections on Descombes's Anthropological Holism // Inquiry. 2004. Vol. 47. № 3. P. 236–253.

Hermeneutic Practice and Theories of Meaning // SATS – Nordic Journal of Philosophy. 2004. Vol. 5. № 1. P. 5–26.

Critical notice of "Blind and Worried or The Sorter Resorted" // Theoria. 2004. Vol. 70. № 2-3. P. 298–302.

Responses (to Robert Pippin, Danielle Macbeth and John Haugeland) // European Journal of Philosophy. 2005. Vol. 13. № 3. P. 429–441.

Heidegger's Categories in "Being and Time" // A Companion to Heidegger / Ed. by H.Dreyfus, M.Wrathall. Oxford, 2005. P. 214–232.

Sketch of a Program for a Critical Reading of Hegel. Comparing Empirical and Logical Concepts // Internationales Jahrbuch des Deutschen Idealismus. 2005. Vol. 3. P. 131–161.

Responses (to Pirmin Stekeler-Weithofer, Jaroslav Peregrin, Ruth Garrett Millikan, Sebastian Knell, Sebastian Rödl, Friedrich Kambartel, John McDowell, Daniel Laurier, Peter Grönert, Carlo Penco and Kevin Scharp) // Pragmatics and Cognition. 2005. Vol. 13. № 1. P. 227–249.

Kantian Lessons about Mind, Meaning, and Rationality // Modern Schoolman: A Quarterly Journal of Philosophy. 2007. Vol. 84. P. 109–129.

Inferentialism and Some of its Challenges // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2007. Vol. 74. № 3. P. 651–676.

The Structure of Desire and Recognition: Self-Consciousness and Self-Constitution // *Philosophy and Social Criticism*. 2007. Vol. 33. № 1. P. 127–150.

Editor's Introduction (with Kevin Scharp) // *In the Space of Reasons: Selected Essays of Wilfrid Sellars* / Ed. by R.Brandom, K.Scharp. Cambridge, 2007. P. VII–XXV.

Towards an Analytic Pragmatism // *Philosophical Topics*. 2008. Vol. 36. № 2. P. 1–27.

Responses (to John McDowell, John MacFarlane, Pirmin Stekeler-Weithofer, Huw Price, Jaroslav Peregrin and Sebastian Rödl) // *Philosophical Topics*. 2008. Vol. 36. № 2. P. 135–155.

Georg Hegel's "Phenomenology of Spirit" // *Topoi*. 2008. Vol. 27. № 1–2. P. 161–164.

Freedom Is a Matter of Responsibility and Authority (An interview) // *European Journal of Political Theory*. 2008. Vol. 7. № 3. P. 365–381.

Replies // *Robert Brandom: Analytic Pragmatist* / Ed. by B.Prien, D.P.Schweikard. Frankfurt a/Main, 2008. P. 163–194.

Metaphilosophical Reflections on the Idea of Metaphysics // *Harvard Review of Philosophy*. 2009. Vol. 16. P. 44–57.

Why Philosophy Paints its Blue on Grey: Irony and the Pragmatist Enlightenment // *Pragmatism, Nation, and Race: Community in the Age of Empire*. Ed. by Ch.Katzer, E.Medieta. Bloomington, 2009. P. 19–45.

Autonomy, Community and Freedom // *Autonomy of Reason? Proceedings of the V Meeting Italian-American Philosophy* / Ed. by R.Dottori. Rome, 2009. P. 166–178.

Pragmatism, Inferentialism, and Modality in Sellars's Arguments against Empiricism // *Empiricism, Perceptual Knowledge, Normativity, and Realism: Essays on Wilfrid Sellars* / Ed. by W.deVries. Oxford, 2009. P. 33–62.

The Structure of Desire and Recognition: Self-Consciousness and Self-Constitution // *Dialectics, Self-Consciousness, and Recognition: The Hegelian Legacy* / Ed. by A.Grøn, M.Raffnsøe-Møller, A.Sørensen. Aarhus, 2009. P. 140–171.

Conceptual Content and Discursive Practice // *Grazer Philosophische Studien*. 2010. Vol. 81. P. 13–35.

How Analytic Philosophy Has Failed Cognitive Science // *Critique and Humanism*. 2010. Vol. 31. № 1. P. 151–174.

Classical German Philosophy, American Pragmatism and Inferentialist Semantics (An interview. Part 1) // *Philosophical Analysis*. 2010. Vol. 1. № 1. P. 170–177.

Analytic Philosophy, Existentialism and Contemporary American Philosophers (An interview. Part 2) // *Philosophical Analysis*. 2010. Vol. 1. № 2. P. 168–173.

Responses (to A.Gibbard, Ch.Taylor, D.Dennett, S.Rödl, J.MacFarlane, J.Wanderer, M.Lance and R.Kukla, J.McDowell, R.Stout, J.Fodor and E.Lepore, D.Macbeth, M.Dummett, M.Kremer, B.Weiss, K.Scharp, B.Hale and C.Wright) // *Reading Brandom* / Ed. by B.Weiss, J.Wanderer. L.; N.Y., 2010. P. 297–365.

2011–2014

Platforms, Patchworks, and Parking Garages: Wilson's Account of Conceptual Structure in "Wandering Significance" // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2011. Vol 82. № 1. P. 183–201.

Global Anti-Representationalism? // *Expressivism, Pragmatism and Representationalism* / Ed. by H.Price et al. Cambridge, 2013. P. 85–111.

An Arc of Thought: From Rorty's Eliminative Materialism to His Pragmatism // *Richard Rorty: From Pragmatist Philosophy to Cultural Politics* / Ed. by A.Gröschner, C.Koopman, M.Sandbothe. Bloomsbury, 2013. P. 23–30.

Some Post-Davidsonian Elements of Hegel's Theory of Agency // *Sinnkritisches Philosophieren* / Ed. by S.Rödl, H.Tegtmeier. Berlin, 2013. P. 63–82.

A Hegelian Model of Legal Concept Determination: The Normative Fine Structure of the Judges' Chain Novel // *Pragmatism, Law, and Language* / Ed. by G.Hubbs, D.Lind. N.Y.; L., 2014. P. 19–38.

Inferential Man (An interview) // *Symplokē*. 2014. Vol. 21. № 1–2. P. 367–391.

Some Hegelian Ideas of Note for Contemporary Analytic Philosophy // *Hegel Bulletin*. 2014. Vol. 35. № 1. P. 1–15.

From Autonomy to Recognition // *Recognition – German Idealism as an Ongoing Challenge* / Ed. by C.Krijnen. Leiden, 2014. P. 53–66.

Избранная библиография работ о Р.Брэндоме (на английском языке)

Книги, сборники статей и выпуски периодических изданий

Making It Explicit by Robert Brandom. Book Symposium // Philosophy and Phenomenological Research. 1997. Vol. 57. № 1.

The Pragmatics of *Making It Explicit* / Ed. by P.Stekeler-Weithofer // Pragmatics and Cognition. 2005. Vol. 13. № 1.

Robert Brandom and the History of Philosophy / Ed. by R.E.Eason, E.Mendieta // Philosophy and Social Criticism. 2007. Vol. 33. № 1.

Robert Brandom: Analytic Pragmatist / Ed. by B.Prien, D.P.Schweikard. Frankfurt a/Main, 2008.

On Between Saying and Doing. Robert Brandom's John Locke Lectures Comments and Responses / Ed. by E.Minar // Philosophical Topics. 2008. Vol. 36. № 2.

Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom's Recent Philosophy of Language / Ed. by C.Amoretti, C.Penco, F.Pitto. Genoa, 2009.

The Rules of Inference: Inferentialism in Law and Philosophy / Ed. by D.Canale, G.Tuzet. Milan, 2009.

Reading Brandom / Ed. by B.Weiss, J.Wanderer. L.; N.Y., 2010.

Analytic Pragmatism: On the Philosophy of Robert Brandom / Ed. by A.Kasher // Philosophia. 2012. Vol. 40. № 1.

Barber M. The Intentional Spectrum and Intersubjectivity: Phenomenology and the Pittsburgh Neo-Hegelians. Athens, 2011.

Maher Ch. The Pittsburgh School of Philosophy: Sellars, McDowell, Brandom. N.Y., 2012.

Wanderer J. Robert Brandom. Durham, 2008.

Статьи

Agler D.W. Robert Brandom's "Perspectives on Pragmatism: Classical, Recent, and Contemporary" (Review) // Tradition and Discovery: The Polanyi Society Periodical. 2011/2012. Vol. 38. № 3. P. 69–71.

Ambrus G. Inferentialism and the Content of Perception // *Verstehen nach Heidegger und Brandom* / Ed. by B.Merker. Hamburg, 2009. P. 233–246.

Andjelković M. Robert Brandom's "Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism" (Review) // Philosophical Books. 2004. Vol. 45. № 2. P. 140–148.

Andrade-Lotero E., Dutilh-Novaes C. A Reconstruction of the Hierarchical Relations Between Incompatibility-Entailment, Committive, and Permissive Consequences // Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom's Recent Philosophy of Language / Ed. by C.Amoretti, C.Penco, F.Pitto. Genoa, 2009. P. 90–98.

Andrade-Lotero E., Novaes C.D. A Contentious Trinity: Levels of Entailment in Brandom's Pragmatist Inferentialism // *Philosophia*. 2012. Vol. 40. № 1. P. 41–53.

Appiah A. An Argument Against Anti-Realist Semantics // *Mind*. 1984. Vol. 93. № 372. P. 559–565.

Bacon M. Pragmatism: An Introduction. Cambridge, 2012. P. 171–184.

Baghramian M. Three Pragmatisms: Putnam, Rorty, and Brandom // Following Putnam's Trail: On Realism and Other Issues / Ed. by M.Monroy, C.Silva and C.Vidal. Amsterdam; N.Y., 2008. P. 83–101.

Bakhurst D. Brandom's Inferentialism // *Bakhurst D.* The Formation of Reason. Malden, 2011. P. 105–109. Русский перевод: *Бэксхёрст Д.* Формирование разума / Пер. Е.Труфановой. М., 2014. С. 227–236.

Barber M. Radical Reflection: Brandom and McDowell on Perception // *Modern Schoolman*. 2007. Vol. 84. № 2-3. P. 245–265.

Barber M. Epistemic and Ethical Intersubjectivity in Brandom and Levinas // *Levinas Studies: An Annual Review* / Ed. by J.Bloechl. Pittsburgh, 2008. P. 35–60.

Bavaresco A. On “Articulating Reasons” of Robert Brandom and His Hegelian Methodology // *International Journal of Humanities and Social Science*. 2012. Vol. 2. № 19. P. 74–86.

Båve A. Why Is a Truth-Predicate Like a Pronoun? // *Philosophical Studies*. 2009. Vol. 145. № 2. P. 297–310.

Baynes K. “Gadamerian Platitudes” and Rational Interpretations // *Philosophy and Social Criticism*. 2007. Vol. 33. № 1. P. 67–82.

Beebe J. Attributive Use of Prosentences // *Ratio*. 2003. Vol. 16. P. 1–15.

Beisecker D. Normative Functionalism and its Pragmatist Roots // *Social Epistemology Review and Reply Collective*. 2012. Vol. 2. № 1. P. 109–116.

Belnap N. Declaratives Are Not Enough // *Philosophical Studies*. 1990. Vol. 59. № 1. P. 1–30.

Bermudez J.L. Two Arguments for the Language-Dependence of Thought // *Grazer Philosophische Studien*. 2010. Vol. 81. № 1. P. 37–54.

Bernstein R. The Pragmatic Turn. Cambridge, 2010. P. 119–123.

Blackburn S. The Steps from Doing to Saying // *Proceedings of the Aristotelian Society*. 2010. Vol. 110. № 1. P. 1–13.

Bransen J. Normativity as the Key to Objectivity: An Exploration of Robert Brandom's “Articulating Reasons” // *Inquiry*. 2002. Vol. 45. № 3. P. 373–392.

Briscoe R. Communication and Rational Responsiveness to the World // Pacific Philosophical Quarterly. 2007. Vol. 88. № 2. P. 135–159.

Brown J. Assertion and Practical Reasoning: Common or Divergent Epistemic Standards? // Philosophy and Phenomenological Research. 2012. Vol. 84. № 1. P. 123–157.

Burstein M. Prodigal Epistemology: Coherence, Holism, and the Sellarian Tradition // The Self-Correcting Enterprise: Essays on Wilfrid Sellars / Ed. by M. Wolf, M. Lance. Amsterdam; N.Y., 2006. P. 197–216.

Callegaro F. Having Social Practices in Mind. Wittgenstein's Anthropological Pragmatism in Perspective // European Journal of Pragmatism and American Philosophy. 2012. Vol. 4. № 2. P. 158–173.

Canale D., Tuzet G. The A Simili Argument: An Inferentialist Setting // Ratio Juris. 2009. Vol. 22. № 4. P. 499–509.

Child W. Robert Brandom's "Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism" (Review) // Mind. 2001. Vol. 110. № 439. P. 721–725.

Christensen C.B. What are the Categories in "Sein und Zeit"? Brandom on Heidegger on *Zuhandenheit* // European Journal of Philosophy. 2007. Vol. 15. № 2. P. 159–185.

Clausen A. How Can Conceptual Content Be Social and Normative, and at the Same Time, Be Objective? Frankfurt a/Main, 2004. P. 79–107, 165–254.

Coates P., deVries W. Brandom's Two-Ply Error // Empiricism, Perceptual Knowledge, Normativity and Realism: Essays on Wilfrid Sellars / Ed. by W. deVries. N.Y., 2009. P. 131–145.

Cogburn J. Critical Notice of Robert Brandom's "Between Saying and Doing: Towards an Analytic Pragmatism" // Philosophical Books. 2010. Vol. 51. № 3. P. 160–174.

Cogburn J. Robert Brandom's "Reason in Philosophy: Animating Ideas" (Review) // Journal of Value Inquiry. 2011. Vol. 45. № 4. P. 465–476.

Cogburn J., Megil J. Are Turing Machines Platonists? Inferentialism and the Computational Theory of Mind // Minds and Machines. 2010. Vol. 20. № 3. P. 423–439.

Collin J.H. Semantic Inferentialism and the Evolutionary Argument against Naturalism // Philosophy Compass. 2013. Vol. 8. № 9. P. 846–856.

Collins A.W. Reply to Commentators // Philosophy and Phenomenological Research. 1994. Vol. 54. № 4. P. 939–942.

Crawford D. Pragmatism, Internalism and the Authority of Claims // Pacific Philosophical Quarterly. 1997. Vol. 78. № 1. P. 63–77.

Crowell S. Phenomenological Immanence, Normativity, and Semantic Externalism // Synthese. 2008. Vol. 160. № 3. P. 335–354.

Curren R. Inferentialism Goes to School // Philosophy of Education Yearbook–2007 / Ed. by B.S. Stengel. Urbana, 2007. P. 125–127.

Demeter T. Where Rationality Is // Verstehen nach Heidegger und Brandom. P. 247–262.

DeMoor M.J. Brandom and Hegel on Objectivity, Subjectivity and Sociality: A Tune Beyond Us, Yet Ourselves. URL.: <http://dare.uvu.vu.nl/bitstream/handle/1871/19810/dissertation.pdf?sequence=1>

DeVries W. Brandom and the Spirit of Hegel // Robert Brandoms Expressive Vernunft: Historische und Systematische Untersuchungen / Ed. by C.Barth, H.Sturm. Paderborn, 2011. P. 139–176.

De Pinedo M., Bensusan H. Brandom on Thought and Reality: Showing Receptivity the Way out of the Bottleneck // Teorema. 2007. Vol. 26. № 1. P. 21–36.

Dennett D. The Evolution of “Why?” // Reading Brandom. P. 48–62.

Derry J. Abstract Rationality in Education: From Vygotsky to Brandom // Studies in Philosophy and Education. 2008. Vol. 27. № 1. P. 49–62.

Derry J. Can Inferentialism Contribute to Social Epistemology? // Education and the Growth of Knowledge: Perspectives from Social and Virtue Epistemology / Ed. by B.Kotzee. Malden, 2013. P. 76–91.

Dharamsi K. The Logic of Objectivity: Reflections on the Priority of Inference // Philosophy of Education Yearbook–2007. P. 116–124.

Dummett M. Should Semantics be Deflated? // Reading Brandom. P. 213–226.

Dowell J.L. Making It Totally Explicit // Philosophical Papers. 2006. Vol. 35. № 2. P. 137–170.

Dwyer P. Robert Brandom’s “Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality” (Review) // Dialogue: Canadian Philosophical Review. 2006. Vol. 45. № 2. P. 406–407.

Eason R.E. Robert Brandom and the History of Philosophy: On the Advantages and Disadvantages of History for Pragmatic Inferentialism // Philosophy and Social Criticism. 2007. Vol. 33. № 1. P. 7–14.

Engel P. Wherein Lies the Normative Dimension in Meaning and Mental Content? // Philosophical Studies. 2000. Vol. 100. № 3. P. 312–317.

Engel P. The Norms of Thought: Are They Social? // Mind and Society. 2001. Vol. 2. № 3. P. 129–148.

Erman E., Möller N. Debate: Brandom and Political Philosophy // Journal of Political Philosophy. 2014. Vol. 22. № 4. P. 486–498.

Esfeld M. Robert Brandom’s “Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment” (Review) // Erkenntnis. 1999. Vol. 51. № 2-3. P. 333–346.

Esfeld M. How a Social Theory of Meaning Can Be Connected with Realism // Facta Philosophica. 2001. Vol. 4. P. 111–131.

Esfeld M. Holism in Philosophy of Mind and Philosophy of Physics. Dordrecht, 2001. P. 46–67, 127–149.

Esfeld M. The Purpose of a Normative Account of the Content of our Beliefs // *Belief and Meaning: Essays at the Interface* / Ed. by W.Hinzen, H.Rott. Frankfurt, 2002. P. 183–198.

Falkenroth J.E., Karakus A., Schweikard D.P. Comparing Brandom's Critical Reading and Hegel's Systematic Enterprise // *Robert Brandom: Analytic Pragmatist* / Ed. by B.Prien, D.P.Schweikard. Frankfurt a/Main, 2008. P. 101–113.

Ferrarin A. What Must We Recognize? Brandom's Kant and Hegel // *Verifiche*. 2012. Vol. 41. № 1–3. P. 203–219.

Ficara E. Pragmatism and Metaphysics in Brandom's "Between Saying and Doing" // *Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom's Recent Philosophy of Language*. P. 172–176.

Fodor J., Lepore E. Brandom's Burdens: Compositionality and Inferentialism // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2001. Vol. 63. № 2. P. 465–481.

Fodor J., Lepore E. Brandom Beleaguered // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2007. Vol. 74. № 3. P. 677–691.

Forrai G. Brandom on Two Problems of Conceptual Role Semantics // *Verstehen nach Heidegger und Brandom*. P. 211–231.

Fossen T. Politicizing Brandom's Pragmatism: Normativity and the Agonal Character of Social Practice // *European Journal of Philosophy*. 2012. Vol. 20. № 4. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1468-0378.2011.00504.x/abstrac>

Fossen T. Taking Stances, Contesting Commitments: Political Legitimacy and the Pragmatic Turn // *Journal of Political Philosophy*. 2013. Vol. 21. № 4. P. 426–450.

Fultner B. Intersubjectivity in the Space of Reasons // *Philosophy and Social Criticism*. 2001. Vol. 27. № 1. P. 107–114.

Fultner B. Inferentialism and Communicative Action: Robust Conceptions of Intersubjectivity // *Philosophical Studies*. 2002. Vol. 108. № 1–2. P. 121–131.

Gibbard A. Thought, Norms, and Discursive Practice // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1996. Vol. 56. № 3. P. 699–717.

Gimmler A. Pragmatic Aspects of Hegel's Thought // *The Pragmatic Turn in Philosophy: Contemporary Engagements between Analytic and Continental Thought* / Ed. by W.Egginton, M.Sandboyhe. N.Y., 2004. P. 47–66.

Giovagnoli R. On Normative Pragmatics: A Comparison between Brandom and Habermas // *Teorema*. 2001. Vol. 20. № 3. P. 51–68.

Giovagnoli R. Brandom and the "Logicist's Dilemma" // *Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom's Recent Philosophy of Language*. P. 200–208.

- Giovagnoli R.* On Brandom's "Logical Functionalism" // *The Reasoner*. 2010. Vol. 4. № 3. URL: <http://www.thereasoner.org/>
- Giovagnoli R.* Computational Ontology and Deontology // *Philosophy and Theory of Artificial Intelligence* / Ed. by V.Müller. Berlin, 2013. P. 179–186.
- Göcke B., Pleitz M., von Wulfen H.* How to Kripke Brandom's Notion of Necessity // *Robert Brandom: Analytic Pragmatist*. P. 135–148.
- Graham P.J.* Brandom on Singular Terms // *Philosophical Studies*. 1999. Vol. 93. № 3. P. 247–264.
- Grönert P.* Robert Brandom's "Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism" (Review) // *Philosophical Investigations*. 2002. Vol. 25. № 4. P. 371–376.
- Grönert P.* Brandom's Solution of the Objectivity Problem // *Pragmatics and Cognition*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 161–175.
- Gross S.* Robert Brandom's "Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism" (Review) // *Philosophical Review*. 2002. Vol. 111. № 2. P. 284–287.
- Habermas J.* From Kant to Hegel: On Robert Brandom's Pragmatic Philosophy of Language // *European Journal of Philosophy*. 2000. Vol. 8. № 3. P. 322–355.
- Habermas J.* Truth and Justification. Cambridge, 2003. P. 127–130.
- Habermas J.* Between Naturalism and Religion: Philosophical Essays. Cambridge, 2008. P. 72–75.
- Halbig C.* Robert Brandom's "Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment" (Review) // *Zeitschrift für Philosophische Forschung*. 1997. Vol. 51. № 1. P. 153–157.
- Hale B., Wright C.* Assertibilist Truth and Objective Content: Still Inexplicit? // *Reading Brandom*. P. 276–293.
- Hanzel I.* Hegel's Science of Logic vs. Carnap's Logic of Science: On the Conflict Between the Analytic and Dialectical Tradition in Philosophy // *Pragmatism and Values* / Ed. by J.Ryder, E.Višňovský. Amsterdam; N.Y., 2004. P. 189–201.
- Harrelson K.J.* Inferentialist Philosophy of Language and the Historiography of Philosophy // *British Journal for the History of Philosophy*. 2014. Vol. 22. № 3. P. 582–603.
- Hattiangadi A.* Making It Implicit: Brandom on Rule-Following // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2003. Vol. 66. № 2. P. 419–431.
- Hattiangadi A.* Is Meaning Normative? // *Mind and Language*. 2006. Vol. 21. № 2. P. 220–240.
- Haugeland J.* Having Thought: Essays in the Metaphysics of Mind. Cambridge; L., 1998. P. 305–361.
- Haugeland J.* Reading Brandom Reading Heidegger // *European Journal of Philosophy*. 2005. Vol. 13. № 3. P. 421–428.

Heath J. Following the Rules: Practical Reasoning and Deontic Constraint. N.Y., 2008. P. 111–115, 157–160.

Heath J. Bandom on the Sources of Normativity. URL: [http://homes.chass.utoronto.ca/~jheath/Brandom\(ev\).pdf](http://homes.chass.utoronto.ca/~jheath/Brandom(ev).pdf)

Hendley S. From the Second to the Third Person and Back Again: Habermas and Bandom on Discursive Practice // *Journal of Philosophical Research*. 2005. Vol. 30. P. 169–188.

Hendley S. Answerable to the World: Experience and Practical Intentionality in Bandom’s and McDowell’s “Intramural” Debate // *Theoria*. 2010. Vol. 76. № 2. P. 129–151.

Hickman L.A. Some Strange Things They Say About Pragmatism: Robert Bandom on the Pragmatists’ Semantic “Mistake” // *Cognitio*. 2007. Vol. 8. № 1. P. 105–113.

Hinzen W. The Pragmatics of Inferential Content // *Synthese*. 2001. Vol. 128. № 1–2. P. 157–181.

Hookway C. Robert Bandom’s “Between Saying and Doing: Towards an Analytic Pragmatism” (Review) // *Analysis*. 2009. Vol. 69. № 3. P. 568–570.

Houlgate S. Hegel and Bandom on Norms, Concepts and Logical Categories // *German Idealism: Contemporary Perspectives* / Ed. by E.Hammer. L.; N.Y., 2007. P. 137–152.

Houlgate S. Phenomenology and *De Re* Interpretation: A Critique of Bandom’s Reading of Hegel // *International Journal of Philosophical Studies*. 2009. Vol. 17. № 1. P. 29–47.

Ikäheimo H. Recognition as Instrumentalisation of the Other // *Recognition and Social Ontology* / Ed. by H.Ikäheimo, A.Laitinen. Leiden, 2011. P. 169–171.

Jansen L., Strobach N. The So-Called Materially Valid Inferences and the Logic of Concepts // *Foundations of the Formal Sciences II: Applications of Mathematical Logic in Philosophy and Linguistics* / Ed. by B.Löwe, W.Malz Korn, T.Räsch. Dordrecht, 2003. P. 113–118.

Kambartel F. Meaning, Justification, and Truth // **Pragmatics and Cognition**. 2005. Vol. 13. № 1. P. 109–119.

Keeler M. Using Bandom’s Framework to Do Peirce’s Normative Science: Pragmatism as the Game of Harmonizing Assertions? // *Lecture Notes in Computer Science*. 2004. Vol. 3127. P. 242–260.

Kibble R. Speech Acts, Commitment and Multi-Agent Communication // *Computational and Mathematical Organization Theory*. 2006. Vol. 12. № 2–3. P. 127–145.

Kiblinger W. C. S. Peirce and Stuart Kauffman. Evolution and Subjectivity // *Zygon*. 2007. Vol. 42. № 1. P. 193–202.

Kiesselbach M. Constructing Commitment: Bandom’s Pragmatist Take on Rule-Following // *Philosophical Investigations*. 2012. Vol. 35. № 2. P. 101–126.

Kirk R. Robert Brandom's "Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment" (Review) // *Philosophical Quarterly*. 1996. Vol. 46. № 183. P. 238–241.

Klatt M. Making the Law Explicit: The Normativity of Legal Argumentation. Oxford, 2008. P. 115–140, 183–207.

Kleemeier U., Weidemann C. Brandom and Frege // *Robert Brandom: Analytic Pragmatist*. P. 115–123.

Knell S. A Deflationist Theory of Intentionality? Brandom's Analysis of *de re* Specifying Attitude-Ascriptions // *Pragmatics and Cognition*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 73–90.

Kraut R. Universals, Metaphysical Explanations and Pragmatism // *Journal of Philosophy*. 2010. Vol. 107. № 11. P. 590–609.

Kremer M. Representation or Inference: Must We Choose? Should We? // *Reading Brandom*. P. 227–246.

Kroon F. Robert Brandom's "Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment" (Review) // *Australasian Journal of Philosophy*. 1996. Vol. 74. P. 511–513.

Kukla R., Lance M. 'Yo!' and 'Lo!': The Pragmatic Topography of the Space of Reasons. Cambridge, 2009. P. 1–12, 60–65, 153–177.

Kukla R., Lance M. Perception, Language, and the First Person // *Reading Brandom*. P. 115–128.

Kuklick B. Robert Brandom's "Between Saying and Doing: Toward an Analytic Pragmatism" (Review) // *Review of Metaphysics*. 2010. Vol. 64. № 1. P. 131–133.

Kulp C.B. Robert Brandom's "Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism" (Review) // *Review of Metaphysics*. 2002. Vol. 55. № 4. P. 847–848.

Kurbis N. Can Negation be Defined in Terms of Incompatibility? // *Mind*. 2000. Vol. 109. P. 781–823.

Kusch M. A Sceptical Guide to Meaning and Rules: Defending Kripke's Wittgenstein. Chesham, 2006. P. 195–201.

Lafont C. Is Objectivity Perspectival? Reflections on Brandom's and Habermas's Pragmatist Conception of Objectivity // *Habermas and Pragmatism* / Ed. by M.Abouafia, M.O.Bookman, C.Kemp. L., 2002. P. 185–209.

Lafont C. Meaning and Interpretation: Can Brandomian Scorekeepers be Gadamerian Hermeneuts? // *Philosophy Compass*. 2007. Vol. 2. P. 1–13.

Laitinen A. Robert Brandom's "Reason in Philosophy: Animating Ideas" (Review) // *Metapsychology*. 2010. Vol. 14. № 29. URL: http://metapsychology.mentalhelp.net/poc/view_doc.php?type=book&id=5652

Lance M. Reference without Causation // *Philosophical Studies*. 1984. Vol. 45. № 3. P. 342–351.

Lance M. The Significance of Anaphoric Theories of Truth and Reference // *Philosophical Issues*. 1997. Vol. 8 (Truth). P. 181–198.

Lance M. Some Reflections on the Sport of Language // *Noûs*. 1998. Vol. 32 (Language, Mind and Ontology). P. 219–240.

Lance M. The Logical Structure of Linguistic Commitment III: Brandomian Scorekeeping and Incompatibility // *Journal of Philosophical Logic*. 2001. Vol. 30. № 5. P. 439–464.

Lance M. Placing in a Space of Norms: Neo-Sellarsian Philosophy in the Twenty-first Century // *The Oxford Handbook of American Philosophy* / Ed. by C. Misak. N.Y., 2008. P. 403–429.

Lance M., Kremer P. The Logical Structure of Linguistic Commitment I: Four Systems of Non-Relevant Commitment Entailment // *Journal of Philosophical Logic*. 1994. Vol. 23. № 4. P. 369–400.

Lance M., Kremer P. The Logical Structure of Linguistic Commitment II: Systems of Relevant Commitment Entailment // *Journal of Philosophical Logic*. 1996. Vol. 25. № 4. P. 425–449.

Lauer D. Genuine Normativity, Expressive Bootstrapping, and Normative Phenomenalism // *Ethics and Politics*. 2009. Vol. 11. № 1. P. 321–350.

Lauer D. The Status of Intentional Vocabulary in Discursive Practice: Reading “Making It Explicit” in the Light of “Between Saying and Doing” // *Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom’s Recent Philosophy of Language*. P. 23–31.

Lauer D. Expressivism and the Layer Cake Picture of Discursive Practice // *Philosophia*. 2012. Vol. 40. № 1. P. 55–73.

Laurentiis A. de. Not Hegel’s Tales: Applied Concepts, Negotiated Truths and the Reciprocity of Un-Equals in Conceptual Pragmatism // *Philosophy and Social Criticism*. 2007. Vol. 33. № 1. P. 83–98.

Laurier D. Between Phenomenalism and Objectivism: An Examination of R. Brandom’s Account of the Objectivity of Discursive Deontic Statuses // *Journal of Philosophical Research*. 2005. Vol. 30. P. 189–214.

Laurier D. Pragmatics, Pittsburgh Style // *Pragmatics and Cognition*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 141–160.

Laurier D. Making “Reasons” Explicit: How Normative is Brandom’s Inferentialism? // *Abstracta*. 2009. Vol. 5. № 2. P. 79–99.

Lee B.D. A Pragmatic Phenomenalist Account of Knowledge // *Dialogue: Canadian Philosophical Review*. 2008. Vol. 47. № 3–4. P. 565–582.

Legg C. Making It Explicit and Clear: From “Strong” to “Hyper-” Inferentialism in Brandom and Peirce // *Metaphilosophy*. 2008. Vol. 39. № 1. P. 105–123.

Lepore E., Fodor J. Reply to Critics // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1993. Vol. 53. № 3. P. 678–679.

Levi I. Robert Brandom's "Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment" (Review) // *Journal of Philosophy*. 1996. Vol. 93. № 3. P. 145–158.

Levine S. Expressivism and I-Beliefs in Brandom's "Making It Explicit" // *International Journal of Philosophical Studies*. 2009. Vol. 17. № 1. P. 95–114.

Levine S. Rehabilitating Objectivity: Rorty, Brandom, and the New Pragmatism // *Canadian Journal of Philosophy*. 2010. Vol. 40. № 4. P. 567–589.

Levine S. Brandom's Pragmatism // *Transactions of the Charles S. Peirce Society*. 2012. Vol. 48. № 2. P. 125–140.

Levine S. Norms and Habits: Brandom on the Sociality of Action // *European Journal of Philosophy*. 2012. URL: http://www.academia.edu/3409273/Norms_and_Habits_Brandom_on_the_Sociality_of_Action

Loeffler R. Normative Phenomenalism // *European Journal of Philosophy*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 32–69.

Loeffler R. Neo-Pragmatist (Practice-Based) Theories of Meaning // *Philosophy Compass*. 2009. Vol. 4. № 1. P. 197–218.

Loeffler R. Belief Ascriptions and Social Externalism // *Philosophical Studies*. 2014. Vol. 168. № 1. P. 211–239.

Loht S. Robert Brandom's "Reason in Philosophy: Animating Ideas" (Review) // *Review of Metaphysics*. 2010. Vol. 63. № 4. P. 909–911.

Löwenstein D. Davidsonian Semantics and Anaphoric Deflationism // *Dialectica*. 2012. Vol. 66. № 1. P. 23–44.

Lumsden S. The Rise of the Non-Metaphysical Hegel // *Philosophy Compass*. 2008. Vol. 3. № 1. P. 51–65.

Macbeth D. Brandom on Inference and the Expressive Role of Logic // *Philosophical Issues*. 1997. Vol. 8 (Truth). P. 169–179.

Macbeth D. Inferentialism and Holistic Role Abstraction in the Telling of Tales // *European Journal of Philosophy*. 2005. Vol. 13. № 3. P. 409–420.

Macbeth D. Meaning, Use, and Diagrams // *Ethics and Politics*. 2009. Vol. 11. № 1. P. 369–384.

Macbeth D. Inference, Meaning, and Truth in Brandom, Sellars, and Frege // *Reading Brandom*. P. 197–212.

Macbeth D. Varieties of Analytic Pragmatism // *Philosophia*. 2012. Vol. 40. № 1. P. 27–39.

MacFarlane J. Brandom's Demarcation of Logic // *Philosophical Topics*. 2008. Vol. 36. № 2. P. 55–62.

MacFarlane J. Pragmatism and Inferentialism // *Reading Brandom*. P. 81–95.

MacFarlane J. What Is Assertion? // *Assertion: New Philosophical Essays* / Ed. by J. Brown, H. Cappelen. Oxford, 2011. P. 79–96.

MacFarlane J. Comments on Brandom's "Elaborating Abilities: The Expressive Role of Logic". URL: <http://johnmacfarlane.net/on-brandom-lecture-two.pdf>

Maher Ch. Normative Functionalism // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2012. Vol. 2. № 1. P. 13–15.

Makinson D. “The Logic of Inconsistency” by Nicholas Rescher and Robert Brandom (Review) // Journal of Symbolic Logic. 1982. Vol. 47. № 1. P. 233–236.

Marchettoni L. Meaning, Dispositions and Supervenience // Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom’s Recent Philosophy of Language. P. 100–111.

Marchettoni L. Inferentialism, Culture and Public Deliberation // Philosophy and Social Criticism. 2014. Vol. 40. № 1. P. 25–42.

Margolis J. Present Doldrums, Pleasant Prospects: Philosophy Early in the New Century // Philosophy and Social Criticism. 2007. Vol. 33. № 1. P. 15–34.

Margolis J. A “Pragmatist” among Disputed Pragmatists: Robert Brandom’s “Between Saying and Doing: Towards an Analytic Pragmatism” // Contemporary Pragmatism. 2009. Vol. 6. № 1. P. 183–195.

Margolis J. A Philosophical Bestiary // European Journal of Pragmatism and American Philosophy. 2012. Vol. 4. № 2. P. 128–145.

Margolis J. The Regress Argument in Kant, Wittgenstein, and the Pittsburgh “Pragmatists” // Washington University Jurisprudence Review. 2013. Vol. 6. № 1. P. 121–146.

Margolis J. Beyond Brandom’s Pragmatism. URL: <http://www.nordprag.org/papers/epc1/Margolis.pdf>

Marion M. Game Semantics and the Manifestation Thesis // The Realism-Antirealism Debate in the Age of Alternative Logics / Ed. by S.Rahman, G.Primiero, M.Marion. Dordrecht, 2012. P. 141–168.

Marshall D.L. The Implications of Robert Brandom’s Inferentialism for Intellectual History // History and Theory. 2013. Vol. 52. № 1. P. 1–31.

Martin W. Robert Brandom’s “Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality” (Review) // Philosophical Review. 2006. Vol. 115. № 3. P. 395–398.

McCullagh M. Do Inferential Roles Compose? // Dialectica. 2003. Vol. 57. № 4. P. 431–438.

McCullagh M. Inferentialism and Singular Reference // Canadian Journal of Philosophy. 2005. Vol. 35. № 2. P. 183–220.

McDowell J. Reply to Gibson, Byrne, and Brandom // Philosophical Issues. 1996. Vol. 7 (Perception). P. 290–300.

McDowell J. Brandom on Representation and Inference // Philosophy and Phenomenological Research. 1997. Vol. 57. № 1. P. 157–162.

McDowell J. Comment on Robert Brandom’s “Some Pragmatist Themes in Hegel’s Idealism” // European Journal of Philosophy. 1999. Vol. 7. № 2. P. 190–193.

McDowell J. Experiencing the World // Reason and Nature / Ed. by M. Willaschek. Münster, 2000. P. 14–17.

McDowell J. How Not to Read *Philosophical Investigations*: Brandom's Wittgenstein // Wittgenstein and the Future of Philosophy: A Reassessment after 50 Years. Ed. by R. Haller, K. Puhl. Vienna, 2002. P. 245–256.

McDowell J. Knowledge and the Internal Revisited // Philosophy and Phenomenological Research. 2002. Vol. 64. № 1. P. 97–105.

McDowell J. Response to Robert Brandom // Reading McDowell: On Mind and World / Ed. by N.H. Smith. L., 2002. P. 279–281.

McDowell J. Motivating Inferentialism: Comments on “Making It Explicit” (Ch. 2) // Pragmatics and Cognition. 2005. Vol. 13. № 1. P. 121–140.

McDowell J. The Engaged Intellect. Cambridge, 2009. P. 96–111, 279–307.

McDowell J. Brandom on Observation // Reading Brandom. P. 129–144.

McDowell J. Pragmatism and Intention-in-Action // New Perspectives on Pragmatism and Analytic Philosophy / Ed. by R. Calcaterra. Amsterdam, N.Y., 2011. P. 119–128.

McDowell J. Autonomy and Community. Some Remarks on the Second Movement of Brandom's Sonata. URL: <http://cas.uchicago.edu/workshops/germanphilosophy/files/2011/04/Autonomy-and-Community.pdf>

Mendelsohn J. Objects, Objectivity and Idealism: Robert Brandom's Analytic Hegelianism. URL: <http://hdl.handle.net/2123/7967>

Mendieta E. The Meaning of Being Is the Being of Meaning: On Heidegger's Social Pragmatism // Philosophy and Social Criticism. 2007. Vol. 33. № 1. P. 99–112.

Midtgarden T. Conflicting and Complementary Conceptions of Discursive Practice in Non-Metaphysical Interpretations of Hegel // Philosophy and Social Criticism. 2013. Vol. 39. № 6. P. 559–576.

Millikan R.G. The Father, the Son, and the Daughter: Sellars, Brandom, and Millikan // Pragmatics and Cognition. 2005. Vol. 13. № 1. P. 59–71.

Mortensen C. “The Logic of Inconsistency” by Nicholas Rescher and Robert Brandom (Review) // Philosophical Quarterly. 1981. Vol. 31. № 124. P. 275–277.

Musser J.D. Articulating Animals: Animals and Implicit Inferences in Brandom's Work // Between the Species. 2011. Vol. 14. № 1. P. 40–56.

Nesher D. Can Brandom Combine Two Wrong Theories of Truth into a Correct One? // *Nesher D.* On Truth and the Representation of Reality: A Collection of Inquiries from a Pragmatist Point of View. Lanham, 2002. P. 343–351.

Nickel B. Dynamics, Brandom-style // Philosophical Studies. 2013. Vol. 162. № 2. P. 333–354.

Nuzzo A. Life and Death in the History of Philosophy: Brandom's “Tales of the Mighty Dead” // Philosophy and Social Criticism. 2007. Vol. 33. № 1. P. 35–53.

O'Connor B. Hegel's Phenomenology and the Question of Semantic Pragmatism // *The Owl of Minerva* (Journal of the Hegel Society of America). 2007. Vol. 38. № 1–2. P. 129–145.

O'Connor B. German Idealism and Normativity // *International Journal of Philosophical Studies*. 2009. Vol. 17. № 1. P. 3–7.

Ocelák R. Expressive Completeness in Brandom's "Making It Explicit" // *Organon F*. 2014. Vol. 21. № 3. P. 327–337.

Okrent M. Robert Brandom's "Reason in Philosophy: Animating Ideas" (Review) // *Notre Dame Philosophical Reviews*. 2010. Vol. 1. URL: <http://ndpr.nd.edu/news/24267-reason-in-philosophy-animating-ideas/>

Oliver A. Pink Elephants // *London Review of Books*. 2000. Vol. 22. № 21. P. 35–36.

Olsen N.S. Reinterpreting Sellars in the Light of Brandom, McDowell, and A.D. Smith // *European Journal of Philosophy*. 2010. Vol. 18. № 4. P. 510–538.

O'Shea J. Prospects for a Stereoscopic Vision of Our Thinking Nature: On Sellars, Brandom, and Millikan // *Humana Mente: A Journal of Philosophical Studies*. 2012. Vol. 21. P. 149–171.

O'Shea J. Pragmatism and Scientific Naturalism: Some Forks in the Road. URL: http://www.ethik.uzh.ch/afe/mediathek/20110509-naturalism-test/03_oshea.pdf

Pardo M.S. The Field of Evidence and the Field of Knowledge // *Law and Philosophy*. 2005. Vol. 24. № 4. P. 351–359.

Peacocke C. *The Realm of Reason*. Oxford, 2004. P. 55–58.

Penco C. Keeping Track of Individuals: Brandom's Analysis of Kripke's Puzzle and the Content of Belief // *Pragmatics and Cognition*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 177–201.

Penco C. Robert Brandom's "Between Saying and Doing: Towards an Analytic Pragmatism" (Review) // *Theoria*. 2009. Vol. 75. № 4. P. 366–369.

Penco C. Assertion and Inference // *Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom's Recent Philosophy of Language*. P. 188–192.

Pendlebury M. Intentionality and Normativity // *South African Journal of Philosophy*. 1998. Vol. 17. № 2. P. 142–151.

Peregrin J. Reference and Inference: The Case of Anaphora // *Reference and Anaphoric Relations* / Ed. by H.K. von Heusinger, U.Egli. Dordrecht, 2000. P. 269–286.

Peregrin J. Robert Brandom's "Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism" (Review) // *Erkenntnis*. 2001. Vol. 55. № 1. P. 121–127.

Peregrin J. Robert Brandom's "Tales of the Mighty Dead" (Review) // *Erkenntnis*. 2003. Vol. 59. № 3. P. 421–424.

Peregrin J. The Nature of Meaning: Brandom versus Chomsky // *Pragmatics and Cognition*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 39–57.

Peregrin J. Brandom and Davidson: What Do We Need to Account for Thinking and Agency? // *Philosophica*. 2005. Vol. 75. P. 43–59.

Peregrin J. Inferentialism and the Compositionality of Meaning // *International Review of Pragmatics*. 2009. Vol. 1. № 1. P. 154–181.

Peregrin J. Inferentialism and the Normativity of Meaning // *Philosophia*. 2012. Vol. 40. № 1. P. 75–97.

Peregrin J. What Is Inferentialism? // *Inference, Consequence, and Meaning: Perspectives on Inferentialism* / Ed. by L.Gurova. Newcastle, 2012. P. 3–18.

Peregrin J. Inferentialism and Normativity // *The Oxford Handbook of the History of Analytic Philosophy* / Ed. by M.Beaney. Oxford, 2013. P. 1082–1096.

Picardi E. Was Frege a Proto-Inferentialist? // *Facets of Concepts* / Ed. by J.J.Acerto, P.Leonardi. Padova, 2005. P. 35–49.

Picardi E. Pragmatism as Anti-Representationalism? // *New Perspectives on Pragmatism and Analytic Philosophy*. P. 129–144.

Pihlström S. Brandom on Pragmatism // *Cognitio*. 2007. Vol. 8. № 2. P. 265–287.

Pinkard T. Was Pragmatism the Successor to Idealism? // *New Pragmatisms* / Ed. by C.Misak. Oxford, 2007. P. 163–166.

Pippin R. Brandom's Hegel // *European Journal of Philosophy*. 2005. Vol. 13. № 3. P. 381–408.

Pippin R. On Hegel's Claim that Self-Consciousness is "Desire Itself" // *Recognition and Social Ontology*. P. 68–83.

Piwiek P. Dialogue Structure and Logical Expressivism // *Synthese*. 2011. Vol. 183 (Supplement 1: Knowledge, Rationality and Action). P. 33–58.

Pohl M., Rosenhagen R., Weber A.M. Realist and Idealist Interpretations of Brandom's Account of Objectivity // *Robert Brandom: Analytic Pragmatist*. P. 89–100.

Porello D. Logic and Pragmatics: Linear Logic for Inferential Practice // *Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom's Recent Philosophy of Language*. P. 69–76.

Porello D. Incompatibility Semantics from Agreement // *Philosophia*. 2012. Vol. 40. № 1. P. 99–119.

Price H. Immodesty without Mirrors: Making Sense of Wittgenstein's Linguistic Pluralism // *Wittgenstein's Lasting Significance* / Ed. by M.Kölbl, B.Weiss. L.; N.Y., 2004. P. 195–197 (§ 8. Brandom on Platonism v. Pragmatism).

Price H. Will There Be Blood? Brandom, Hume, and the Genealogy of Modals // *Philosophical Topics*. 2008. Vol. 36. № 2. P. 87–97.

Price H. One Cheer for Representationalism? // *The Philosophy of Richard Rorty* / Ed. by R.E.Auxier, L.E.Hahn. La Salle, 2010. P. 269–289.

Price H. Expressivism for Two Voices // Pragmatism, Science and Naturalism / Ed. by J.Knowles, H.Rydenfelt. Zürich, 2011. P. 87–113.

Price H. Brandom as Counter-Revolutionary? // *Price H.* Naturalism without Mirrors. N.Y., 2011. P. 308–309.

Price H. Brandom on Anti-Representationalism // Expressivism, Pragmatism and Representationalism / Ed. by H.Price et al. Cambridge, 2013. P. 186–194.

Prien B. Between Normative and Modal Vocabulary: A First Encounter with Brandom's Locke Lectures // Robert Brandom: Analytic Pragmatist. P. 125–134.

Prien B. Brandom between Anthropology and Metaphysics // Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom's Recent Philosophy of Language. P. 160–166.

Prien B. Robert Brandom on Communication, Reference, and Objectivity // International Journal of Philosophical Studies. 2010. Vol. 18. № 3. P. 433–458.

Pris F.-I. The Mind-Body Problem and Brandom's Analytic Pragmatism // Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom's Recent Philosophy of Language. P. 146–151.

Pritzlaff T. Disagreement, Error and Two Senses of Incompatibility – The Relational Function of Discursive Updating // Philosophia. 2012. Vol. 40. № 1. P. 121–138.

Putnam H. Comment on Robert Brandom's Paper // Hilary Putnam. Pragmatism and Realism / Ed. by J.Conant, U.M.Žegleń. L.; N.Y., 2002. P. 59–65.

Ramberg B. Public Constructions and Private Reservations // Richard Rorty: From Pragmatist Philosophy to Cultural Politics / Ed. by A.Gröschner, C.Koopman, M.Sandbothe. Bloomsbury, 2013. P. 67–70.

Redding P. Analytic Philosophy and the Return of Hegelian Thought. Cambridge, 2007. P. 56–84.

Redding P. The Possibility of German Idealism after Analytic Philosophy: McDowell, Brandom and Beyond // Postanalytic and Metacontinental: Crossing Philosophical Divides / Ed. by J.Reynolds, J.Chase, J.Williams, E.Mares. L.; N.Y., 2010. P. 191–202.

Redding P. The Analytic Neo-Hegelianism of John McDowell and Robert Brandom // Blackwell Companion to Hegel / Ed. by S.Houlgate, M.Baur. Malden, 2011. P. 576–593.

Redding P. Hegel and Analytic Philosophy // Bloomsbury Companion to Hegel / Ed. by A.de Laurentiis, J.Edwards. L., 2013. P. 313–319.

Redding P. Pragmatism, Idealism and the Modal Menace: Rorty, Brandom and Truths about Photons // The European Legacy. 2014. Vol. 19. № 2. P. 174–186.

Redding P. Replies to Bob Brandom and Jim Kreines. URL: <http://paul-redding.net/pubs2009andearlier/Replies-to-Brandom-and-Kreines.pdf>

Rehg W. Perceptual Intentionality and Brandom's Pragmatics // *Modern Schoolman*. 2007. Vol. 84. № 2-3. P. 267–277.

Reider P. Normative Functionalism in the Pittsburgh School // *Social Epistemology Review and Reply Collective*. 2012. Vol. 2. № 1. P. 16–28.

Restall G. Assertion and Denial, Commitment and Entitlement, and Incompatibility (and Some Consequence) // *Studies in Logic*. 2008. Vol. 1. P. 26–36.

Riesenfeld D. Brandom and the Boy Who Cried Wolf // *Perspectives on Theory of Controversies and the Ethics of Communication* / Ed. by D. Riesenfeld, G. Scarafile. Dordrecht, 2013. P. 91–99.

Rödl S. Transcendental Deduction of Predicative Structure in Kant and Brandom // *Pragmatics and Cognition*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 91–107.

Rödl S. Normativity of Mind versus Philosophy as Explanation // *Reading Brandom*. P. 63–80.

Rockmore T. Analytic Philosophy and the Hegelian Turn // *Review of Metaphysics*. 2001. Vol. 55. № 2. P. 339–370.

Rockmore T. Brandom, Hegel and Inferentialism // *International Journal of Philosophical Studies*. 2002. Vol. 10. № 4. P. 429–447.

Rockmore T. On Classical and Neo-Analytic Forms of Pragmatism // *Metaphilosophy*. 2005. Vol. 36. № 3. P. 259–271.

Rockmore T. Hegel, Idealism, and Analytic Philosophy. New Haven, 2005. P. 105–138.

Rockmore T. On Reading Hegel // *Philosophy and Social Criticism*. 2007. Vol. 33. № 1. P. 55–66.

Rockmore T. Some Recent Analytic “Realist” Readings of Hegel // *Hegel and the Analytic Tradition* / Ed. by A. Nuzzo. L., 2010. P. 158–172.

Rockmore T. The Pittsburgh School, the Given and Knowledge // *Social Epistemology Review and Reply Collective*. 2012. Vol. 2. № 1. P. 29–38.

Rodriguez X.D., Bonilla J.Z. Scientific Controversies and the Ethics of Arguing and Belief in the Face of Rational Disagreement // *Argumentation*. 2014. Vol. 28. № 1. P. 39–65.

Rorty R. Representation, Social Practice, and Truth // *Philosophical Studies*. 1988. Vol. 54. № 2. P. 215–228.

Rorty R. What Do You Do When They Call You a ‘Relativist’? // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1997. Vol. 57. № 1. P. 173–177.

Rorty R. Robert Brandom on Social Practices and Representations // *Rorty R. Truth and Progress*. Cambridge, 1998. P. 122–137.

Rorty R. Response to Robert Brandom // *Rorty and His Critics* // Ed. by R. Brandom. Oxford, 2000. P. 183–190.

Rorty R. Cultural Politics and the Question of the Existence of God // Radical Interpretation in Religion / Ed. by N.Frankenberry. Cambridge, 2002. P. 53–77.

Rorty R. Some American Uses of Hegel // Das Interesse des Denkens: Hegel aus heutiger Sicht / Ed. by W.Welsch, K.Vieweg. München, 2003. P. 33–46.

Rorty R. The Brain as Hardware, Culture as Software // Richard Rorty: His Philosophy under Discussion / Ed. by A.Vieth. Frankfurt, 2005. P. 18–21. Русский перевод: Рорти Р. Мозг как компьютер, культура как программа / Пер. П.Куслия // Эпистемология и философия науки. 2005. № 2. С. 21–24.

Rorty R. Philosophy as Cultural Politics. Cambridge, 2007. P. 156–159, 178–183.

Rorty R. Reply to Huw Price // The Philosophy of Richard Rorty. P. 290–292.

Rosen G. Who Makes the Rules Around Here? // Philosophy and Phenomenological Research. 1997. Vol. 57. № 1. P. 163–171.

Rosen G. Brandom on Modality, Normativity and Intentionality // Philosophy and Phenomenological Research. 2001. Vol. 63. № 3. P. 611–623.

Rosenberg J.F. Brandom's *Making It Explicit*: A First Encounter // Philosophy and Phenomenological Research. 1997. Vol. 57. № 1. P. 179–187.

Rosenkranz S. Farewell to Objectivity: A Critique of Brandom // Philosophical Quarterly. 2001. Vol. 51. № 203. P. 232–237.

Rosenkranz S. Robert Brandom's "Articulating Reasons: An Introduction to Inferentialism" (Review) // Philosophical Quarterly. 2002. Vol. 52. № 206. P. 123–125.

Rouse J. Two Concepts of Practices // The Practice Turn in Contemporary Theory / Ed. by T.R.Schatzki, K.K.Cetina, E. von Savigny. L.; N.Y., 2001. P. 198–208.

Rouse J. How Scientific Practices Matter: Reclaiming Philosophical Naturalism. Chicago, 2002. P. 188–262.

Rumfitt I. Robert Brandom's "Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment" (Review) // Philosophical Review. 1997. Vol. 106. № 3. P. 437–441.

Santoro D., Penco C. New Perspectives on Analytic Pragmatism // Philosophia. 2012. Vol. 40. № 1. P. 1–11.

Scalambrino F. Tales of the Mighty Tautologists? // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2012. Vol. 2. № 1. P. 83–97.

Schaefer R. A Defence of AI-Functionalism Against Brandom's Arguments from Holism and the Frame Problem // Dialogue. 2011. Vol. 50. № 4. P. 741–750.

Scharp K. Communication and Content: Circumstances and Consequences of the Habermas-Brandom Debate // International Journal of Philosophical Studies. 2003. Vol. 11. № 1. P. 43–61.

Scharp K. Scorekeeping in a Defective Language Game // *Pragmatics and Cognition*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 203–226.

Scharp K. Truth and Expressive Completeness // *Reading Brandom*. P. 262–275.

Scharp K. Robert Brandom: Inference and Meaning // *Philosophical Profiles in the Theory of Communication* / Ed. by J.Hannon. N.Y., 2012. P. 99–126.

Schmoranzer S., Seide A. Brandom on Knowledge and Entitlement // *Robert Brandom: Analytic Pragmatist*. P. 47–57.

Shuppert F. Freedom, Recognition and Non-Domination: A Republican Theory of (Global) Justice. Dordrecht, 2014. P. 1–24.

Shapiro L. Brandom on the Normativity of Meaning // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2004. Vol. 68. № 1. P. 141–160.

Shapiro L. Robert Brandom's "Between Saying and Doing: Towards an Analytic Pragmatism" (Review) // *Australasian Journal of Philosophy*. 2010. Vol. 88. № 2. P. 367–371.

Shieh S. Robert Brandom's "Between Saying and Doing: Towards an Analytic Pragmatism" // *Notre Dame Philosophical Reviews*. 2009. April 24. URL: <http://ndpr.nd.edu/news/23991/?id=15886>

Sládeček M. Brandom, Wittgenstein and Intersubjectivity // *Filozofija i Društvo*. 2013. Vol. 24. № 4. P. 245–267.

Smith N. Expressivism in Brandom and Taylor // *Postanalytic and Metacontinental: Crossing Philosophical Divides*. P. 145–156.

Springs J.A. "Dismantling the Master's House": Freedom as Ethical Practice in Brandom and Foucault // *Journal of Religious Ethics*. 2009. Vol. 37. № 3. P. 419–448.

Stahl T. The Conditions of Collectivity: Joint Commitment and the Shared Norms of Membership // *Institutions, Emotions, and Group Agents: Contributions to Social Ontology* / Ed. by A.Konzelmann Ziv, H.B.Schmid. Dordrecht, 2014. P. 229–244.

Stănculescu C. Arguing from Social Status in Public Discourse // *Revista de Stiinte Politice*. 2012. № 35. P. 53–59.

Steiner P. Mind the Consequences of Inferentialism and Normativism: Conceptual Mental Episodes Ain't in the Head (At All) // *Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom's Recent Philosophy of Language*. P. 112–120.

Steiner P. The Delocalized Mind: Judgments, Vehicles, and Persons // *Phenomenology and the Cognitive Sciences*. 2014. Vol. 13. № 3. P. 437–460.

Stekeler-Weithofer P. Formal Truth and Objective Reference in an Inferentialist Setting // *Pragmatics and Cognition*. 2005. Vol. 13. № 1. P. 7–37.

Stekeler-Weithofer P. Intuition, Understanding, and the Human Form of Life // *Recognition and Social Ontology*. P. 85–96.

Stevenson L. Robert Brandom's "Tales of the Mighty Dead: Historical Essays in the Metaphysics of Intentionality" (Review) // *Philosophical Quarterly*. 2004. Vol. 54. № 217. P. 631–634.

Stjernberg F. Brandom's Five-Step Program for Modal Health // *Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom's Recent Philosophy of Language*. P. 18–22.

Stojanov K. Intersubjective Recognition and the Development of Propositional Thinking // *Journal of Philosophy of Education*. 2007. Vol. 41. № 1. P. 75–93.

Stout J. Radical Interpretation and Pragmatism: Davidson, Rorty, and Brandom on Truth // *Radical Interpretation in Religion* / Ed. by N. Frankenberry. Cambridge, 2002. P. 25–52.

Stout J. Democracy and Tradition. Princeton, 2004. P. 187–194, 209–213, 270–283. Русский перевод: *Стаут Дж.* Демократия и традиция / Пер. А.Георгиева, М.Рудакова. М., 2009. С. 259–268, 287–293, 366–383.

Stout J. On Our Interest in Getting Things Right: Pragmatism without Narcissism // *New Pragmatisits*. P. 7–31.

Stout R. Robert Brandom's "Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment" (Review) // *Mind*. 1997. Vol. 106. № 422. P. 341–345.

Stout R. Being Subject to the Rule To Do What the Rules Tell You To Do // *Reading Brandom*. P. 145–156.

Strijbos D., Bruin L. Toward an Analytic-Pragmatist Account of Folk Psychology? // *Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom's Recent Philosophy of Language*. P. 152–158.

Strijbos D., Bruin L. Making Folk Psychology Explicit: The Relevance of Robert Brandom's Philosophy for the Debate on Social Cognition // *Philosophia*. 2012. Vol. 40. № 1. P. 139–163.

Strydom P. Intersubjectivity – Interactionist or Discursive? Reflections on Habermas' Critique of Brandom // *Philosophy and Social Criticism*. 2006. Vol. 32. № 2. P. 155–172.

Swindal J. Can a Discursive Pragmatism Guarantee Objectivity? Habermas and Brandom on the Correctness of Norms // *Philosophy and Social Criticism*. 2007. Vol. 33. № 1. P. 113–126.

Swindal J. Norms and Causes: Loosing the Bonds of Deontic Constraint // *Social Epistemology Review and Reply Collective*. 2012. Vol. 2. № 1. P. 117–132.

Zubka T. Robert Brandom's "Making It Explicit: Reasoning, Representing, and Discursive Commitment" (Review) // *Review of Metaphysics*. 1995. Vol. 49. № 2. P. 401–403.

Zubka T. On the Very Idea of Brandom's Pragmatism // *Philosophia*. 2012. Vol. 40. № 1. P. 165–174.

- Szubka T.* Pragmatic Constraints of Meaning: An Inferentialist Approach // *Semiotica*. 2012. Vol. 188. № 1-4. P. 107–119.
- Tanney J.* Robert Brandom's "Reason in Philosophy: Animating Ideas" (Review) // *Analysis*. 2011. Vol. 71. № 3. P. 595–597.
- Taylor Ch.* Language Not Mysterious? // *Reading Brandom*. P. 32–47.
- Testa I.* Criticism and Normativity. Brandom and Habermas between Kant and Hegel // *The Rules of Inference: Inferentialism in Law and Philosophy* / Ed. by G. Tuzet, D. Canale. Milan, 2009. P. 29–44.
- Testa I.* Second Nature and Recognition: Hegel and the Social Space // *Critical Horizons*. 2009. Vol. 10. № 3. 2009. P. 341–370.
- Testa I.* Social Space and the Ontology of Recognition // *Recognition and Social Ontology*. P. 299–304.
- Testa I.* Reconstruction and Pragmatist Metaphysics. On Brandom's Understanding of Rationality // *Verifiche*. 2012. Vol. 41. № 1-3. P. 175–201.
- Tindale C.* Out of the Space of Reasons: Argumentation, Agents, and Persons // *Pragmatics and Cognition*. 2011. Vol. 19. № 3. P. 383–398.
- Tobosaru M.* Brandom's LX Theory of Logic and the Challenge of Autonomous Vocabularies without Subsentential Structure // *Romanian Journal of Analytic Philosophy*. 2013. Vol. 7. № 1. P. 60–77.
- Timberlin J.* Quantification: Objectual or Substitutional? // *Philosophical Issues*. 1997. Vol. 8 (Truth). P. 155–167.
- Ulrich R.* Brandom's Pragmatist Inferentialism and the Problem of Objectivity // *Philosophical Writings. The British Postgraduate Philosophy Conference – 2010*. URL: <http://philpapers.org/archive/REIBPI>
- Voparil C.J.* Rorty and Brandom: Pragmatism and the Ontological Priority of the Social // *Pragmatism Today*. 2011. Vol. 2. № 1. P. 133–143.
- Wanderer J.* Explicating as Distancing // *Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom's Recent Philosophy of Language*. P. 144–145.
- Wanderer J.* Brandom's Challenges // *Reading Brandom*. P. 96–114.
- Wanderer J.* Inhabiting the Space of Reasoning // *Analysis*. 2010. Vol. 70. № 2. P. 367–378.
- Weiss B.* Is Logic Demarcated by its Expressive Role? // *Towards an Analytic Pragmatism: Workshop on Bob Brandom's Recent Philosophy of Language*. P. 58–68.
- Weiss B.* What is Logic? // *Reading Brandom*. P. 247–261.
- Weiss B., Wanderer J.* Introduction // *Reading Brandom*. P. 1–11.
- White H.* Brandom on Practical Reason // *Philosophical Quarterly*. 2003. Vol. 53. № 213. P. 566–572.
- White H.* Robert Brandom's "Reason in Philosophy: Animating Ideas" (Review) // *Ethics*. 2010. Vol. 120. № 4. P. 836–841.
- Whiting D.* Between Primitivism and Naturalism: Brandom's Theory of Meaning // *Acta Analytica*. 2006. Vol. 21. № 3. P. 3–22.

Whiting D. Conservatives and Racists: Inferential Role Semantics and Pejoratives // *Philosophia*. 2008. Vol. 36. № 3. P. 381–384.

Whiting D. Between Old and New: Brandom's Analytic Pragmatism // *International Journal of Philosophical Studies*. 2009. Vol. 17. № 4. P. 597–607.

Whyte J.T. Success Again: Replies to Brandom and Godfrey-Smith // *Analysis*. 1997. Vol. 57. № 1. P. 84–88.

Williams M. Neo-Cartesians and Neo-Pragmatists // *Philosophical Studies*. 2004. Vol. 117. № 1–2. P. 107–113.

Williamson T. Robert Brandom's "Reason in Philosophy: Animating Ideas" (Review) // *Times Literary Supplement*. 2010. № 5579. P. 22–23.

Wilson M. Of Whales and Pendulums: A Reply to Brandom // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2011. Vol. 82. № 1. P. 202–211.

Wolf M. Rigid Designation and Anaphoric Theories of Reference // *Philosophical Studies*. 2006. Vol. 130. № 2. P. 351–375.

Wolf M. Rigid Designation and Natural Kind Terms, Pittsburgh Style // *Social Epistemology Review and Reply Collective*. 2012. Vol. 2. № 1. P. 133–142.

Wretzel J. Brandom and Gadamer on the Hermeneutical (Il)legitimacy of Rational Reconstruction // *International Journal of Philosophical Studies*. 2013. Vol. 21. № 5. P. 735–754.

Wretzel J. Despair and the Determinate Negation of Brandom's Hegel // *Continental Philosophy Review*. 2014. Vol. 47. № 2. P. 195–216.

Указатель имен*

Абулафия (Aboulafia M.) 54
Апель (Apel K.-O.) 14, 29
Асеев Ю. 43
Асеро (Asero J.J.) 22

Баграмян (Baghramian M.) 84
Барбер (Barber M.) 54
Бейнс (Baynes K.) 67
Белнап (Belnap N.) 27–28, 55–56
Белшоу (Belshaw C.) 44
Бёрдж (Burge T.) 59
Блауберг И. 36
Бриско (Briscoe R.) 69
Бувресс (Bouveresse J.) 14
Букман (Bookman M.) 54
Бэххёрст (Bakhurst D.) 68, 77

Вандерер (Wanderer J.) 15, 16, 33, 37, 65, 73–74
Васильев В. 7
Вдовина И. 36
Вебер (Weber A.M.) 47
Вейс (Weiss B.) 16, 65
Видал (Vidal C.) 84
Витгенштейн (Wittgenstein L.) 8, 17–19, 22, 25, 43, 65, 89
Вопарил (Voparil C.J.) 84
Вретцел (Wretzel J.) 64

Гегель (Hegel G.W.F.) 8–12, 16, 20, 22, 33, 36, 48, 64–66, 74, 85
Глаймур (Glymour C.) 8
Гомер (Homer) 60
Грёнерт (Grönert P.) 67, 68
Гровер (Grover D.) 55–56, 58
Гросчнер (Gröschner A.) 73
Гудмен (Goodman N.) 79

* Имена авторов и персоналий, встречающиеся в библиографических разделах книги, в указатель не включены.

Даммит (Dummett M.) 57
Дарвин (Darwin Ch.) 12, 65
Декарт (Descartes R.) 9–10, 12, 92
Деннет (Dennett D.) 7, 8, 90
Джеймс (James W.) 11, 12, 25, 38, 42, 44, 81, 83
Джохадзе И. 11, 86
Доннелан (Donnellan K.) 62
Дьюи (Dewey J.) 9, 11–12, 39, 42, 82
Дэвидсон (Davidson D.) 22, 39, 62, 68–69

Жижек (Žizek S.) 85

Зеглен (Žegleń U.M.) 82

Камп (Camp J.) 55–56
Кант (Kant I.) 8–13, 19–20, 22, 26, 39–40, 62, 64, 77, 85, 88, 92–93
Катцер (Katzner Ch.) 12
Кемп (Kemp C.) 54
Кемп (Kemp G.) 44
Клаузен (Clausen A.) 41, 45, 68
Кожев (Kojève A.) 36
Козлова М. 43
Конант (Conant J.) 82
Кремер (Kremer M.) 26–27, 41
Крипке (Kripke S.A.) 8
Кроуэлл (Crowell S.) 41
Куайн (Quine W.V.O.) 9, 58, 62, 65–66, 84
Кукла (Kukla R.) 27–28, 70
Куклик (Kuklik B.) 8
Кун (Kuhn T.) 25, 65
Купман (Koorman C.) 73

Лампе (Lampe M.) 62
Лаурентиис де (Laurentiis de A.) 66
Лауэр (Lauer D.) 53
Лафонт (Lafont C.) 54
Левин (Levine S.) 84
Лейдлмайр (Leidlmair K.) 13
Лейбниц (Leibniz G.W.) 8, 22
Лекторский В. 68
Леонарди (Leonardi P.) 22

Лепор (Lepore E.) 41
Лефлер (Loeffler R.) 53
Линд (Lind D.) 19
Локк (Locke J.) 72
Лорье (Laurier D.) 53
Лоуренс (Lawrence D.H.) 30
Льюис (Lewis C.I.) 84
Льюис (Lewis D.) 8, 32, 59
Лэнс (Lance M.) 27–28, 32, 70

Макбет (Macbeth D.) 77
Макгинн (McGinn M.) 44
Макдауэл (McDowell J.) 15, 18, 41, 44, 47, 49, 52–54, 70–71, 80, 83
Макинтайр (MacIntyre A.) 85
Марголис (Margolis J.) 85
Марес (Mares E.) 59
Махер (Maher Ch.) 19, 24, 43
Медведев В. 14
Медьета (Medieta E.) 12
Мизак (Misak C.) 83
Михайлов И. 36
Мишель (Michael M.) 16, 86
Монрой (Monroy M.) 84
Мур (Moore E.C.) 12

Нешер (Nesher D.) 43
Ницше (Nietzsche F.) 65
Ньютон (Newton I.) 12

О'Лири-Хоторн (O'Leary-Hawthorne J.) 16, 86
Остин (Austin J.) 8

Павилёнис Р. 59
Паррет (Parret H.) 14
Патнэм (Putnam H.) 13, 47, 53, 73, 82
Пенцо (Penco C.) 77
Перегрин (Peregrin J.) 85
Пикарди (Picardi E.) 22
Пилстрём (Pihlström S.) 46
Пиппин (Pippin R.) 30, 66
Пирс (Peirce Ch.S.) 8, 11–12, 33, 39, 84

Поль (Pohl M.) 47
Прайен (Prien B.) 47, 65, 70
Прайс (Price H.) 24, 39, 62, 84
Птолемей (Ptolemy) 47

Райл (Ryle G.) 19
Райт (Wright C.) 58
Райчман (Rajchman J.) 38
Рамберг (Ramberg B.) 73
Рассел (Russell B.) 63
Реддинг (Redding P.) 19, 65
Рейнолдс (Reynolds J.) 59
Решер (Rescher N.) 32, 39, 50
Рикёр (Ricoeur P.) 36
Робин (Robin R.S.) 12
Розенкранц (Rosenkranz S.) 67
Розенхаген (Rosenhagen R.) 47
Рокмор (Rockmore T.) 39, 65–66
Ролз (Rawls J.) 85
Рорти (Rorty R.) 8, 11, 14, 24–25, 38, 42, 44, 47–48, 53, 62–65, 73, 79–85
Руднев В. 29
Рэгланд (Ragland C.P.) 50

Саито (Saito N.) 73
Свиндал (Swindal J.) 74
Селларс (Sellars W.) 9, 15, 17–18, 22, 24–25, 41, 43, 45, 49, 66, 71, 77, 78
Сёрл (Searle J.R.) 7, 20, 46
Силва (Silva C.) 84
Скиннер (Skinner Q.) 64
Смит (Smith N.) 47, 59
Соамс (Soames S.) 58
Сократ (Socrates) 59
Соса (Sosa E.) 59
Спиноза (Spinoza B.) 22
Стаут (Stout J.) 34, 68, 83, 84
Стридом (Strydom P.) 72, 74
Стросон (Strawson P.F.) 7
Стэндиш (Standish P.) 73
Сэндбот (Sandbothe M.) 73

Тарский (Tarski A.) 55
Труфанова Е. 68
Тэйлор (Taylor Ch.) 74–75, 85

Уайт (White M.) 9
Уильямс (Williams J.) 59
Уильямс (Williams M.) 10, 15
Уэст (West C.) 38

Филд (Field H.) 58
Фихте (Fichte J.G.) 12
Фиш (Fisch M.H.) 12
Фодор (Fodor J.) 14, 41
Франкенбери (Frankenberry N.) 84
Фреге (Frege G.) 8, 22, 58, 63, 79, 88–89
Фуко (Foucault M.) 65
Фултнер (Fultner B.) 74

Хаак (Haack S.) 85
Хаббс (Hubbs G.) 19
Хабермас (Habermas J.) 8, 27, 29, 31, 41, 43, 52, 65, 67, 69–74
Хайдеггер (Heidegger M.) 8, 22
Хайдт (Heidt S.) 50
Харман (Harman G.) 66
Хаттиангади (Hattiangadi A.) 18
Хендерсон (Henderson R.) 30
Хендли (Hendley S.) 71, 74
Хильдебранд (Hildebrand D.) 41
Холгейт (Houlgate S.) 66
Хорвич (Horwich P.) 58

Чейз (Chase J.) 59
Чизолм (Chisholm R.) 59

Шанц (Schantz R.) 55
Шарп (Scharp K.) 15, 69, 74
Швейкард (Schweikard D.P.) 47, 65
Шиллер (Schiller F.C.S.) 12, 81
Шнеевинд (Schneewind J.B.) 64

Энском (Anscombe G.E.M.) 20
Эсфельд (Esfeld M.) 67–68

Summary

Igor D. Dzhokhadze

Robert Brandom's Analytical Pragmatism

Igor D. Dzhokhadze (b. 1972) is a senior researcher of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (IFRAS). He is an author of four books: "Richard Rorty's Neopragmatism" (2001), "Democracy in the Post-Modern Age" (2006), "Beyond Ethics" (2011), "Hilary Putnam's Pragmatic Realism" (2013). From 2013 – acting head of the Department of contemporary Western philosophy, IFRAS.

This book presents a reconstructive analysis of the works of contemporary American philosopher Robert Brandom, a member of the "Pittsburgh school of Neo-Hegelians". The author focuses on Brandom's pragmatic approach to some basic epistemological and metaphysical issues, as well as his "anaphoric theory of truth" which is a variety of deflationism. The content of the key concepts of Brandom's analytical pragmatism ("discursive commitment", "normative statuses", "inferentialism" etc.) is elucidated and critically discussed. Supplements to the book contain a full bibliography of Brandom's writings from 1976 to 2014.

In "Making It Explicit" (1994) Brandom presents his work as an attempt to explain why meaning and thought are thoroughly normative. He adopts the interpretative strategy: there are norms of speech and thought because we *ascribe* them to people with whom we communicate and practically interact. Hence norms are not "out there" as independent entities detached from our interpretative practices and attitudes towards others (something antecedently "given"), – they are *created* by us. Brandom calls this strategy "phenomenalist". Norms are in the eye of the beholders, speakers and agents participating in the "game of giving and asking for reasons", – but not merely fictions, instrumental in our making sense of others: norms supervene upon real genuine *practices* which are in order in a community, and which are essentially linguistic and discursive.

From that angle Brandom tries to rework the whole of the philosophy of language in terms of normative, socially articulated pragmatics. This neo-analytic approach contrasts sharply with the dominate representationalist (and empiricist) theories that are the legacy of Russell, Carnap, and early logical positivists. In developing his alternative, Brandom starts from a version of *inferential-role semantics* according to which an assertion's content is constituted by its place in a field of *inferential* relations. It is because we

have “an independent theoretical grip on the notion of an inference”, and of its goodness or badness, that we are able to attain a notion of content that is prior to any of the representational concepts. Representations can only be understood – and can be fully explained – as products of inferences, argues Brandom. In his recent texts, including 2014 volume “*From Empiricism to Expressivism*”, he explicitly casts himself as a follower of Wilfrid Sellars, who for Brandom was carrying not just Kantian, but also Hegelian explorations, that underscore the failure of representationalist project.

Table of contents: Brandom as a systematic philosopher – Yale, Princeton, Pittsburgh – Between “knowing how” and “knowing that” – Fallibilism, ontological and epistemological – The linguistic turn – A game of giving and asking for reasons – The regress-of-interpretations argument – Intentionality as a pragmatically mediated semantic relation – Priority of the propositional – Holism – Normative statuses – Scorekeeping in a discursive game – Commitments without entitlements – Anerkennung – Understanding and “objective commitment” – Inferential and referential relations – Is Brandom a linguistic idealist? – Objectivity and the representational dimension of discourse – To *see* means to *understand* – Truthfulness of beliefs and interpreter’s perspective – Brandom’s critique of McDowell’s “individualism” – Anaphora, deixis, communication – Brandom’s deflationism – *De re* and *de dicto* modes of interpretation – Historical and rational reconstructions – “Objective correctness” and the possibility of collective delusion – Is mutual understanding the goal of linguistic communication? – “Mystery” of the language and its logical structure – Meaning-use analysis – Controversy with Rorty – “Mysterious author” – Supplements: *Brandom R.* Reasoning and Representing – Bibliography of Brandom’s works (1976-2014) – Selected publications on Brandom – Index of names.

Научное издание

Джохадзе Игорь Давидович
Аналитический прагматизм Роберта Брэндома

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Художник *Н.Е. Кожина*
Технический редактор *Ю.А. Аношина*
Корректор *А.А. Гусева*

Лицензия ЛР № 020831 от 12.10.98 г.

Подписано в печать с оригинал-макета 05.02.15.
Формат 60x84 1/16. Печать офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Усл. печ. л. 9,00. Уч.-изд. л. 7,16. Тираж 500 экз. Заказ № 01.

Оригинал-макет изготовлен в Институте философии РАН
Компьютерный набор: *Е.Н. Платковская*
Компьютерная верстка: *Ю.А. Аношина*

Отпечатано в ЦОП Института философии РАН
119991, Москва, Волхонка, 14, стр. 5

Информацию о наших изданиях см. на сайте Института философии:
<http://iph.ras.ru/arhive.htm>

Вышли в свет

1. **Анашина, М.В. Философия эпохи Хань: Учебное пособие [Текст] / М.В. Анашина; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2013. – 101 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0249-2.**

Учебное пособие «Философия эпохи Хань» посвящено завершающему периоду древнекитайской философии, когда произошел синтез учения школ, существовавших в предшествующую эпоху Чжоу. В это время официальной идеологией в Китае становится конфуцианство в интерпретации Дун Чжуншу, Конфуций обожествляется, формируется Пятиканоние. Конфуцианство включает в себя идеи легизма, натурфилософии, отчасти даосизма. В даосизме все более отчетливо проявляются религиозные идеи.

В учебном пособии рассматриваются общие аспекты философии указанного периода, а также идеи отдельных, наиболее значимых философов. Пособие предназначено для студентов востоковедческих специальностей и всех интересующихся китайской философией.

2. **Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 8 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Ф.Г. Майленова. – М. : ИФ РАН, 2014. – 252 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0270-6.**

Проблема понимания – одна из основных в современной философии. Она одинаково важна и для континентальной философской традиции, которая опирается на герменевтику и гуманитарные науки, и для аналитической традиции с ее опорой на точное естествознание и натурализм. Проблема понимания является интегральной, примиряющей обе традиции и позволяющей им понять друг друга.

Авторы размышляют о философских аспектах понимания, исходя из разных перспектив. Представители аналитической традиции связывают понимание с анализом языка и прояснением языковых конструкций. Сторонники социопистемологического подхода размышляют о понимании в культурном и практическом контексте.

3. **Взаимосвязь фундаментальной науки и технологии как объект философии науки [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Редкол.: Е.А. Мамчур (отв. ред.). – М. : ИФ РАН, 2014. – 227 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0260-7.**

Анализируется проблема взаимоотношения фундаментальной науки и технологии. Акцент делается на эпистемологических аспектах проблемы: роли фундаментальных теорий в получении технологических инноваций; механизмах включения теоретического знания в процесс получения новых технологических достижений; различиях между фундаментальным и прикладным знанием; статусе понятия технауки; соотношении истины и пользы.

Особое внимание уделяется социальным и этическим аспектам взаимоотношения науки и технологии, а также вопросам, традиционно относящимся к сфере философии техники.

Книга адресована тем, кто интересуется вопросами философии науки и техники на современном этапе их развития.

4. **Визгин, В.П. Очерки истории французской мысли [Текст] / В.П. Визгин ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2013. – 133 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0239-3.**

Книга содержит статьи и выступления последних лет. Всех ее героев объединяет то, что они внесли свой особый вклад в экзистенциальное философствование, которое во Франции зарождалось и развивалось в тесном единстве с литературой. В книге демонстрируется актуальность экзистенциального стиля мысли и слова. Урок Руссо, которым она открывается, преломившись и обогатившись в творчестве таких фигур, как Шатобриан, Жермена де Сталь, Мен де Биран и другие, продолжается в уроках, извлекаемых из опыта Марселя.

5. **Динамика взаимодействия внутренних и внешних факторов и вектор развития российского общества [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М. : ИФ РАН, 2013. – 233 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0237-9.**

Монография посвящена философскому осмыслению влияния внешних факторов на выбор современной Россией стратегического вектора развития. В работе дается анализ целей информационной политики Запада в отношении России, показываются возможные последствия для России, следующие из теории «конца пространства», предлагается оригинальная версия понимания такого специфического явления как «русское чудо» и его роли в российской истории.

Монография предназначена для научной общественности, для всех, кого интересуют новые глобальные вызовы и угрозы России в XXI веке, оценка адекватности ответов на них со стороны российского общества и власти.

6. **История модернизации как предмет социально-философского анализа [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: В.Г. Федотова, В.А. Колпаков. – М. : ИФ РАН, 2014. – 233 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0272-0.**

Данная работа сектора социальной философии посвящена историям модернизаций на Западе и в России: модернизационно-цивилизационному проекту Запада; дополитической, политической и постполитической культурам как вехам модернизации; вкладу российского либерализма в осмысление модернизации и капитализма; концепту псевдоморфозы в объяснении российской истории; постмарксистским концепциям; постсоветской модернизации. Рассмотрена региональная модернизация и истории модернизаций разных сфер общества (технологий и последствий этого, человека в модернизирующемся обществе, психосоциальных и культурных предпосылок модернизации общества).

7. **История философии. № 19 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. А.В. Черняев. – М. : ИФ РАН, 2014. – 285 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 1 000 экз. – ISSN 2074-5869.**

Данный выпуск журнала содержит статьи и публикации по истории русской мысли. Публикуемые исследования посвящены, в частности, концептуальным вопросам истории русской философии в широком проблемно-хронологическом диа-

пазоне; рецепции русскими мыслителями идейных традиций древности (египетской и греко-римской); социокультурным и инфраструктурным аспектам истории русской философии; а также творчеству таких русских мыслителей, как Максим Грек, И.И.Лапшин, Н.О.Лосский, Б.Н.Чичерин и др. Предлагается новый взгляд на историю и перспективы полемики западников и славянофилов. Освещена панорама истолкований русскими философами начала XX в. феномена войны. Наряду с исследовательскими статьями, публикуются новые источники (фрагменты древнерусского перевода трактата Псевдо-Дионисия Ареопагита «О божественных именах» и фрагменты воспоминаний Г.Н.Трубецкого).

Издание адресовано специалистам, аспирантам, студентам и всем интересующимся историей русской философии.

8. **Кара-Мурза, А.А. Интеллектуальные портреты: Очерки о русских мыслителях XIX–XX вв. Вып. 3 [Текст] / А.А. Кара-Мурза ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2014. – 215 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0278-2.**

Книга известного философа и политолога, доктора философских наук А.А. Кара-Мурзы (третья в авторской серии «интеллектуальных портретов») представляет собой сборник оригинальных биографий крупнейших деятелей русской культуры и политики – Александра Пушкина, Николая Станкевича, Тимофея Грановского, Андрея Краевского, Ивана Аксакова, Ивана Тургенева, Михаила Стасюлевича, Антона Чехова, Николая Бердяева, Петра Струве, Федора Степуна. Автор продолжает выстраивать родословную либерально-консервативной, культуроцентричной традиции русской общественной мысли.

9. **Кудаев, А.Е. Трагедия творчества в эстетике Николая Бердяева [Текст] / А.Е. Кудаев ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2014. – 255 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 228–254. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0268-3.**

В монографии анализируется одна из ключевых проблем наследия Бердяева – концепция трагедии творчества. В работе впервые раскрывается роль и концептуальное значение феномена трагического в философско-эстетической мысли Бердяева. Показывается неизбежность выхода философа на проблему трагедии творчества, его причины и определяющая структурно-смысловая роль данной проблемы во всем его наследии. Рассматривается определяющее влияние бердяевской концепции трагедии творчества на осмысление философом таких основных эстетических категорий, как красота, совершенство, а также на его понимание искусства.

Для студентов, магистрантов, аспирантов, преподавателей вузов, а также широкой аудитории, интересующейся историей русской культуры.

10. **Куценко, Н.А. Философия, филология, теология в образовательной системе Российской империи XIX века [Текст] / Н.А. Куценко; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2013. – 138 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0254-6.**

В монографии, которая является продолжением исследований автора по истории академического образования в России, рассматриваются основные вопросы по его становлению и развитию. Сделан обобщенный ана-

лиз данного процесса, который начинается со времён Древней Руси, продолжается в Средние века и Новое время. Также затрагиваются вопросы преемственности отечественного гуманитарного и культурного наследия в новейшей российской истории. Представлены малоизвестные архивные материалы, содержащие ценные сведения о триединстве гуманитарного синтеза филологии, философии, теологии. Они приводятся на примере произведений видных представителей отечественной академической философии Нового времени в лице Георгия Щербацкого, Феофана Затворника и анонимного автора.

- 11. Лингвистика, коммуникация и история: семантический анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред.: А.Ю. Антоновский, А.Л. Никифоров. – М. : ИФ РАН, 2013. – 183 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0248-5.**

Сборник посвящен анализу понятий *значение* и *смысл* в логической семантике, лингвистике, в теории коммуникации и в социальных науках. В своем наиболее узком и точном смысле эти понятия исследуются прежде всего в связи с языковыми выражениями, но авторам показалось уместным дополнить логико-лингвистическое понимание *значения* и *смысла* и рядом нелингвистических перспектив. Сборник дает достаточно полное представление о современных дискуссиях по поводу понятия значения и смысла, ведущихся как специальных областях, исследующих значение отдельных групп языковых выражений, так и вообще в социальной философии и в социальных науках.

- 12. Лысенко В.Г. Шантаракшита и Камалашила об инструментах достоверного познания [Текст] / В.Г. Лысенко, Н.А. Канаева ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФРАН, 2014. – 295 с. ; 20 см. – Библиогр.: с. 280–294. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0276-8.**

Монография включает переводы с санскрита и анализ двух логико-эпистемологических глав («Исследование восприятия» и «Исследование вывода») известного буддийского «Собрания категорий» («Таттва-санграха») Шантаракшиты с комментарием «Панджика» Камалашилы (оба – VIII в.). Поскольку буддисты обосновывают свою теорию через опровержение конкурирующих теорий всех главных систем, их текст содержит ценную информацию по истории не только буддийской, но и всей индийской эпистемологии и логики. Книга адресована как историкам философии, так и специалистам в области теории познания и когнитивных наук.

- 13. Малевич, Т.В. Теории мистического опыта: историография и перспективы [Текст] / Т.В. Малевич; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2014. – 175 с.; 20 см. – Библиогр.: с. 154–174. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0261-4.**

Исследования мистического опыта занимают одно из основных мест в современном западном религиоведении, провоцируя острую дискуссию о сущности мистических переживаний, возможности их концептуализации и правомерности оперирования категорией «мистический опыт» в научном дискурсе.

В монографии проводится обзор концепций мистического опыта, выявляется их эвристический потенциал и демонстрируется динамика развития в XX–XXI вв.: от раннего эссенциализма (У.Стэйс и др.) и конструктивизма (С.Кац, Дж.Хик и др.) до психологического перенниализма (Р.Форман и др.) и альтернативных когнитивных подходов (Р.Стадстил, Э.Тэйвз).

- 14. Метавселенная, пространство, время [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.В. Казютинский. – М. : ИФ РАН, 2013. – 141 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0238-6.**

В книге рассматриваются некоторые аспекты революционных изменений научной картины мира, обусловленные развитием современной космологии. Проанализированы философские, эпистемологические и онтологические основания концепции Метавселенной (Мультиверса), возникшие в неклассической физике и квантовой космологии. Обсуждаются парадоксальные для науки проблемы реальности принципиально ненаблюдаемых объектов. Затронуты споры вокруг понятия реальности в современной философии, физике и космологии. С разных позиций обосновывается статус математических структур, используемых современной космологией. Большое внимание уделено эпистемологическим проблемам самоорганизации пространства и времени в моделях Метавселенной, границам применимости современных смыслов этих понятий.

- 15. Методология науки и дискурс-анализ [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. А.П. Огурцов. – М. : ИФ РАН, 2014. – 285 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0256-0.**

Исследуются концепции и формы дискурса в истории мысли. Прослеживается основная линия в дискурс-анализе – дивергенция в трактовке дискурса. Альтернативной тенденцией является поиск единых эпистемологических оснований дискурс-анализа – текст, идеология, коммуникация, синергия. Показана неадекватность сужения поля исследований, его ограничения гуманитарным знанием и приложением методов лингвистического анализа текстов. С привлечением отечественной и зарубежной литературы сопоставляются методы герменевтики и дискурс-анализа, рассматриваются жанровые особенности философии, место логики в философии, важность предметного содержания для исследований дискурса, ценностные ориентиры ряда речей в судах. Для историков философии и науки, филологов и всех интересующихся методами анализа рассуждений.

- 16. Научно-техническое развитие и прикладная этика [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: В.Г. Горохов, В.М. Розин. – М.: ИФ РАН, 2014. – 303 с.; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0277-5.**

Сборник посвящен междисциплинарным проблемам научно-технического развития, в ряду которых важное место занимают проблемы прикладной этики. Философия техники – установившееся название одного из направлений современной философии. Все виды современной техники имеют как положительные, так и отрицательные для общества последствия и несут в

себе технологические, экологические и социальные риски. Техногенные катастрофы, связаны они с природными катастрофами или отказами техники из-за их неправильного использования или же неверного конструирования, всегда становятся социальными катастрофами, а значит должны «регуливаться» обществом. Технологические риски осознаются сегодня как социальные и поэтому их открытое, в том числе и философское обсуждение представляется нам весьма актуальным. Дискуссия за круглым столом, опубликованная в этом сборнике, посвящена обсуждению технических рисков как социальной проблемы.

- 17. Ориентиры... Вып. 9 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Т.Б. Любимова. – М. : ИФ РАН, 2014. – 199 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISSN 2222-4351.**

9-й выпуск «Ориентиров...» посвящен исследованию разных аспектов идеологии. В нем рассматриваются процессы, происходящие или происходившие в нашей стране, например судьбы легитимности в постсоветский период, общие вопросы соотношения идеологии с властью и культурой, публичным и частным пространством; затрагиваются и исторические аспекты, такие как становление имперской идеологии в России, а также исследуется вопрос о значении традиции для современности, и в этой связи публикуются главы из книг Рене Генона «Общее введение в изучение индуизма», где обсуждается соотношение между метафизикой, религией, философией, моралью.

- 18. Петрова, Е.В. Человек в информационной среде: социокультурный аспект [Текст] / Е.В. Петрова ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2014. – 137 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0257-7.**

Монография посвящена анализу социокультурного аспекта бытия человека в информационной среде. Этот аспект рассмотрен через призму проблемы адаптирования информации человеком. Проанализированы исторические корни современной информационной среды и их связь с доминирующим в тот или иной период способом хранения и передачи информации (устный, письменный, печатный, электронный). Информационная культура представлена как необходимое условие успешного бытия человека в информационном обществе, как часть процесса формирования глобального культурного поля человечества. Рассмотрены также изменения в образовательной сфере, связанные с развитием информационно-коммуникационных технологий.

- 19. Познание и сознание в междисциплинарной перспективе. – Часть 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.А. Лекторский. – М. : ИФ РАН, 2014. – 221 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0280-5.**

Книга представляет собой продолжение проводимого коллективом авторов исследования проблем эпистемологии и философии сознания в контексте интеграции знаний, подходов и методов разных дисциплин. Анализируются вопросы, связанные с эволюцией человека и биологическими предпосылками кризисных явлений в современном обществе, соотношением биологического и социального при формировании и функционировании человеческого Я, раз-

вителим прогнозирования и новыми подходами к предвидению и проектированию. Достоинства и трудности междисциплинарного подхода выявляются при рассмотрении современного положения в научных исследованиях, в частности проблем воспроизводимости и ценности научного знания, уместности метода реконструкции в отдельных областях гуманитарной науки, оппозиции «сциентизм–антисциентизм», а также анализе нормативного знания и проблемы счастья. Помимо этого демонстрируется актуальность ряда ранее выдвигавшихся философских концепций и идей в контексте современных междисциплинарных изысканий.

- 20. Политико-философский ежегодник. Вып. 6 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.И. Мюрберг. – М. : ИФ РАН, 2013. – 207 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0247-8.**

Шестой выпуск Политико-философского ежегодника полностью посвящен теме современной революции. Составители выпуска стремились отразить в выборе представленных материалов все богатство предметно-методологических подходов, сложившихся за период, начало которому положила эпоха Великой Французской революции. Задача осуществления понятийно когерентного анализа концепта «революция» реализуется в данном выпуске при помощи связующих (а) *понятий* (идентичность, нигилизм, гуманизм), (б) *методологий* (эпистемологический анализ, марксистский критицизм) и (в) *тем* (русская революция, консерватизм как часть революционной идеологии). Также представлены работы классиков (Дж.-С.Милль, Л.Штраус), впервые опубликованные а в русском переводе.

- 21. Понимание в кросс-культурной коммуникации [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. И.Т. Касавин. – М. : ИФ РАН, 2014. – 199 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0273-7.**

Проблема понимания – одна из основных в современной философии. Она одинаково важна и для континентальной философской традиции, которая опирается на герменевтику и гуманитарные науки, и для аналитической традиции с ее опорой на точное естествознание и натурализм. Проблема понимания является интегральной, примиряющей обе традиции и позволяющей им понять друг друга.

Авторы размышляют о философских аспектах понимания, исходя из разных перспектив. Представители аналитической традиции связывают понимание с анализом языка и прояснением языковых конструкций. Сторонники социозпистемологического подхода

- 22. Проблема воображения в эволюционной эпистемологии [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. Е.Н. Князева. – М. : ИФ РАН, 2013. – 207 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0242-3.**

В центре внимания авторов сборника – воображение как проблема эволюционной эпистемологии. К анализу этой традиционной для эпистемологии проблемы привлекаются данные современных когнитивных наук, наук о жизни, нейронауки, т. е. проблема обсуждается в междисциплинарной перспективе. Способность продуктивного воображения рассматривается в связи с новейшими исследова-

ниями креативности, творческих способностей человека. Исследование воображения помещается в контекст современных дискуссий о ментальных образах, перцептивном мышлении, роли визуализации, встроенной в игры разума, в ментальные процессы, происходящие в различных состояниях сознания. Воображение исследуется в связи проблемами индивидуальной, телесной и духовной, культурной и социальной составляющих познавательных процессов.

- 23. Проблемы философии культуры. Вып. 2 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. С.А. Никольский. – М. : ИФ РАН, 2014. – 207 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0275-1.**

В сборнике ставится задача прояснить понимание истории как философской проблемы; рассмотреть формулу сопряжения жизни и смерти в русской литературе; проанализировать сущность заповеди любви к ближнему, образующей этическую основу правосознания; показать взаимосвязь памяти, истории и идентичности; представить гендерный подход в философии культуры и философской антропологии; исследовать феномен сакрального в аспекте повседневности.

- 24. Пространство как трансцендентальная предпосылка познания реальности [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Редкол.: Е.А. Мамчур (отв. ред.) и др. – М. : ИФ РАН, 2014. – 108 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0262-1.**

Пространство рассматривается как трансцендентальная предпосылка описания реальности в естественнонаучном и гуманитарном познании. Анализируются современные дискуссии о фундаментальности (или нефундаментальности) понятия пространства для теоретического постижения фундаментальных структур. Особое внимание уделяется осмыслению альтернативных моделей пространства в естественных и гуманитарных науках. Анализируется роль идеи пространства в формировании современных теоретико-физических гипотез и в понимании феноменов культуры.

Монография адресована всем тем, кто интересуется философскими проблемами современной науки.

- 25. Социально-исторические и идейные основы современного российского государства [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии; Отв. ред. В.Н. Шевченко. – М. : ИФ РАН, 2014. – 221 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0263-8.**

В коллективной монографии рассматривается философский смысл происходящих перемен в идейно-духовной ситуации в российском обществе. Предпринята попытка дать современное понимание идеологии как сложного, многопланового идейного феномена, организующего социальную жизнь. Анализируются полемика относительно природы российского государства, роль философии в достижении общенационального согласия, консолидации и единства российского общества.

Монография предназначена для научных работников, преподавателей, аспирантов, а также для широкого круга читателей, интересующихся идейно-духовным состоянием современного российского общества, возможностями создания национально-государственной идеологии.

- 26. Социально-философский анализ модернизации: теории, модели, опыт [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. В.Г. Федотова. – М. : ИФ РАН, 2013. – 221 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0250-8.**

Коллективная плановая монография Сектора социальной философии ИФ РАН посвящена социально-философскому анализу теорий, моделей и опыта модернизаций. В разделе «Капитализм и модернизация» анализируется первая модель капитализации России и дальнейшее развитие капитализма в мире. Второй раздел посвящен соотношению модернизации и науки в различных аспектах. В третьем разделе «Модернизация повседневности и повседневность модернизации» рассматриваются тренды постсоветской эпохи, в том числе и архаизация общества, развитие депрессивного региона, персональная модернизация. В четвертом разделе «Среда модернизации» обсуждаются ее цели, средства и перспективы постиндустриальной модернизации. Монография содержит новые результаты.

- 27. Спектр антропологических учений. Вып. 6 [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. Л.С. Гуревич. – М. : ИФ РАН, 2014. – 212 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0266-9.**

В шестом выпуске «Спектра антропологических учений» продолжается изучение классики философской антропологии (И.Кант, С.Кьеркегор, Г.Хёгстенберг), прослеживаются новые тенденции в философском постижении человека. Особое внимание уделено феноменальным модусам человеческого самобытия, проблеме единства и множественности форм человеческого существования. Поставлена проблема бытийной самостоятельности человека, рассмотрен феномен духовности.

- 28. Сухов, А.Д. Философия религии в марксизме и русском материализме XIX в. [Текст] / А.Д. Сухов ; Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М. : ИФ РАН, 2014. – 98 с. ; 20 см. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0259-1.**

В работе сопоставлены две философии религии – в марксизме и русском философском материализме XIX в. Показано, что у русских мыслителей те же предшественники, как и в марксизме, что они также использовали диалектический метод, переосмыслив его материалистически, что они материалистически воспринимали общество, его компоненты, религию – в том числе. Исследована проблематика этих философий религии: причины религиозности, место религии в жизни человека и общества, функции, ею выполняемые, ее структура и особенности – сравнительно с другими сферами духа. Выяснено, что эти концепции, отличаясь мерой постижения изучаемых явлений и категориальным аппаратом, несмотря на то, что они создавались независимо одна от другой, имели сходство; они аналогичным образом трактуют объект своего исследования. Определена значимость этих концепций в истории философии и истории общества.

29. **Философия управления: методологические проблемы и проекты** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред.: *В.И. Аршинов, В.М. Розин.* – М. : ИФ РАН, 2013. – 303 с. ; 20 см. – Библиогр. в примеч. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0240-9.

Работа является второй в серии исследований, посвященных современным проблемам управления (первая «Философия управления: проблемы и стратегии» вышла в 2010 г.). В данном случае помимо общеполитических проблем управления (сущность философии управления, основные подходы и дискурсы, понятия философии управления) сделан акцент, с одной стороны, на философском и методологическом осмыслении проектов управления, с другой – на обсуждении особенностей и проблем управления в российских условиях. Авторы монографии – известные философы и специалисты в области синергетики, философии техники, эпистемологии. Монография ориентирована на широкий круг исследователей и педагогов.

30. **«Цивилизация и модернизация», Российско-китайская конф. (2012 ; Москва). Российско-китайская конф. «Цивилизация и модернизация», 29–31 мая 2012 г.** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Редкол.: *Н.И. Лапин, Чунаньци Хэ* и др. – М. : ИФ РАН, 2013. – 197 с. ; 20 см. – На обл. авт. не указаны. – 500 экз. – ISBN 978-5-9540-0241-6.

В настоящем сборнике публикуются материалы российско-китайской конференции «Цивилизация и модернизация», которая состоялась 29–31 мая 2012 г. в Институте философии РАН. Ее организовал Центр изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН совместно с Центром исследований модернизации Китайской академии наук (ЦИМ КАН). Активное участие в конференции приняли специалисты Института социологии РАН, Института социально-экономического развития территорий РАН (г. Вологда), Курского и Тюменского государственных университетов. Основное внимание было уделено: 1) социально-философским проблемам соотношения цивилизации и всемирной модернизации; 2) методологии, инструментарию и результатам измерения уровней, стадий и фаз модернизации в 131-й стране мира и их регионах, прежде всего Китая и России.

Сборник адресован философам, социологам, экономистам, политологам, государственным и муниципальным служащим, представителям общественности и всем интересующимся вопросами экономического, социального, культурного, политического развития России и ее регионов.

31. **Этическая мысль. Выпуск 14** [Текст] / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; Отв. ред. *А.А. Гусейнов.* – М. : ИФ РАН, 2014. – 301 с. ; 20 см. – 1 000 экз. – ISSN 2074-4870.

14-й выпуск «Этической мысли» состоит из двух разделов – этической теории и истории моральной философии. В первом разделе рассматриваются вопросы специфики морали, анализируются причины нормативно-этического плюрализма, отстаивается идея единственности морали в нормативно-содержательном смысле; исследуется проблема соотношения морали и цивилизации; подчеркивается этическая значимость «малого» – конкрет-

ного, исторически изменчивого, особенного и т. п. при том необходимом условии, что оно осознается в неразрывной связи с «большим» – абсолютным, безусловным, вневременным и т. п.; критически рассматривается доктрина двойного эффекта. Во втором разделе собраны тексты, посвященные разным аспектам этики Аристотеля, А.Смита, И.Канта, Г.Когена, М.Вебера, Д.И.Чижевского, М.М.Бахтина. В этом же разделе представлен анализ этического содержания философских курсов профессоров Киево-Могилянской академии.